

Вас. И. Немировичъ-Данченко

Собрание сочиненій

Томъ XV

**Съ вооруженнымъ
народомъ**

Дневникъ корреспондента въ болгарской арміи

II

Въ боевомъ огнѣ

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразование“,
Забалканскій пр., д. № 75.

I.

Ночью бѣшеные порывы сѣверо-восточнаго вѣтра.

Подарокъ холодной Россіи. Наша ужасная бора, когда все Черное море темнѣетъ и корчится подъ ударами неожиданнаго урагана, а рыбачьи суда заползаютъ скорѣй въ береговыя щели отсиживаться отъ непосильной бѣды. Да и пароходамъ не легче. Сколько ихъ гибнетъ здѣсь въ это ненастье! . . . Непогода, разыгравшаяся по всему полуострову, не остановила болгаръ. Я уже описывалъ ихъ наступленіе перебѣжкой къ турецкимъ фортамъ, именно къ той «Большой Медвѣдицѣ», которую составляютъ семь такихъ сосредоточившихся въ одно прозное гнѣздо. Всѣ они новые, вооруженные прекрасными полевыми орудіями. За валомъ здѣсь засѣлъ значительный гарнизонъ . . . Подъ ударами вихря, наносившаго цѣлыя тучи дождя, болгары, умѣющіе великолѣпно пользоваться мракомъ и ненастьемъ, по страшнымъ, скользкимъ осыпямъ шли, не отдыхая, въ атаку на эти чудившіяся неодолимыми позиціи. Пристрѣлявшіися за день болгарскія батареи и въ сплошной темени били по ихъ землянымъ валамъ, снося сосредоточенными ударами прочь казавшіеся такими надежными оплоты. Какъ говорятъ, въ шумѣ бури не было слышно движенія боевыхъ колоннъ, развертывав-

шихся въ цѣпи по отложениямъ и склонамъ горъ. Турецкая пѣхота, какъ и днемъ, продолжала неистовый обстрѣлъ полосы подступа къ нимъ, по которой должны были пройти болгары. Почти одновременно они кинулись на три главные редута изъ этихъ семи. На первый, второй и седьмой. Надо отдать справедливость туркамъ, — на первыхъ двухъ они защищались упорно и ушли только послѣ ненавистныхъ имъ ударовъ «напредъ, на ножъ!», въ которыхъ являются такими мастерами эти лучшіе ученики русской боевой школы. Турки, отбиваясь, пробовали сами бросаться на непріателя, даже оцетинивались штыками, которые у нихъ почти на три вершка длиннѣе болгарскихъ. Дрались прикладами. Бѣшено схватывались грудью съ грудью, — но должны были или ложиться подъ ударами болгарскихъ полковъ или же бѣжать въ спасительный для нихъ мракъ, подъ подхлестывавшіе ихъ на побѣгъ удары порывистаго урагана. Въ редутѣ № 7 они даже не ожидали, что болгары такъ близко, и когда тѣ перебросились черезъ брустверы, турки уже не могли отвѣтить ударомъ на ударъ. Натерпѣвшіеся за день, потерявшіе товарищесі въ полосѣ обстрѣла, солдаты народной арміи какъ смерчъ прошли черезъ этотъ редутъ. Тутъ все, что смѣло подняться передъ ними, погибло отъ штыковъ. Былъ бой кровавый, страшный, молчаливый. Вся обида, накопившаяся за много лѣтъ, сказала въ этомъ позднемъ возмездіи, вся боль души за замученныхъ братьевъ и оскорбленныхъ сестеръ, весь ужасъ сознанія своего униженія, вся горечь безмолвнаго созерцанія изъ-за рубежей злодѣйствъ, творимыхъ надъ безсиьной и безотвѣтной райей... Рассказываютъ много от-

дѣльныхъ эпизодовъ этого боя, но они тонуть въ общей отвагѣ, въ сплошномъ подвигѣ всѣхъ, которымъ незачѣмъ было подавать примѣра. Вѣдь вся атака, отъ переднихъ звеньевъ наступающей цѣпи до подпиравшихъ ихъ слѣдующихъ линій, складывалась въ общій ударъ, гдѣ не разберешь, который палець въ кулакѣ сильнѣе. Турки, разумѣется, не могли примириться съ такою одновременною потерей трехъ фортовъ. Какъ и противъ скобелевскихъ траншей на Зеленой горѣ, они начали неистовыя атаки. Собрали все, что могли, свили въ одинъ жгутъ силы, значительнѣйшія, чѣмъ тѣ пѣхотныя части, которыя у нихъ отняли позиціи. Не надѣясь на это, переодѣли офицеровъ впереди въ болгарскіе мундиры и кричали побѣдителямъ: «Не стрѣляйте, свои!». Болгары такимъ «своимъ» не повѣрили, и трудно сосчитать, сколько неприятель потерялъ здѣсь опять. Говорятъ, ихъ уронъ въ одну эту ненастную ночь равняется возможнымъ утратамъ въ большомъ сраженіи. Въ отчаяніи они обрѣли позабытое было мужество... Падали, и на мѣста павшихъ становились новые ряды контръ-атаки... Эта бурная ночь свистала и выла кругомъ, обдавая ихъ тучами дождя, била черными крылами неожиданной бѣды... Къ утру всюду стоялъ туманъ, и ничего кругомъ не было видно, но болгарскія боевыя колонны сохранили за собою два редута. Никакія силы турокъ пока не могли ихъ отнять у побѣдителей...

II.

Чѣмъ больше развивается грандіозная эпопея славянской войны, тѣмъ грознѣе растеть

военное значеніе балканскаго союза. Шестьсотъ лѣтъ родныя племена ждали осуществленія мечты, этой невозможной утопіи, какъ ее звали европейскіе дипломаты, — и, наконецъ, она свершилась, безъ ихъ благосклоннаго участія. Сейчасъ къ крупнѣйшему въ XX вѣкѣ міровому событію всего страннѣе относится официальная Россія. Я воздерживаюсь отъ болѣе сильныхъ прилагательныхъ. Намъ слѣдовало бы стать съ нимъ рядомъ, сплестись съ нами же освобожденными балканскими племенами всѣми нашими нервами. Вѣдь, въ виду неотвратимой, ожидающей насъ борьбы съ еще вчера торжествовавшимъ германизмомъ, мы имѣемъ здѣсь силу, которая одна можетъ помѣряться съ Австріей. Уже теперь пресмыкавшіеся подъ его пятою народы одного съ нами корня подняли усталыя головы. Балканскій союзъ одушевилъ ихъ увѣренностью въ побѣдѣ, рѣшимостью бороться за святое дѣло свободы. Вѣдь выставившая полумилліонную армію Болгарія, послѣ ея пріобрѣтеній въ эту войну, легко пошлетъ въ поле восемьсотъ тысячъ, Сербія, вмѣсто сегодняшнихъ 300,000, дастъ около 450,000. Черногорія — до 80,000. Итого, съ Греціей, балканскій союзъ представитъ силу въ полтора милліона солдатъ. Насколько эта сила колеблетъ такую же тройственнаго союза, если она примкнетъ къ тройственному соглашенію, — предоставляю судить читателю. Сама судьба даетъ намъ козыри въ руки, но этими козырями надо воспользоваться сейчасъ, сію минуту, пока это новое «могущество» все полно благодарныхъ воспоминаній о насъ, особенно выступившихъ на яркомъ фонѣ побѣдъ. Сейчасъ, сію минуту, потому что лакейская услужливость

передъ нашими врагами именно въ ихъ руки, въ руки нашихъ враговъ передаютъ эти козыри. Уже теперь Австрія начинаетъ свою обычную игру, связывая съ собою сильныхъ. Пока она даетъ намъ свое благоволеніе за наши колебанія, — ея эмиссары уже работаютъ въ станѣ «побѣдителей». Намъ это здѣсь виднѣе, чѣмъ вамъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Рабья политика никогда и ничего, кромѣ презрѣнія, никому не внушала. Балканскому молодому союзу нужна прочная стѣна, на которую онъ могъ бы опереться. Если наша отодвинется, будьте увѣрены, ея мѣсто живо займетъ другая. Недаромъ въ Австріи уже родилась, и не сегодня, мысль объ общемъ союзѣ съ славянскимъ союзомъ. Австрія умна. Ея дѣйствительная сила — не мужество ея войскъ и не таланты ихъ вождей, а гений ея дипломатовъ. Она поступится многимъ, чтобы выиграть большее. Вѣдь балканскій союзъ, съ его будущей полуторамилліонной арміей, нарушаетъ пресловутое равновѣсіе Европы. Что жъ, для того великая Россія работала вѣка за вѣками, тратила миллиарды народныхъ сбереженій, влѣзла въ петлю неоплатныхъ долговъ, посылала на смерть сотни тысячъ своихъ дѣтей, чтобы, когда, наконецъ, въ небѣ прояснѣло, насъ отъ окна отодвинулъ мудро дожидавшійся разсвѣта сосѣдь? Да и не онъ отодвинулъ, а мы сами посторонились и предложили ему пользоваться свѣжимъ воздухомъ и прекраснымъ видомъ. Вѣдь сейчасъ сила балканскаго союза такова, что, будьте спокойны, никто намъ (въ единеніи съ нимъ) не объявитъ войны, и достиженіе нашихъ историческихъ задачъ обойдется дешево, чего никакъ нельзя сказать о завтрашнемъ днѣ. Есть моменты въ народ-

ной жизни, когда глупые танцмейстеры дипломатіи должны отходить прочь. Слѣпая, вся на условностяхъ и взаимныхъ подсиживаніяхъ, раскланивающаяся, фальшиво-любезная, разрумяненная, какъ старая дѣвка, — она сейчасъ не у дѣль. Ея мѣсто должны занять воля, умъ, характеръ. А воля, умъ, характеръ не спрашиваются, а вершатъ. Таковы англичане и германцы, и мы достаточно на нихъ посмотрѣлись, чтобы знать, наконецъ, это. И, право, достаточно намъ сидѣть въ лакейской, пора перейти въ другія комнаты открытаго для насъ дома. Повторяю, въ благодарномъ Россіи, ищемъ въ ней опоры, молодомъ балканскомъ союзѣ судьба неожиданно для насъ даетъ намъ въ руки великолѣпные козыри. Не сыграйте роль глупыхъ евангельскихъ дѣвъ. Неужели за эти тридцать пять лѣтъ она вамъ не надоѣла? Или вы ничему не научились и все забыли?

III.

Второй день чатаджинскаго боя.

Черное море порывами бѣшеннаго вихря бросаетъ сюда холодныя тучи сплошныхъ, насквозь пронизывающихъ брызгъ. Тучи сливаются въ сѣрое непроницаемое марево, въ которомъ ничего не различишь. Мы сидимъ на брустверѣ оставленнаго редута. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня полковникъ Дрейеръ и капитанъ Мамонтовъ, — я ихъ смутно вижу. Не люди, а пятна. Одинъ изъ нихъ всталъ и отошелъ, и пятно пропало, точно между мною и имъ опустилась непроницаемая завѣса. Въ этой мутной дали — только грязно-сизые, гонимые съ сѣверо-востока гигантскіе клубы

влаги, которая, какъ тысячи хлыстовъ, бьетъ васъ оттуда. Страшно подставить имъ лицо, кажется, что эти мокрые хлысты оставляютъ на немъ слѣды. Встанешь и едва держишься на ногахъ. Такъ срываетъ съ мѣста наша бора, — вѣдь это та же самая бора, что сейчасъ по всему потемнѣвшему простору Понта Эвксинскаго несетъ и разбиваетъ суда, топить рыбацьи лодки, кутаетъ деревья и снасти въ ледяные покровы. Мы тщетно всматриваемся на югъ, — не примерещится ли тамъ голубая улыбка Мраморнаго моря. Вѣдь еще вчера она ласкала насъ воздушной и нѣжной прелестью... Не выступятъ ли изъ-за сѣрыхъ, колеблющихся завѣсъ палевыя поляны и окраенныя темною синью вершины горныхъ кражей... Хоть на минуту. Нѣтъ, сколько ни усиливаешься различить что-нибудь, — впереди маячатъ какіе-то фантомы, и только. Не знаешь, сгустились ли тамъ тучи, или это дѣйствительно выросла вчерашняя гора съ батареей на ней. Должно быть, она, потому что оттуда все время, не умолкая, доносятся сквозь буйный вихрь громы орудій... И съ юга тоже вчерашній броненосецъ посылаетъ по долинѣ Карасу свои снаряды, и ревъ его громадныхъ пушекъ въ эту торжественную и грозную музыку непогоды и боя вносить свою нижнюю октаву... Только послѣ мы узнали, что тамъ одинъ изъ миноносцевъ, ползавшихъ вдоль береговъ, «выбитъ изъ строя» болгарскою гаубицей. Ея чугунный подарокъ пробилъ ему палубу и взорвалъ... Дымясь и сверкая пламенемъ, онъ пустою чашкой быстро побѣжалъ на югъ и скрылся тамъ въ туманѣ. Туманъ на Мраморномъ морѣ все-таки былъ рѣже, и въ немъ хоть что-нибудь да различали съ чатаджинскихъ высотъ.

Ничего не видно, но тысячи кованыхъ желѣзомъ телѣгъ гремятъ по булыжникамъ какой-то безконечной мостовой; во мглѣ разгорается и гаснетъ, чтобы вновь вспыхнуть, бѣшенная ружейная дробь . . . Ея сила иногда такова, что мы въ ней не различаемъ рева орудій, — онъ тонетъ въ ея бѣснующейся бурѣ. Турція поняла, что здѣсь, на изумительномъ тройномъ фронтѣ ея укрѣпленій, рѣшается не судьба войны. Война, все равно, проиграна, — вѣдь болгаръ на занятыхъ ими позиціяхъ не обойти и лобъ въ лобъ не разбить, — но тутъ роковой вопросъ: останется ли у Оттоманской порты хоть клочокъ ея европейскихъ владѣній? Она на западѣ утратила все. Вѣдь теперь и Адрианополь уже потерялъ свое значеніе. Дѣло въ небольшой полосѣ передъ Константинополемъ, въ тѣхъ сорока—пятидесяти верстахъ, которыя по прямой отдѣляютъ насъ отъ него, но съ которыми для этой варварской державы связаны клочья ея недавняго престижа. Для Болгаріи эта часть не имѣетъ значенія. Она уже взяла все, что ей нужно. Дарданеллы и Босфоръ она считаетъ неотъемлемою собственностью Россіи. Сейчасъ она можетъ вводить свое управленіе по всему простору между Мустафа-пашою и Чаталджей. Я даже не понимаю, зачѣмъ молодой народной арміи теперь тратить свои дорогія и нужныя ей силы. Дѣло, по-моему, кончено, и лишняя побѣда можетъ влести только новый лавръ въ ея вѣнокъ, нисколько не измѣнивъ положенія. А лавръ этотъ обойдется слишкомъ дорого.

Самый поверхностный взглядъ на укрѣпленные фронты Чаталджи, гдѣ въ послѣднихъ судорожныхъ усиліяхъ Порты сдѣлала все, что могла, и даже болѣе, чѣмъ могла, куда нѣмецкіе инженеры

вложили послѣднее слово науки, а прирожденные инженеры турки — вдохновеніе фортификаціи (Османъ подъ Плевной), васъ убѣдить, что если бы болгары даже и взяли эти грозныя гнѣзда, — они безъ всякой видимой пользы только бы внесли въ свою военную исторію еще одну блестящую страницу.

Все выше и выше возносятся эти форты, выбросившіе свои люнеты кругомъ. Въ горжи то-и-дѣло входятъ свѣжія войска. И въ самомъ средоточіи этого массива нарытыхъ во всѣхъ направленіяхъ твердынь, точно страшный, припавшій къ землѣ звѣрь, распластался неприступный Каракаль-Нокта надъ узломъ всѣхъ дорогъ — Накашкіоємъ.

Вечеромъ болгары заняли въ «Большой Медвѣдицѣ» новыхъ турецкихъ укрѣпленій редуты первый, второй и седьмой. Планъ Савова, казалось, началъ оправдываться, но на другой день утромъ турки перешли въ наступленіе; ихъ батареи громили отвоеванные форты. Болгары защищались на нихъ отчаянно. Армія генерала Кутинцева, не ограничиваясь предназначенной ей демонстраціей, зарвалась далеко и потребовала подкрѣпленій, которыхъ неоткуда было взять... У народной арміи мало оказалось артиллеріи и — три турецкія твердыни пришлось отдать обратно. Солдаты отошли на свои вчерашнія позиціи; греза главнокомандующаго о Византіи обошла народную армію въ семь тысячъ человѣкъ! Мы возвращались назадъ унылые, молча. Не было ни искры вчерашняго оживленія.

Савовъ уѣхалъ вечеромъ — одиноко, безъ помпы, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Ему здѣсь больше нечего было дѣлать. Освѣтанные гастролеры любятъ уединеніе и мракъ.

Сегодня турецкія батареи работали, — хотя и не вездѣ, — лучше.

Разрывы ихъ снарядовъ захватываютъ большія площади. Ихъ инструкторы сами ставятъ дистанціонныя трубки снарядовъ на извѣстныя разстоянія, группируютъ ихъ по такимъ, и когда подносчики ошибаются, граната вдругъ разрывается чортъ знаетъ гдѣ. Процентъ разрывовъ ихъ очень малъ, и часто чугунные конусы эти зарываются цѣликомъ въ жидкія трясины и раскисшую въ дождь мякоть податливой земли. У болгаръ — напротивъ. У нихъ остроумная механическая постановка трубки позволяетъ и не особенно обученному солдату исправно бить по непріятелю. Когда возможно было слѣдить съ нашей высоты въ первый день боя и подъ конецъ второго за дѣйствіемъ болгарской артиллеріи, мы видѣли, что у нее почти нѣтъ неразрывающихся снарядовъ.

Въ туманѣ турки нѣсколько разъ пробовали свои контръ-атаки.

Густыми массами они выходили изъ горжей, окраивали земляные валы и стремились впередъ. Но, по мѣрѣ приближенія къ болгарскимъ позиціямъ, массы эти рѣдѣли. Движущихся точекъ было все меньше, неподвижныхъ — все больше. Къ этому времени сѣверо-восточный вѣтеръ упалъ, и влажныя колеблющіяся завѣсы тумана приподымались надъ кровавою ареной. Вершины горъ еще терялись за ними, но по ихъ скатамъ уже можно было различить медлительныя цѣпи наступленія. Владѣніе редутами, первымъ и седьмымъ, теряло всякое значеніе безъ остальныхъ, центральныхъ. Чтобы сохранить за собою эти клочки непріятельскаго фронта, пришлось бы подъ огонь турецкихъ

твердынь бросить еще десятки тысячъ жизней, и все-таки даже такую цѣною здѣсь нельзя было бы прорваться впередъ. Болгары на своихъ позиціяхъ сильнѣе, и лучше предоставитъ туркамъ инициативу — отбросить ихъ назадъ. Едва ли только непріятель рискнетъ на это.

Ни картинъ, ни эпизодовъ.

Пустынные поля, артиллерійскіе поединки. Старымъ баталистамъ здѣсь нечего дѣлать. Ни эффектныхъ атакъ, ни кровавыхъ единоборствъ. Ужасъ войны ничего не потерялъ отъ этого. Онъ сталъ только будничнѣе, проще и, разумѣется, отвратительнѣе. Нѣтъ пятенъ для картинъ, одинъ фонъ... Углы впередъ, гдѣ сосредоточивалось то, что называлось красотою боя (для меня она никогда не была такою! Что за красота въ сплошномъ злодѣйствѣ?), исчезли. Остались однѣ длинныя линии гипотенузъ, — если позволено такъ выразиться... Ни Невилю, ни Батайлю, ни Верещагину дѣлать тутъ нечего. Нѣтъ, впрочемъ, вонъ идутъ раненые, лежатъ трупы... Много раненыхъ, массы труповъ... И надъ ними, въ сѣрыхъ тучахъ, мерещатся чьи-то громадныя, на полміра раскрытыя крылья... Тѣнь смерти на всемъ... Въ туманѣ чудятся черныя точки воронья, а въ сѣрыя холодныя ночи по всему этому простору плачутъ и воютъ чекалки...

IV.

Одиннадцатое ноября — отвратительный осенній день. Что-то въ родѣ нашей петербургской погоды. Мороситъ сверху, слякоть снизу, а съ боковъ дуетъ такъ, что не знаешь, съ какой стороны запахнуться. Со всѣхъ сторонъ скверно. Мы

выѣхали на позиціи. Только что разсвѣло. Скука, тускло, мутно. И всѣ краски юга поблекли. Точно кто-то громадною губкою стеръ ихъ, и сквозь блѣдныя черты и намеки видишь громадное сѣрое полотно. Ползуть грязными лохмами унылыя сѣверныя тучи, — холодное дыханіе простуженнаго Чернаго моря. Спускаемся въ сырую лощину. Еще на-дняхъ подъ голубымъ небомъ она ласкала глазъ позднею зеленью южной осени. А теперь трясины, въ которой разѣзжаются ноги коня, надъ трясиною — туманъ, и изъ тумана видны удаляющіяся вдаль, туда, куда и мы ѣдемъ, едва намѣченныя китайскія тѣни. Это — ополченіе. Пятидневный бой не обошелся дешево отважной арміи, и оно идетъ вновь заполнить ряды славныхъ полковъ... Собрались, въ чемъ были. Вонъ наши кавказскія папахи. Спрашиваю: откуда? Огородничали въ Терской области, держали на арендѣ земли у Новороссійска. По призыву бросили все и явились въ Варну. Тамъ имъ выдали ружья, и въ чемъ пріѣхали, въ томъ и пошли на боевыя поля эти вѣчные работники. Почти всѣ говорятъ по-русски. Есть такіе, которыхъ отхожіе промыслы заносятъ въ Оренбургъ, въ Сибирь, въ Закаспійскій край. Огородники, садовники. Болгаринъ вообще никогда не складываетъ рукъ. Нѣтъ народа, который былъ бы такъ привязанъ къ труду и землѣ. У всѣхъ этихъ здѣсь есть свои пашни, дома, хозяйства, сады. Но дома — жена и семья. Онѣ потѣютъ надъ этимъ. Мужъ уходитъ на далекіе заработки, чтобы, вернувшись, купить лишняго вола, буйвола, овецъ или нѣсколько гектаровъ поля. Для этого поля они способны на величайшія лишения. Эти храбрые, беззавѣтно умирающіе

сейчасъ люди сердцемъ приросли къ нивѣ, къ фруктовому дереву, къ мазанкѣ подь соломенной кровлей. Они не боятся разоренія, когда надо купить и разработать новый участокъ. Не боялись и прежде, занимая у міроѣда часто крупныя деньги и выплачивая ему промадные проценты. Знали, — пройдетъ десять—пятнадцать лѣтъ, и земля себя оправдаетъ. У него будетъ чистое отъ всякихъ долговъ хозяйство. Но онъ не позволитъ и при этомъ себѣ никакой поблажки. Съ восьмьюстами, напримѣръ, гектарами будетъ ходить босой, чтобы прикупить себѣ еще подходящій обрѣзокъ... Теперь ему легче. Деревенское ростовщичество убито основаніемъ сельскихъ банковъ, и покупки земель стали еще шире. Трезвый, здоровый, упрямый, онъ и сейчасъ, идя на смерть, прикидываетъ въ умѣ великолѣпную, но пустынную землю вчерашней Туречины. Тутъ ли не быть его раю? Завтра его изъ этихъ рядовъ выхватитъ шрапнель, прибьетъ къ землѣ пуля, — все равно. Онъ изъ Россіи принесъ и сдалъ семьѣ весь свой заработокъ. Съ первой же остановки пошлетъ домой открытку (вѣдь здѣсь 86, а въ такихъ округахъ, какъ Тырновскій, 92% грамотныхъ!)¹ съ наказомъ: «Если лягу за родной край, покупайте землю на новыхъ мѣстахъ, они лучше нашихъ. Глулые турки не умѣли ими пользоваться. Да и къ братской могилѣ, куда меня положить, вамъ будетъ ближе». И, сидя въ окопахъ и стремительно бросаясь «на-ножъ», онъ весь въ заботѣ о новомъ участкѣ земли, о будущихъ нивахъ. Онъ и дерется, и умираетъ какъ герой; вѣдь это — солдатъ сознательный, пони-

¹ Слѣдующіе четвертый и пятый наборы дали 100% грамотныхъ.

мающій, на какое великое дѣло идетъ, но въ послѣднюю минуту его стеклѣющимъ глазамъ будутъ чудиться тополи и сливы вокругъ будущаго дома родной семьи. Онъ смѣлъ, воинственъ, самоотверженъ. Его никакъ не удержишь на пути къ вражьему окопу. Довольно замѣтить непріятеля, чтобы броситься на него; но когда смолкаютъ пушки и гаснетъ сухая трескотня ружейнаго огня, онъ, напѣвая про себя тихую и печальную пѣсню, весь въ своей нивѣ, въ своемъ саду. Унтеръ-офицеры, оставаясь добровольно на второй, уже пятилѣтній срокъ, получаютъ за это при отставкѣ шестьсотъ левовъ. Знаете, зачѣмъ? Чтобы вернуться не въ городъ, не въ лавку или кабакъ, не на дешевое мѣщанское дѣло, а непременно въ село, на землю, гдѣ онъ и заведетъ свое хозяйство. Въ этомъ богатырѣ, обламывающемъ сорокапятыверстные переходы въ день, сумѣвшемъ разнести въ двадцать пять дней такого гиганта, какъ Турція, — душа селяка, работника на Божьей нивѣ. Онъ подбитъ съ другой стороны хозяйскою заботой, какъ его куртка — овчиной. Отсюда, вдохновенный и неудержимый въ бою, онъ не картиненъ, не способенъ на пустое молодечество, не станетъ вамъ устраивать эффектныхъ спектаклей дешеваго воодушевленія на парадѣ. Онъ — человѣкъ дѣла прежде всего, — куда бы оно его ни повело: на каменные утесы Лозенграда, на грозныя твердыни Чаталджи, или къ сохѣ, на ожидающую его материнскую ниву. Недавно Даневъ говорилъ: «Мы ничего не дѣлаемъ для внѣшности. Въ нашей душѣ живетъ восторгъ, но мы не тратимъ его попусту... Мы спокойны, сосредоточены, упрямы. Кто-то насъ сравнилъ съ родными буйволами. Это я даже

не принимаю за обиду. Мы, дѣйствительно, твердо, упорно и неудержимо, какъ они, идемъ по нашей дорогѣ. Я недавно принималъ кметовъ въ освобожденныхъ нами отъ турецкихъ палачей околіяхъ. Я самъ знаю, что они чувствуютъ, какъ души ихъ полны благодарнаго восторга, но увидѣть этого во внѣшнемъ проявленіи, въ шумной выходкѣ, въ театральной демонстраціи они не дадутъ. Имъ ихъ энергія, огонь, порывъ нужны для дѣла, а не для показа» . . .

V.

Мы поднимаемся на высоты. Еще на-дняхъ здѣсь нельзя было продраться сквозь перевившійся дубнякъ, удобный только для турецкихъ шпионовъ, которые, какъ ящерицы, ползаютъ въ его колючей сплоши. Теперь болгары провели по незамѣтнымъ прежде тропинкамъ дороги, по которымъ могутъ двигаться обозы и даже орудія. Тутъ вообще не теряютъ времени. Отъ Киркилиссе сюда возстановлена желѣзная дорога, и сейчасъ она замѣняетъ около 10,000 возовъ въ день. Сорванный турками мостъ уже дѣйствуетъ; его рухнувшими остатками воспользовались, и на нихъ утвердили новыя подставки. По обѣимъ сторонамъ почти не тронута линія телеграфа. Ею скоро займутся, и авось тогда наши депеши отсюда будутъ ходить не пятнадцать дней, какъ сейчасъ, а хотя бы какъ почта въ обычное время.

На вязкую и раскисшую трясиину настлали дубняка, засыпали его землей, затоптали. Крутые спуски и всходы. Наши лошади, которыхъ мы кормимъ соломой, ослабѣли и едва одолѣваютъ ихъ. Точно изъ самихъ себя вывернуться хотятъ и, сдѣ-

лавъ нѣсколько шаговъ, останавливаются отдышаться. Глубоко втягиваютъ впашіе бока, опускаютъ головы. И мы мучимся не меньше ихъ. Нѣсколько глухихъ пушечныхъ ударовъ вдалькѣ... Еще двѣ высоты, и громадный лазаретъ въ палаткахъ. Вонъ въ сторонѣ роютъ большую братскую могилу... Желтые комья влажной земли тяжело вскидываются и шлепаются по сторонамъ, расплзаясь сейчасъ же противною пливучей слизью. Сѣрое небо то и дѣло принимается сегодня плакать надъ послѣднимъ пристанищемъ вчерашнихъ героев. Вѣтеръ воетъ надъ ними, какъ неутѣшная мать... Приподымаетъ сѣрыя шинели, точно хочетъ еще разъ всмотрѣться въ незрячіе, широко открытые глаза, въ насквозь пробитыя вражьи пулями груди. Скорчены застывшія въ судорогѣ руки, согнуты ноги... Вонъ изъ-подъ этого покрыва вытянулась голая посинѣвшая ступня... Заскорузлая, громадная... Какъ она одолѣвала это неимовѣрное разстояніе изъ-подъ Плевны сюда, къ самому порогу Константинополя, чтобы, не переступивъ его, вытянуться и заоченѣть навсегда... Священникъ подходитъ торопливо. Послѣдняя «вѣчная память», и всѣ счеты съ землей покончатся. Да будетъ легка тебѣ могила, селякъ, бросившій ниву, чтобы пасть здѣсь за великое дѣло свободы. Ты до конца исполнилъ высшій завѣтъ, и если въ великихъ легендахъ человѣчества, стремящагося съ безмѣрной тоской къ небу и вѣчности, есть правда, — твоему терновому вѣнцу позавидуютъ счастливые, холодные, равнодушные!.. Весною зацвѣтутъ надъ соломенной родной кровлей бѣлая вишня и розовый миндаль, заговоритъ зелеными распутившимися языками тополь, въ про-

хладной тѣни ихъ, можетъ быть, и не вспомнить тебя, но ты сдѣлалъ свое, отдалъ за рабовъ и мучениковъ лучшее достояніе — жизнь, и самъ сопрічислился къ мученикамъ... А вонъ на возахъ везутъ новыхъ раненыхъ. Спокойно и сурово смотрять они на братскую могилу. Ни въ одномъ лицѣ не отразится печали и волненія. Всѣ они готовы пріобщиться изъ той же кровавой чаши... И запасные, длинною вереницей идущіе на роковыя позиціи, даже не оглянутся сюда. Они знаютъ, — завоеванія человѣческаго духа не достаются даромъ, и каждый изъ нихъ готовъ тоже лечь, вытянувъ посинѣвшія мозолистыя ступни у края желтой, влажной ямы, какъ открытая пасть, ожидающей того, что осталось отъ великодушнаго подвига...

На склонѣ село Акаланъ.

Мѣсиво жалкихъ мазанокъ съ деревянными, въ два этажа, домами. Кое-гдѣ во дворѣ дерево, треплющее по вѣтру послѣдніе, еще держащіеся на вѣтвяхъ листья... Все крутомъ засыпано ими, и ѣдка слякоть всасываетъ послѣдніе уборы отходящаго лѣта... Солдаты и крестьяне слоняются по улицамъ, сбившимся набекрень и мощенымъ по-турецки, т. е. какъ будто кто расшвырялъ во всѣ стороны громадныя булыжники. И коза не перескочитъ съ одного на другой, а между ними ямы съ вонючимъ сусломъ, гдѣ бродятъ всѣ отбросы грязной деревни. Востокъ! Издали онъ красивъ, но и любуйтесь имъ изъ партера. Не входите на сцену, и да избавитъ васъ Аллахъ отъ ближайшаго знакомства съ «закулисами». Въ домикахъ — получше, скромные, работающіе весь день штабы, гдѣ одинъ чловѣкъ исполняетъ трудъ, по крайней мѣрѣ, десяти

нашихъ блестящихъ «моментовъ» и «фазановъ». Вонъ «стражары» съ промадными мѣшками «сламы» — соломы. Реквизиція! Иначе нечѣмъ кормить лошадей. Открытая на улицу пекарня. Въ глинобитной печи пышетъ красное пламя. Около— сотни приготовленныхъ маленькихъ плоскихъ хлѣбовъ. Откуда-то тянется запахъ кебаба. Жарятъ на огнѣ мясо... А вонъ несутъ большіе котлы съ желтой, подъ густымъ слоемъ жира, чорбой. Мяса — сколько влѣзетъ въ котель, капуста — тоже. Помидоры и перецъ около... Отлично ѣсть болгарскій солдатъ, когда ему удастся на громадномъ переходѣ остановиться на день, на два. И хлѣбъ у него хорошій... Берегутъ «войника», знаютъ, что въ здоровомъ тѣлѣ здоровый, бодрый духъ. Я всегда радовался, когда мнѣ приходилось присѣсть къ братскому котлу. Потому что въ этой родной намъ странѣ на боевыхъ позиціяхъ и котель, какъ и могила, братскіе. И въ томъ, и въ другой найдется вамъ ложка супа и мѣсто для послѣдняго отдыха!..

Дорога направо, въ сырую лощину, по которой бѣжитъ грязная рѣчонка...

Мы торопимся засвѣтло пріѣхать на позиціи... А то невольно залюбовались бы далями... Въ глубинѣ ущелій, подъ этимъ сѣрымъ сегодня небомъ, синіе профили горъ. За ними едва-едва мерещатся другіе... дальше Мраморное море и классическія вершины малоазійскаго берега... Все голо, — только мягко и нѣжно отливаются зеленымъ шелкомъ послѣдніе осенніе луга. Ни одной рощицы. Нѣсколько деревьевъ у воды, — какіе бы здѣсь вездѣ могли стоять великаны чинары судя по этимъ. Я на Кавказѣ не видѣлъ такихъ...

VI.

По всему пути возвращающіеся назадъ «бѣженцы».

Когда турецкая армія отступала отъ Бунаръ-Гиссара, Карагача и Люле-Бургаса, все христіанское населеніе уходило въ горныя тущобы. Хорошо знало, на что способенъ озленный и разбитый аскеръ. Болгары спасались, уводя съ собою что попалося подъ руку изъ скота. Всего нельзя было взять, и его захватили, разумѣется, голодные таборы. Сейчасъ, когда народная армія прочно засѣла въ этомъ краю подъ Чаталджей, между Деркосомъ и Беюкъ-Чекмедже, эти несчастные, изголодавшіеся, простуженные, безпріютные подъ горными непогодами направились сюда искать среди черныхъ, покрытыхъ угольями и золою пустырей слѣды своихъ домовъ. Надо видѣть тоску на ихъ лицахъ, ожиданіе ужаснаго, неотвратимаго. Хорошо, что хоть жизнь осталась. Уцѣлѣли головенки дѣтей, что болтаются въ арбахъ, влекомыхъ буйволами, и дѣвушки, босикомъ одоляющія трудный путь рядомъ. Какія красивыя, ярко освѣщенныя пылающими глазами лица!.. Кое-гдѣ плетется съ ними маленькій осликъ, мелкая здѣшняя коровка, сѣрая, лохматая, лобастая, или важно шествуетъ, расправивъ, точно запорожецъ усы, свои громадные рога, сильный волъ... Трусятъ между ними бараны... Хозяйство осталось, а кровя нѣтъ. Соберутъ вотъ этотъ самый дубнякъ или хворосту изъ дикой мирты и сложатъ сквозные шалаши. Это на зиму! Вѣдь до теплаго апрѣля сколько останется цѣлыми изъ этихъ милыхъ ребятишекъ, что тарашатся сейчасъ, со страхомъ оглядывая

нась. Такъ напуганы, — всего боятся! Двѣ-три недѣли казавшаяся неизбѣжной мучительная смерть висѣла надъ ними. Засыпали и просыпались подъ влажными хлыстами дождя и остуживающимъ насквозь сѣверо-восточнымъ вѣтромъ съ мыслью о ней, на голыхъ вершинахъ, у сѣрыхъ скалъ или во рвахъ, точно чаши, полныхъ вонючей слякоти. Какъ только здоровая и сильная раса выносить подобную жизнь? Въ арбы напихано все, что попало подъ руку: пестрые, самодѣльной ткани, съ прямыми дорожками желтаго, краснаго и синяго рисунка узлы, кованые крашенымъ желѣзомъ сундуки, какіе-то ящики... Вспомнилась иная картина, — Боже мой, въ какомъ далекомъ-далекомъ теперь краю. Сходились мы на близкія разстоянія съ японцами, и манчжуры убѣгали тоже въ горы, поросшія священными рощами, гдѣ въ каменные складки, точно въ ребра этихъ горъ, засѣли кумирни съ драконьими кровлями. И манзы уносили съ собою все, что считали самымъ для себя драгоценнымъ. На коромыслахъ въ корзинахъ — дѣтей, на шеѣ — «бабушекъ» — женъ и матерей, сидѣвшихъ на нихъ, свѣсивъ ноги, точно въ сѣдлахъ. Тащили тяжелые, изъ прочнаго цѣльнаго дуба, ящики съ трупами предковъ. У манчжуръ вездѣ погребя. Они зарывали въ нихъ все, что стоило этого, а съ собой движимость. Синія курмы мелькали повсюду. Деревни пустѣли. Черезъ день два они возвращались. Гробы предковъ, «бабушки» и дѣти оставались въ сохранности у кумиренъ въ рощахъ, а сами сейчасъ же принимались за работу. Мы, бывало, перекидываемся гранатами и шрапнелью, — передъ нами никого. Только что смолкнуть жадныя стальные пасти, — синія курмы на поляхъ и, не теряя времени,

мотыжать пашни. На двухъ концахъ міра — та же власть земли, одинаковая привязанность и живая связь ея творческихъ нѣдръ съ душою работника . . .

Чортъ бы взялъ эти рвы съ трясинами!

Послѣ дожда ихъ надо объѣзжать далеко. Трещина тянется чуть не за версту. Я попробоваль спуститься. Конь по брюхо засѣлъ въ жижу. Сталь карабкаться на противоположную стѣну трещины, но голодному животному не осилить ея; сѣхаль обратно, перевернулся, и я оказался въ вязкихъ объятіяхъ скверной турецкой слякоти. Мярко, а вылѣзть нельзя, — держитъ крѣпко эта мерзость. Мнѣ было пришла въ голову остроумная мысль: оставить въ ней пальто, а самому вернуться, да мой стражаръ и гг. Пипіевъ, Людскановъ и А. И. Гучковъ сошли въ эту яму и соединенными усилиями меня изъ нея извлекли не безъ труда. Одного она бы засосала. Выбрался я сплошнымъ комомъ грязи и въ такомъ видѣ, насквозь промокшій, доѣхаль до Субачіу.

VII.

Большіе дома, великолѣпныя чинары, говоръ фонтановъ и чистая, прозрачная рѣка. Бѣлая стрѣлка мечети, тяжелый куполь. Но отсюда мусульмане бѣжали, не зная, что Болгарія обезпечила имъ и личную, и имущественную неприкосновенность. Турецкіе генералы и улемы увѣрили ихъ: народная армія истребляетъ села правовѣрныхъ такъ же, какъ и они такія же христіанъ. Теперь между грознымъ фронтомъ укрѣпленій Чаталджи и Константинополемъ скопилось, какъ говорятъ,

около трехсотъ тысячъ человѣкъ, бросившихъ свои жилища, поля и сады со всевозможными запасами. Съ ними ничего, кромѣ арбъ и лошадей. Но этихъ кормить нечѣмъ, и люди тоже умираютъ отъ голода. Смертность тамъ точно во время чумы. Безпомощныя семьи точно серпомъ срѣзываетъ на корню. Я не вѣрю, чтобы на коротенькомъ, въ тридцать семь верстъ по птичьему полету, пространствѣ, умерло 70%. Этого и въ моръ не бываетъ, тѣмъ болѣе, что оттоманскія суда массу бѣжавшихъ отсюда турокъ и грековъ перевозятъ въ Малую Азію. Во всякомъ случаѣ, зная порядки Порты, можно думать, что тамъ повторяется то же, что въ прошлую войну мы нашли у такихъ же бѣглецовъ на роковыхъ поляхъ Хаскіоя, гдѣ приходилось полуживыхъ дѣтей отрывать изъ грязи и голодными, и больными... Въ массѣ горя и несчастья, лишенія, дожди и холодъ вызвали всевозможныя эпидеміи. Вѣдь и въ 1877 году тоже софты и улемы увѣрили мирныя села, что русскіе насилуютъ и рѣжутъ женщинъ и дѣвушекъ, убиваютъ дѣтей и, въ лучшемъ случаѣ, оставляя нѣкоторыхъ въ живыхъ, заставляютъ ихъ принимать христіанство. Въ такія же холодныя, туманныя дни они снимались съ мѣстъ, плакали на кладбищахъ подъ кипарисами, прощаясь съ могилами отцовъ, и шли въ мрачную даль неизвѣстнаго. Во мглѣ, случалось, ихъ длинныя линіи наши войска принимали за отступающую сулеймановскую армію и открывали по нимъ огонь. Тогда все это несчастное, растерянное, измученное бросало дѣтей и стариковъ и бѣжало прочь. Часто оставляли буйволовъ, потому что человѣкъ все-таки быстрѣе его, особенно, когда это бѣлоглазое, косматое чудовище завязнетъ

съ арбой въ грязи. Пути съ тѣхъ поръ не улучшились. Я какъ сейчасъ помню тридцать пять лѣтъ назадъ эту дорогу смерти... Она уходила въ сырой, холодный туманъ, и на громадномъ ея пространствѣ лежали безъ числа трупы, трупы, трупы... Горбины слякоти, — копыто коня ихъ разбивало, — и подъ ними засосанныя дѣти... Часто изъ прязи — лицо, а тѣла не видно, и по лицу этому бѣжитъ судорога. Такова война, подлѣйшее изъ адскихъ божествъ, которому служить челоѣчество... Еще съ этою душа мирится, какъ она мирилась съ тою, теперь отошедшею въ туманную область воспоминаній. Сейчасъ это — крестовый походъ народной арміи за свободу и независимость. Его надо было совершить, чтобы константинопольскіе ораторы, ослѣплявшіе Европу великодушными рѣчами, не истребили совсѣмъ милліона людей, не имѣющихъ счастья Аллаха называть Богомъ и молящихся въ деревянныхъ церковкахъ, у иконостаса, а не подъ каменными куполами мечетей, у михраба, слушающихъ звонъ била или колокола, а не пѣніе муэдзина съ тонкой бѣлой свѣчки минарета... Вѣдь изъ-за этого пролились и еще прольются океаны крови. До неба нагороженные святошами и кровожадными жрецами перегородки не доходятъ, но внизу, въ своей несчастной юдоли, изъ-за нихъ люди не видятъ и не понимаютъ другъ друга, хоть пѣніе матери надъ колыбелью, крикъ ребенка, плачь дѣвушки одинаковы для всѣхъ вѣръ, обрѣзаны эти мученики или не обрѣзаны...

Субачіу осталось позади...

Передъ нами утесы скалистыхъ вершинъ... Пустынные горы, и по нимъ бѣлыя пятна биваковъ.

Кони отказываются служить, хоть самъ сажай

ихъ на себя. Промокшее платье облипло ледяною корою.

А въ небѣ ни просвѣта.

Только грязная вата тучъ еще быстрѣе тянется по небу. Точно кто-то съ юга натягиваль на себя это рваное, холодное и влажное одѣяло...

VIII.

Отъ Субачіу до позицій генерала Баяджіева около пяти верстъ.

Мы подымались къ причудливымъ скаламъ мимо биваковъ, обозовъ и парковъ. Была близка до-блестная дивизія, именно та, которая въ побѣдахъ подъ Лозенградомъ, Бунаръ-Гиссаромъ—Кара-агачемъ сыграла славную роль, какъ желѣзный громаднѣйшій молотъ, разбивъ непріятеля на неодоли-мыхъ позиціяхъ. Это полки, которые безъ вы-стрѣла шли въ штыки и ударъ за ударомъ гнали сильнѣйшіе отряды турокъ за Чатаджу. Не оста-нови ихъ, — они не дали бы имъ укрѣпиться на ея фортахъ и сейчасъ, навѣрное, докатили бы эту чу-довищную волну ужаса, безогляднаго бѣгства, ото-ропи и отчаянія до самой Византіи. Передъ гроз-нымъ строемъ турки усѣяли всѣ эти дороги безчис-ленными ящиками шрапнелей, убитыми лошадьми, трупами солдатъ. Отъ Сарая до Визы адскій путь говоритъ вамъ о такой стремительности наступле-нія, на какую были способны только Суворовъ и Скобелевъ. Стальные легіоны молодой арміи сво-боды можно сравнить только съ ураганомъ, кото-рый ничто остановить не можетъ... По сторо-намъ горѣли деревни, подоженные мстительною трусостью. Зарево ихъ освѣщало ночью скаты горъ,

на вершинахъ которыхъ уже шли авангарды арміи Радко Димитріева и лучшаго изъ его генераловъ — Бояджіева. Здѣсь, въ рядахъ простыхъ солдатъ, былъ цвѣтъ болгарской интеллигенціи. За нее такъ боялись, потому что поднять ее странѣ стоило великаго труда и еще болѣе великихъ жертвъ. Цѣлые города, въ родѣ Елены, до тла заложились, чтобы образовать своихъ дѣтей и поставить ихъ на одинъ уровень съ Европой. На моихъ глазахъ они шли въ бой въ сѣрыхъ шинеляхъ и... не вернулись назадъ. Всѣ направленія, всѣ политическія секты прислали ихъ сюда. За торжество величайшихъ идеаловъ человечества искупительною жертвою легли крайніе лѣвые съ профессорскихъ кафедръ, со сцены, изъ студій, уйдя въ простые, невидные будничные ряды мужицкой арміи. Падали рядомъ съ народомъ, который отдавалъ свои сбереженія, чтобы поднять ихъ на еще невиданную въ Болгаріи высоту. Ихъ мученическая смерть была завѣтомъ для будущихъ поколѣній никогда не разрывать связи селяка съ свѣтилами науки и искусства. Члены народнаго собранія, они по закону не подлежали набору, но въ этомъ прекрасномъ торжествѣ отказались первые отъ всѣхъ преимуществъ и показали народамъ, какъ умѣютъ не только проповѣдывать свободу, но и умирать за нее ея трибуны. Изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ и видѣлъ на софійской національной сценѣ, убиты талантливѣйшіе и лучшіе ея артисты. Изъ моихъ друзей впереди бойцовъ легли профессоръ экспериментальной психологіи Николай Алексѣевъ, въ тридцать шесть лѣтъ уже стяжавшій себѣ завидную славу, и профессоръ зоологіи Меѳодій Поповъ, на три года моложе перваго. Тутъ нельзя сказать,

кто былъ доблестнѣе, — галунъ или простой погонъ. Въ одномъ полку, напримѣръ, изъ 16 офицеровъ (ихъ кадровыхъ хватило только въ ротные командиры, остальныхъ пришлось взять изъ ополченія) пало четырнадцать. Въ другихъ полкахъ осталось по триста, четыреста штыковъ. Не правда ли, героическій бой, передъ явлю котораго блѣднѣетъ легенда?

Понятно, съ какимъ волненіемъ я ѣхалъ въ эту удивительную дивизию. И когда передо мною вырастали на сѣрыхъ небесахъ сизыя изорванныя скалы съ глубокими пещерами, я издали искалъ около нихъ героевъ недавнихъ битвъ. Вотъ — удивительный по простотѣ штабъ дивизиі. Пять палатокъ. Вѣтеръ во всѣ стороны развѣваетъ полотнища, прикрывающія входъ въ нихъ. Свищетъ и воетъ кругомъ. Изъ одной выходитъ красивый, молодой еще генераль. Это Баяджіевъ; изъ другой — его начальникъ штаба Икономовъ. Оба — ученики турийской академіи генеральнаго штаба, но и тотъ, и другой прекрасно говорятъ по-русски. Да и всѣ здѣсь выросли на нашей литературѣ, на нашей наукѣ. Меня долго послѣ войны будетъ трогать встрѣча съ богатырями недавнихъ битвъ. У нихъ у самихъ всего въ обрѣзъ, но они дѣлились съ нами всѣмъ, что у нихъ было. Надо было видѣть, на какія малыя средства все это живетъ и работаетъ. Въ одной палаткѣ походная постель, столъ и табуретъ; здѣсь самъ генераль Бояджіевъ. Вторая — его начальника штаба, третья — адъютанта, четвертая — главнаго инженера, пятая — интенданта. Вотъ и весь штабъ. Начальникъ артиллеріи — на передовой позиціи со своими батареями. Мы взошли на орлиное

гнѣздо наблюдательнаго пункта. Прислонились къ скаламъ... Передъ нами во всѣ стороны открылся громаднѣйшій просторъ. Впереди за передовыми позиціями болгаръ длинная кайма горъ, на которой расположился весь фронтъ первой укрѣпленной турецкой линіи. На кряжѣ ихъ черточки и насыпи видны ясно. На сѣверъ идутъ къ Деркосу, на югъ — къ Бююкь-Чекмедже, и само озеро въ туманѣ чуть намѣчено въ пологихъ, точно припавшихъ къ нему берегахъ... Вонъ городъ Чекмедже, — въ бинокль едва-едва выступаютъ бѣлые минареты... Вездѣ тучи, все сѣро, а за озеромъ полоска Мраморнаго моря — подъ солнцемъ, и она нѣжно и мягко мерцаетъ съ стоящимъ тамъ насторожѣ фрегатомъ и гордыми малоазійскими вершинами позади... Мы обернулись на западъ. За холмами, оставленными турками, гдѣ до сихъ поръ желтѣютъ насыпи ихъ ложементовъ, — городъ Чатаджа. Онъ весь закутался во мглу, и въ ней едва различаешь какіе-то тусклые призраки...

IX.

Пора на передовыя позиціи. Скоро стемнѣетъ, и ничего не увидишь, а здѣшнія дороги въ сумеркахъ непроѣзжны. Какъ разъ попадешь съ обрыва въ ровъ и разобьешься о камни или, еще хуже, утонешь въ грязной трясиинѣ... По склонамъ горъ — въ высокихъ долинахъ между ними боевыя полки... Новые идутъ... Вонъ точно темная змѣя вьется по лощинѣ. Мы ѣхали верхами, а это насъ обошла дружина съ вернувшимися изъ Россіи болгарами, которые должны заполнить порѣдѣвшіе въ бояхъ батальоны. Она насъ догнала, хотя ея упор-

ное безъ отдыха движеніе и казалось намъ медленно... Длинные, ломающіяся линіи солдатъ... Роятъ землянки. Начинаются настоящіе холода, и въ холодахъ осенніе дожди. Надо скорѣе зарыться. На обозахъ везутъ доски для кровель. Еще день, — и на мокрой окоченѣвшей почвѣ не останется ни одного «войника». Около Чатаджи отыскали громадный складъ турецкаго угля. Зажгутъ мангалы, и въ этихъ норахъ будетъ тепло. У нѣкоторыхъ землянки уже готовы, и оттуда, точно изъ самыхъ нѣдръ этой горы, слышится глухой говоръ. Еще версту, двѣ впередъ. Тутъ тѣ же длинныя линіи солдатъ. Но они выводятъ грозный фортъ, выбросивъ на его фланги готовые люнеты. Тамъ уже сидитъ дежурная часть, и черточки ея ружей точно ощетинили желтый брустверь. Да, отсюда не поздоровится туркамъ. Фортъ такой, что когда въ него вдвинуть орудія, подъ ихъ огнемъ будетъ весь этотъ длинный, уже пропадающій въ сумракъ фронтъ непріятельскихъ укрѣпленій.

Профиль форта задуманъ такъ, что хотя онъ и кажется на ладони передъ знаменитымъ Каракаль-Нокта, но оттуда его не замѣтишь. Сегодня турки молчатъ пока. Вѣдь изъ своихъ траншей они видятъ работающихъ здѣсь, но ни одного выстрѣла. Осмотрѣвъ новыя укрѣпленныя линіи болгарскаго аванпоста, мы пѣшкомъ полземъ къ батареямъ. Верхомъ здѣсь уже нельзя. По всадникамъ турецкіе окопы открываютъ огонь. У нихъ вѣдь и двухбашенный броненосецъ съ Мраморнаго моря бьетъ по одиночкамъ бронбойными и бронепалубными снарядами. Издали нащупать этихъ батарей нельзя. Не только съ турецкихъ позицій ихъ не видать, но и съ

нашего наблюдательнаго пункта съ трудомъ различишь въ черточкахъ амбразуръ ихъ задранные вверхъ хобота. Вонъ надъ деревней Урджени два турецкихъ форта: Теирмень-тепе и Тюджирь-тепе, а между ними, позади, прячется въ лощинѣ Ясойренъ — село, гдѣ у турокъ сосредоточень ихъ главный резервъ — около пяти полковъ. Южнѣ смѣлая профиль Гази-Байри, гдѣ еще третьяго дня непріятель разстрѣлялъ около двухсотъ своихъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ боя. Странная дисциплина! Отъ солдата она требуетъ желѣзныхъ нервовъ и слѣблого повиновенія, а сами паши, мирь-алаи, юзь-баши преспокойно живутъ внѣ позицій, въ городахъ, гдѣ есть удобные дома, рѣдко показываются въ свои части, потому что съ ними, несомнѣнно, ихъ гаремы. Теперь доказано, что въ Лозенградѣ и у Абдуллаха, и у Мухтара пашей были ихъ жены. Тамъ и по пути отступленія подняты и найдены ихъ шелковыя, золотомъ шитыя юбки. И между убитыми шрапнельнымъ огнемъ оказались женщины, одѣтыя въ солдатскія шинели. Когда я вспоминаю нашу прошлую войну, не только слѣбую, но и «женатую», у меня не хватаетъ духа обвинять въ этомъ турокъ. У насъ такихъ случаевъ было больше, не говоря уже о распутномъ и пьяномъ тылѣ.

Въ окопахъ батарей — наши добровольцы.

Одною командуетъ фонъ-Брантъ, артиллеристъ изъ Петербурга.

— Молодецъ изъ молодцовъ! — рекомендуетъ его командующій всѣми батареями 4-й дивизіи.

— Здравствуйте.

Оглядываюсь. Боже мой, да вѣдь это оперный артистъ нашъ Аносовъ.

— Ну, какъ вы здѣсь?

— Слава Богу. Чувствую себя отлично.

— Что жъ вы дѣлаете?

— Я — второй подавачъ...

Онъ подносить снаряды. Сдался. Похудѣлъ. Солдатская шинель на немъ мѣшкомъ, хотя видъ у него сіяющій и счастливый. Его и холодъ съ дождями не беретъ. Работалъ тоже подъ огнемъ и показалъ себя хорошимъ «войникомъ»... Я какъ-то смѣялся, — къ чему-де здѣсь трубадуры и севильскіе цирюльники. Этотъ оказался у мѣста. На лѣвомъ флангѣ этой же артиллерійской позиціи другою батареей командуетъ бывший нашъ морякъ Ленинъ. Я съ нимъ, познакомился въ Миланѣ и теперь встрѣтился здѣсь.

Его тоже хвалятъ и очень!

Оказался не только у дѣла, но и въ дѣлѣ выдался и храбростью, и умѣніемъ. Не забылъ стараго артиллерійскаго ремесла, и сцена не убила въ его душѣ когда-то блестящаго офицера. Радуюсь за него!

А вѣдь болгары слишкомъ хорошіе солдаты, чтобы зря аттестовать другихъ.

Наши отлично показали себя...

Не стыдно будетъ вернуться домой имъ послѣ этой короткой, но славной войны.

X.

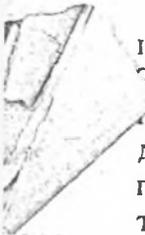
Въ вечернемъ туманѣ, какъ громадный звѣрь, припалъ къ горной лысинѣ самый грозный изъ фортвовъ — Караколь-Нокта, по-русски — часовой. И дѣйствительно, часовой. Оттуда все видно: каждое движеніе по подступамъ къ его высотѣ, кавалерій-

скій разъѣздъ въ лощинѣ, одиночный солдатъ, пробирающийся къ рѣкѣ, и сама рѣка съ ея рукавами и рѣдкою осеннею порослью унылыхъ безлюдныхъ береговъ. Только этотъ часовой не стоитъ, а лежитъ и тысячами зоркихъ глазъ слѣдитъ за всѣмъ кругомъ. Положеніе Караколь-Нокта такое, что откуда бы вы его ни замѣтили, вамъ покажется, что этотъ распластавшійся чудовищный спрутъ можетъ перекинуть къ вамъ длинные и липкіе щупальцы. обвить васъ ими и притянуть къ себѣ. Одного никакъ не услѣдить ему, — болгарскихъ позицій. Тѣ тоже зарылись, и такъ, что «часовому» развѣ только по направленію артиллерійскаго огня понятно, гдѣ онѣ.

Караколь-Нокта обвилъ себя вокругъ траншеями, перебросилъ къ сосѣднимъ редутамъ черточки ложементовъ и, точно паукъ въ своей сѣткѣ, ждетъ добычи. Какая разница съ картинными крѣпостями и замками, еще недавно тѣшившими баталлистовъ и романтиковъ. Тѣ гордо и смѣло возносились въ высоту, подставляя, точно рыцарь стальные латы, каменные толстыя стѣны вражьиимъ удамъ.

Теперь эти рыцари зарываются поглубже въ землю и только, какъ черепахи, прикрываются бетонною корою. Развѣ-развѣ гдѣ-нибудь приподымется насыпь для мортирной батареи, да и та защита въ некрушимую броню. Въ мой цейсовскій бинокль съ трудомъ на обнаженныхъ припухлостяхъ безлѣсной пустыни замѣчаешь смутныя очертанія, а сунься къ нимъ, — едва ли тысячи замковъ паладиновъ и гранитныхъ твердынь Вобана могли бы наложить по скатамъ столько народа, сколько эти припавшіе къ землѣ «часовые».

Вчера изъ горжи Караколь-Нокта вышелъ отрядъ.

Отчаяніе иногда рождаетъ героевъ. Даже не героевъ, а людей, обрекающихъ себя на смерть. Такъ и въ послѣднее время у турокъ. Вѣчные побѣги, позоръ испытанныхъ поражений, гибель родины вызвали въ лучшихъ ея сынахъ жажду подвиговъ и если не побѣды, то хоть слабой кончины. Они тысячами собрались передъ улемами и на коранѣ принесли присягу: или умереть, или разгромить врага. Тѣ ихъ благословили, много говорили имъ объ утѣхахъ рая и Аллаха, ожидающемъ въ сказочные сады вѣрныхъ. Чтобы отличить ихъ отъ остального гарнизона редутовъ на чаталджинскихъ позиціяхъ, роздали имъ почетныя фески, на которыхъ зеленымъ шелкомъ было вышито: «Софія или смерть». Столицу Болгаріи назвали больше «для красоты слога», потому что она запала отъ разбитыхъ турокъ въ недосыгаемую даль. Въ Меккѣ, у самой священной Каабы, были благословлены тамошними шерифами амулеты, дарующіе побѣду. Амулеты эти зашиты въ крошечные шелковые мѣшочки. Ихъ надѣли этимъ избраннымъ дружинникамъ на шею. Весь вечеръ поклявшіеся принести себя въ жертву за Турцію провели въ молитвахъ. Въ ближайшихъ болгарскихъ окопахъ въ тихую ночь слышались оттуда напѣвы газавата. Потомъ дружины заснули, и, когда луна спряталась за тучи и долины натянули на себя непроницаемый туманъ, точно холодный покровъ, обреченныхъ разбудили.

Тихо они оставили за собою редуть и по оконченѣлымъ за ночь скатамъ сползли къ лощинамъ, по которымъ медлительно плывутъ къ ти-

хому и кроткому Мраморному морю струи Карасу, самой большой изъ здѣшнихъ рѣкъ. Таборамъ «Софія или смерть» удалось во мглѣ добраться не замѣченными сюда. Вблизи не слышно было ихъ шаговъ. Точно стая тигровъ мягко кралась по податливымъ пескамъ. Имъ и дальше повезло. Они незримо перешли броды, выпирая, а не расплескивая воды. Но тутъ скупой и мутный лунный свѣтъ изъ-за порѣдѣвшихъ облаковъ уже бросилъ на небо свои тусклые тона. Едва-едва намѣтились припавшіе къ горному профилю очертанія оставленнаго редута.

Болгары изъ окоповъ зорко сторожатъ низины и дали.

Выкинутые впередъ секреты не пропустятъ шороха. Осыпь вѣтромъ сдвинутаго песка, крикъ птицы, бѣгъ потревоженнаго звѣря возбуждаютъ ихъ вниманіе. Лай собаки — и тотъ показываетъ, что около нея гдѣ-то есть движеніе. А тутъ въ молочной тусклинѣ почудились какія-то пятна. Пятна эти перешли Карасу и еще больше опредѣлились на этой сторонѣ. Такихъ было три; они медленно ползли впередъ, различимыя не болѣе легкихъ тѣней отъ тучъ въ солнечный день. Изъ секретовъ люди побѣжали къ окопамъ предупредить своихъ о ночной атакѣ непріятеля. Сейчасъ же по телефонамъ дано было знать съ позицій на батарее; оттуда еще не замѣтили смѣлой вылазки изъ грознаго редута. Сырой и холодный просторъ дрогнулъ отъ перваго удара съ высотъ. Надъ «обреченными» взвились едва различаемыя шрапнели съ голубыми искрами разрыва. Еще нѣсколько минутъ, — и со всѣхъ сторонъ глухо и злобно зарычали стальные пасти, выплевывая на этотъ отрядъ

чугунъ и свинець. Перекрестный огонь начался по тѣмъ, которые оставались еще за рѣкою или переходили ее вбродъ. Онъ, какъ серпъ, косилъ ихъ разрѣженныя цѣпи. Съ этой, западной стороны дежурная часть болгарскаго отряда, даже не обстрѣливая непріятеля, кинулась на него за двѣсти шаговъ, по своему обычаю, «на-ножъ!» — въ штыки.

Нужно было видѣть, какъ шли эти герои народной арміи свободы!

Лавина медленнѣе сползаетъ съ горы. Ее задерживаютъ утесы и неровности, пока она не одолѣетъ ихъ. Не надо было команды, показа, примѣра. Эти «войники» сознательны, грамотны, одушевлены и сами знаютъ, что имъ дѣлать. Офицерамъ не пришлось подымать отсталыхъ, бросать впередъ медлившихъ. Галунъ самъ торопился перепнать солдатскія погоны. Турецкія цѣпи припали къ землѣ, за ея рубчики, открыли оттуда огонь пачками. Его сухая дробь разбросалась по долинкамъ, и въ этой дроби гасъ грохотъ полевыхъ орудій. И опять болгары не отвѣчали опнемъ на огонь. Вѣдь для выстрѣла надо остановиться, хоть на минуту взять прицѣлъ. А тутъ каждое мгновеніе дорого, — такъ эти удивительные вооруженные крестьяне стремительно идутъ лобъ въ лобъ, грудь на грудь. Первая встрѣча рѣшила дѣло. Турецкія цѣпи легли у тихихъ водъ Карасу, не выдержавъ удара. «На-ножъ, на-ножъ, на-ножъ!» — слышалось, какъ грома неожиданно налетѣвшей бури вокругъ и густившаяся за цѣпью боевая колонна начала отступление за рѣку.

Но и тамъ было не легче.

Рѣка отдѣляла уходившихъ турокъ отъ не-

пріятеля, но противъ нихъ работали болгарскія батареи. Артиллерійскій огонь былъ ужасенъ. Онъ точно пламенными бичами гналъ бѣгущихъ назадъ, къ припавшимъ къ землѣ линіямъ форта. Пламенными бичами, смыкавшимися здѣсь отовсюду, сметавшими цѣлые ряды прочь, перекрещивавшимися въ огненные узлы разрывовъ. Шрапнельныя облачка сливались въ одно марево, и, когда вѣтеръ его раскидывалъ, въ предразсвѣтной мглѣ видно было, какъ тѣни подымавшихся назадъ таборовъ рѣдѣли, таяли, исчезали. Движуціяся пятна точно расплывались, просачивались въ землю, пропадали.

Добраться до Караколь-Нокта удалось рѣдкимъ.

Но тутъ ихъ ожидалъ новый ужасъ.

Нѣсколько дней назадъ турецкіе генералы, отчаявшіеся и извѣрившіеся въ храбрости своихъ солдатъ, отдали приказъ, какъ нѣкогда японцы подъ неодолимыми высотами Портъ-Артура:

— Встрѣчать отступающихъ огнемъ.

Только что передъ бѣгущими показались валы и горжи «Часового форта», оттуда грянули уже свои ружья. Тѣ, кто уцѣлѣлъ отъ болгарскаго «на-ножь!» и непріятельскихъ шрапнелей, пали на подступахъ къ своимъ укрѣпленіямъ.

«Софія» осталась въ грезѣ и маревѣ, одна «смерть» не обманула.

Вѣтеръ оттуда несетъ запахъ разлагающихся тѣлъ.

Скаты устланы ими.

Караколь-Нокта весь въ чумной атмосферѣ этого ужаса.

Здѣсь война обернулась къ Караколь-Нокта изнанкой и, точно пасть незасыпанной громадной

могилы, дышитъ въ защитниковъ его убійственнымъ смрадомъ смерти и разложенія.

ХІ.

По сю сторону кряжа — ночь на позиціяхъ.

По пути моя скверная лошаденка опять расползлась слабыми на плоскихъ подковахъ копытами въ глубокой и вязкой трясинѣ. Кормить коня приходится соломой (ячменя и овса нѣтъ, сѣно — одна мечта!); онъ похудѣлъ до того, что подпруги висятъ. Сѣдло сползло набекрень, и я на взъѣздѣ вновь принялъ по самое горло грязевую липкую ванну. Вѣтеръ дулъ анаѳемскій. Знобило насквозь, и когда я добрался до позицій генерала Бояджіева, у меня зубъ не попадалъ на зубъ. А ночь въ палаткѣ предстояла холодная, злая, сырая. Издали взвивалось пламя, которое сейчасъ казалось мнѣ раемъ. Этотъ колебавшійся во всѣ стороны огненный языкъ такъ манилъ къ себѣ, что я, рискуя второй ванной, гналъ къ нему свою росомаху. Тамъ въ кругломъ бастіонѣ пылали дикіе мирты, и ихъ пряный запахъ ласкалъ обоняніе. Вокругъ костра, куда все больше и больше бросали сучьевъ и сухихъ метель вереска, жгли себѣ пятки спавшіе солдаты, и около, какъ и подобаеть въ настоящей боевой семьѣ, прѣлись генераль Бояджіевъ, полковникъ Икономовъ, его начальникъ штаба и другіе офицеры. Когда солдатъ хотѣлъ посторониться, дать имъ мѣсто, начальство приказывало: лежи, лежи, и садилось у голыхъ пятокъ. Мое платье обсушивалось тутъ же. Меня облекли въ чье-то майорское пальто. Мы долго сидѣли, глядя въ рвавшееся къ влажному небу полымя. Сверху моро-

сило. Валежникъ свисталь, раскручиваясь; сухіе листья миртовъ въ огнѣ пылали, точно покрываясь мелкими вязями золотыхъ письменъ; кучи угля смотрѣли на насъ красными воспаленными глазами. Генеральъ рассказыываль о своей дивизіи, — настоящій демократическій генераль, мужицкой арміи, — и въ его короткихъ и сдержанныхъ фразахъ бились такіе живые пульсы любви къ родному солдату, что я за одинъ этотъ часъ поняль больше чѣмъ за весь походъ, чему армія свободы обязана великими побѣдами... Это тотъ самый Бояджіевъ, который со своей удивительной дивизіей въ самыхъ невозможныхъ, и не только невозможныхъ, но и страшныхъ положеніяхъ умѣль обходиться безъ помощи со стороны. Онъ ни разу не послаль къ командующему арміей Радко Димитріеву ни одной тревожной вѣсти, одолѣвая такіа задачи, какъ прорывъ подъ Караагачемъ или самыя рискованныя штурмы Лозенграда... Онъ и Радко — лучшіе генералы этого народнаго, сознательнаго, грамотнаго, одушевленнаго войска. И при томъ какая скромность! Все о солдатѣ, и ни слова о себѣ. Удивительные подвиги рассказыываются какъ нѣчто будничное, обычное, не вызывающее ни восторга, ни удивленія. Такъ нужно, такъ и было сдѣлано. Иначе и быть не могло. И все въ спокойномъ тонѣ, безъ восклицательныхъ знаковъ. Въ уравновѣшенной душѣ и смерть, и побѣда сплелись такъ, что стали неразрывны, понятны, неизбежны.

Въ большой палаткѣ — солдатскій ужинъ. Убогій, трезвый, плѣнительный, какъ вся эта скромная въ безмолвныхъ лишеніяхъ и въ суровой боевой обстановкѣ подвижническая жизнь крестonosца

свободы и независимости. Потомъ убрали столъ, и намъ устроили походную постель. Дуло, ночь кончѣла... Далеко-далеко вспыхивали ружейные выстрѣлы... Я вышелъ изъ палатки; глубокая долина подо мною вся въ кострахъ... Долина огней... Оттуда бодрый говоръ солдатъ, ржаніе лошадей. Чей-то одинокій крикъ... Еще нѣсколько минутъ, и все уже засыпало. Издали рыдали чекалки... И ружья смолкли... Вѣтеръ усиливался, неистово гналъ изорванныя облака. Луна, казалось, стремительно бѣжала, оставаясь на мѣстѣ...

Подъ самое утро въ томъ же скупомъ разсвѣтѣ — повтореніе вчерашней «Софія или смерть»...

Изъ горжи другого редута выступили турки.

Спустились внизъ, къ разрушенному мосту черезъ Карасу, залегли за неровности почвы и открыли огонь по болгарамъ.

На этотъ разъ болгарскіе «войники» даже не удостоили ихъ отвѣтомъ.

Не тронулись изъ холодныхъ окоповъ. Дежурныя части не сдвинулись съ мѣста.

— Подходите, если хотите, тогда мы съ вами справимся.

Та же поздняя луна бѣжала сквозь облака, изорванныя, смятенныя... Въ молочной разсвѣтлинѣ тускло желтѣли потухавшіе костры... Батареи бросили нѣсколько шрапнелей въ турокъ. Тѣ бѣжали, оставивъ вдоль берега рѣки безмолвныхъ свидѣтелей неудавшейся вылазки... Какой-то христіанинъ явился оттуда. Припалъ къ землѣ, — его оставили, какъ мертваго. Доползъ до нашихъ окоповъ, издали крестился, поминая всѣхъ святыхъ... Его приняли... Торопливо рассказы-

ваеть, какой ужасъ у непріятели. Даютъ по горсточкѣ муки печь крендели. А не на чемъ. Нѣтъ дровъ на позиціяхъ. Люди мѣшаютъ муку съ сырой водой и ѣдятъ эту болтушку... Болѣзни хуже болгарскаго огня. Отъ нихъ больше рѣдѣютъ непріятельскіе отряды. Абдуллахъ-паша раненъ. Мухтаръ — тоже. Лѣчить не хватаетъ средствъ. Въ окрестныхъ селахъ и мертвыхъ, и раненыхъ складываютъ вмѣстѣ въ оставленные дома и уходятъ. Старая привычка турокъ. Я помню, во взятой нами Плевнѣ тридцать пять лѣтъ назадъ мы отбивали забитые ставни и заколоченныя двери. Оттуда на насъ разило открытою могильною пастью...

Вдоль стѣнъ и на полу лежали мертвые, и ихъ полныя ужаса, открытыя, незрячія очи были устремлены къ дверямъ. Точно они всѣ только что обернулись къ намъ и молча ждуть отъ насъ чего-то. Османъ, Гази-Османъ, великій Османъ-паша такъ же складывалъ раненыхъ въ опустѣвшіе дома, забивая окна и двери, и предоставлялъ несчастнымъ умирать во мракѣ, въ сплошномъ отчаяніи безнадежности, въ неописуемыхъ мукахъ безпомощности и агоніи... Турки остались тѣмъ же, чѣмъ они были когда-то, хотя на всѣхъ занятыхъ нами ихъ позиціяхъ мы находили массу медицинскихъ средствъ и пособій, которыми дорого, но хорошо снабдила ихъ Германія. Забыла только одно: послать имъ докторовъ и внушить пашамъ уваженіе и состраданіе къ раненому.

— Насъ бросаютъ, какъ искалѣченныхъ собакъ, умирать въ полѣ.

Впрочемъ въ этомъ отношеніи и болгары не лучше.

XII.

Тридцать пять лѣтъ назадъ, когда изъ Адрианополя Скобелевъ пошелъ на востокъ, Чатаалджа показалась намъ среди окружающей пустыни чудеснымъ и плѣнительнымъ оазисомъ. Безлистая чинары. Сквозь ихъ сквозной узоръ мрачные, торжественные кипарисы. Въ садахъ прятались хорошіе деревянные дома, выступавшіе, по греческому обычаю, надъ улицами верхними этажами. Веселая, радостная толпа. Привѣтливыя женскія лица изъ настезь «приподнятыхъ» оконъ, и только турецкія жилья, казалось, спали, опустивъ вѣлки мушарабій. Звонко падали въ бассейны чистыя струи фонтановъ. День былъ солнечный, и минареты горѣли въ немъ, какъ свѣчки. Мы обрадовались хорошимъ комнатамъ восточнаго обихода. Всюду вокругъ стѣнъ алѣли тахты подъ дорогими тканями; на нихъ были раскинуты шелковыя подушки. Мы были голодны. Сотни уличныхъ «обжорныхъ» открывали свои двери и окна. Въ жирныхъ желтыхъ соусахъ жарились тифти, кебабъ, шишъ-кебабъ, и острый запахъ пригорѣлаго мяса дразнилъ воображеніе. Лавокъ было пропасть. Все, что намъ надобилось, оказывалось въ окнахъ. Нашъ отрядъ живо снарядился, и греки благословляли наше появленіе. Я думаю, они отродясь такъ не торговали, какъ въ эти памятные дни. Въ городѣ были клубы и даже кафе-шантанъ, съ переодѣтыми въ короткую пестрядь кухарками и горничными съ насморкомъ въ горлѣ, и неимовѣрною жадностью на наживу. Въ кафе-шантанѣ дребезжалъ, хрипѣлъ, сопѣлъ и сморкался оркестръ, и тѣми же регистрами отличались пѣвицы столь почтеннаго возраста, что

даже неизбалованная армія — и та сразу преисполнилась къ нимъ сыновними чувствами. То ли мы найдемъ здѣсь теперь?

Скалы наблюдательнаго пункта остались позади.

Мимо раскинутыхъ по косогорамъ биваковъ мы ѣхали къ этому городу.

Пустыри.

Брошенная желѣзная дорога.

Навстрѣчу тяжелые обозы съ реквизиціей, — солома для лошадей. Оставляемъ ихъ позади. Оазисъ Чаталджи такъ близокъ, — мы, по старой памяти, ждемъ отъ нея волшебныхъ очарований. Намучившись отъ ночлеговъ съ почтенными, но не весьма благоуханными свиньями и буйволами подъ одною кровлей и продрогнувъ въ палаткахъ подъ дождемъ и вихремъ, я уже загодя мечтаю о настоящей комнатѣ съ тахтою и постелью, о веселой улицѣ открытыхъ лавокъ, гдѣ всѣмъ можно запасться... Одно только меня нѣсколько смущаетъ. Было хорошее шоссе. За тридцать пять лѣтъ должно бы сдѣлаться еще лучше, а отъ него какіе-то огрызки. Вспомнилъ, что и въ остальной Турціи, гдѣ шоссе показано на картѣ нашего генеральнаго штаба, отъ него отъ одной вонючей трясины къ другой идутъ какіе-то костоломки. Въ трясилахъ вязнуть арбы, а на костоломкахъ калѣчатся и падаютъ кони... Ну, да, вѣдь, Чаталджа — все-таки городъ. Онъ-то, я думаю, еще выросъ за это время...

Вотъ и улица...

Болото... Вокругъ болота — жалкіе, грязные дома. Точно толпа нищихъ оборванцевъ, смрадныхъ, облѣпленныхъ слякотью, въ лохмотьяхъ, съ подтеками на лицахъ, въ лишаяхъ... Покосились.

Опираются на клюки. Подбей такую, — и жалкое логовище рухнетъ въ трясину... Вонъ слѣдующая улица. Что случилось съ ея новыми, радостными домами? Въ щеляхъ, трещинахъ, ссадинахъ. Окна выбиты, залѣплены бумагой, захпнуты неопрятными юбками... Конакъ. Онъ уцѣлѣлъ... Но гдѣ хорошіе греческіе дома напротивъ? Въмѣсто нихъ — убогія лачуги. Мерзость заустѣнія! Нѣсколько сносныхъ зданій... Заперты наглухо. И въ окна видно, — тамъ никого. Уходя, турки, говорятъ, заставили ихъ хозяевъ удалиться въ Константинополь. Зачѣмъ? Гдѣ бы съѣсть что-нибудь? Мы голодны. Увы, гостиницы тоже заперты, уличныхъ восточныхъ кухонекъ нѣтъ. Лавокъ ни одной. А которыя и остались, — въ какомъ-то проходномъ ряду сквознымъ вѣтромъ торгуютъ. Свѣчки купить нельзя. Сахару? Только съ удивленіемъ смотрятъ на насъ. Нѣкоторымъ хозяевамъ, очевидно, надоѣли вопросы покупателей, и они на стѣнѣ мѣломъ написали рядъ «нема», и противъ каждаго «нема» — названія всевозможныхъ яствъ и питій. Что турки сдѣлали съ прелестнымъ городомъ за эти тридцать пять лѣтъ? Черезъ нѣсколько дней я былъ въ Силивріи, и тамъ, у очаровательнаго Мраморнаго моря, вмѣсто когда-то очаровавшей насъ идилліи — мерзость заустѣнія современной Турціи. Все сожгла, все съѣла, все уничтожила и гниетъ сейчасъ на пустомъ мѣстѣ...

Чаталджа, это — картина сегодняшней дѣйствительности Турціи.

Стоитъ ли терпѣть такой ужасъ сплошнаго варварства рядомъ? И можно ли благословенныя небомъ мѣста обречать истребленію, проклятію, нищетѣ и разрушенію, желая здѣсь сохранить во что

бы то ни стало Турцію?.. Вѣдь стоило бы показать господамъ защитникамъ Турціи Айвалы, Асбуа, Карай-Чифтликъ съ ихъ распотрошенными женщинами и изнасилованными, зарѣзанными подростками!.. Впрочемъ, даже такія картины ни у европейскихъ дипломатическихъ кабинетовъ, ни у биржъ не пробудятъ совѣсти, прежде всего потому, что нельзя проснуться тому, чего нѣтъ и не было. Одна воровская шайка!..

XIII.

Мнѣ давно надо было посѣтить первую армію генерала Кутинцева.

Она въ двѣнадцать верстахъ, разумѣется, какъ и вездѣ въ Турціи, сплошного пустыря. Оставивъ налѣво желѣзнодорожную станцію «Кабачкіой» съ селеніемъ, бѣлая мечеть котораго маячитъ издали, вы уже до самаго Кадыкіоя не встрѣтите ни одной лачуги. Былъ здѣсь когда-то помѣченный на картахъ нашего генеральнаго штаба Кара-Мурадъ-Чифтликъ, но сейчасъ отъ него не осталось даже и головней. Тридцать пять лѣтъ назадъ стояли посерединѣ этого пути сады и дома греческаго сельбища. Сейчасъ тутъ лысина, и до самыхъ мраморныхъ ломокъ — ни дымка. Да и мраморныя ломки оставлены, какъ и все въ этомъ несчастномъ краѣ. Знакомиться съ Турціей слѣдуетъ не въ Константинополь. Тамъ хотя въ грязи и руинахъ, но все же казовые концы. Да и стамбульскіе мягкіе, гибкіе и медоточивые государственные люди умѣютъ кому угодно втереть очки въ глаза. Эту развалившуюся имперію надо видѣть въ ея европейскихъ областяхъ, съ которыхъ она умѣетъ сдирать

сѣдью шкуру, доводя народы ихъ до отчаянiя и нищеты. Особенно ложное понятiе о странѣ дали младотурки. Въ Парижѣ, Берлинѣ и Лондонѣ, изгоняемые въ свое время кровавымъ султаномъ, они хорошо выучились красивымъ словамъ и округленнымъ періодамъ. Въ ихъ паутину попадали даже тѣ, кому бы надлежало лучше знать сосѣднюю съ нами имперiю. Развѣ нашъ военный агентъ здѣсь не былъ увлеченъ ими до того, что разгромъ Болгарiи считалъ неизбѣжнымъ, а силы Порты преувеличивалъ, ослѣпляя ими наши военныя «сферы»? Мнѣ случайно попало его сочиненiе по этому поводу, помѣченное 1909 годомъ. Невелика разница трехъ неполныхъ лѣтъ, и не могла въ такой короткiй промежутокъ такъ неизмѣримо понизиться мощь имперiи! А этимъ свѣдѣнiямъ давали полную вѣру, и не только вѣру, но, согласно имъ, направляли свои дѣйствiя. Не мы одни, впрочемъ, повинны въ подобномъ легкомыслии. Въ Софiи былъ германскiй военный атташе. Онъ сообщалъ точныя, вѣрныя, хорошо изученныя цифры и данныя о болгарской армiи. Въ случаѣ ея столкновенiя съ турецкой онъ безошибочно предсказалъ побѣду первой. Но въ Константинополѣ сидѣли на султанскихъ кормахъ воевода фонъ-деръ-Гольцъ-паша и его инструкторы. Развѣ такихъ могла сломать какая-то маленькая придунайская страна, лучшіе генералы и офицеры которой вышли не изъ берлинской, а изъ петербургской академiи! Видя противорѣчiя донесенiй своего генерала въ Константинополѣ съ такими же скромнаго капитана въ Софiи, императоръ Вильгельмъ, разумѣется, отозвалъ второго и похоронилъ его въ далекомъ гарнизонѣ. Но внезапно разразилась война, и оказалось, что пресло-

вутый, гениемъ великому Мольтке равный преобразователь турецкой арміи ошибся во всемъ и ничего предвидѣть не сумѣлъ. Планы его войны съ Болгаріей рухнули, какъ карточные домики. Капитана извлекли изъ бранденбургской или померанской труппы и вновь торжественно водворили въ Софію. Встрѣчаетъ его одинъ изъ виднѣйшихъ болгарскихъ государственныхъ людей на-дняхъ и съ удивленіемъ:

— Вы опять здѣсь?

— Да, какъ видите!

— Чѣмъ это объяснить? Мы уже отчаивались встрѣтить васъ.

— Очень просто. Мой всемилостивѣйшій монархъ всегда на сторонѣ побѣдителей!

Очаровательная по наивности и вѣрности характеристика умнаго, умѣющаго пользоваться обстоятельствами германскаго императора, предпочитающаго живое и сильное больному и разлагающемуся.

Разумѣется, между младотурками было немало искреннихъ людей, дѣйствительно мечтавшихъ о равенствѣ всѣхъ народовъ подъ оттоманскою властью. Они очутились лицомъ къ лицу съ невѣжественною массой. Старая Турція умерла, новая еще не родилась. Образовалась пустота, въ которой задохнулись пигмеи, выброшенные волною событій на самый гребень и не удержавшіеся на высотѣ. Время великое, люди малые! Вѣдь это примѣнимо не къ одной Турціи. Оглянемся поближе, пошаримъ около, — не то же ли самое найдется и у насъ дома? Новые люди, какъ опора младотурецкаго режима, не имѣли времени подняться, пришлось не идти впередъ, а точно на качеляхъ мотаться во всѣ стороны. Не реформировать страну,

а входить въ соглашеніе съ партіями, съ которыми у нихъ ничего общаго быть не могло. Старотуркамъ они говорили: — мы самые убѣжденные мусульмане, но должны поневолѣ ладить съ христіанами, чтобы спасти положеніе. Христіанамъ: — дайте намъ сокрушить остатки абдуль-гамидовскаго режима, и вы увидите, какая золотая эра равенства и законности настанетъ у насъ; у васъ есть и просвѣщеніе, и умы, — вы будете хозяевами страны. Евреямъ:—въ вашихъ рукахъ будутъ финансы Турціи, мы отдадимъ вамъ Палестину, и подъ султанскою властью вы воскресите въ ней свою былую славу... Единственное, что они сдѣлали дѣйствительно, и сдѣлали хорошо, это — перевооруженіе арміи. Но они же убили ея духъ. Германія, правда, взяла съ нихъ за свои поставки массу денегъ, но прислала снаряженіе, которымъ рѣдкія арміи могутъ похвалиться. При младотуркахъ были отняты у многихъ областей даже права, которыми тѣ пользовались въ страшное время Абдуль-Гамида. Все это приносилось въ жертву общему отечеству, но и отечество, и его народы были жестоко обмануты. По пути я встрѣтилъ доктора Бурилкова въ солдатской шинели. Поступилъ въ болгарскую армію солдатомъ. Онъ самъ болгаринъ, турецкій подданный. Принадлежалъ къ самымъ убѣжденнымъ членамъ младотурецкой партіи, работалъ съ нею и для нея и окончательно въ ней извѣрился. Въ стамбульскомъ парламентѣ онъ былъ депутатомъ отъ Лозенграда (Киркилиссе) и тамъ убѣдился, что младотурки все-таки турки, и на ихъ обѣщанія полагаться нельзя. Выборы устраивались такъ: на примѣръ, на 60,000 избирателей болгарскихъ только 30,000 турец-

кихъ. Турки ухитрялись всѣми правдами и неправдами поставить своего и обманули депутатовъ большинства. Свобода печати свелась къ тому, что, когда онъ заговорилъ о погромахъ, его газету «Вѣсть» запретили. Онъ выпустилъ «Гласъ». Случился новый погромъ, и «Гласу» пришлось замолкнуть. Его замѣнили «Новины» и просуществовали лишь нѣсколько дней. Всѣ эти три газеты были строго-конституціонными, правовыми, «младотурецкими», т. е. вѣрными программѣ этой партіи.

Съ одной изъ высотъ я оглянулся.

Позади темная синь горъ. Вверху тяжелыя облака, съ просвѣтами солнца. Бѣлое яркое пятно мраморныхъ ломокъ. Далеко-далеко какое-то село, сбѣжавшееся вокругъ бѣлой мечети. Съ запада слышны глухіе тусклые удары адрианопольскихъ орудій. На востокъ чатаджинскій укрѣпленный фронтъ молчитъ.

Отдыхаютъ въ поднебесьяхъ турки.

Притаились болгары въ окопахъ.

XIV.

Въ Кадыкіой двѣнадцать верстъ.

По здѣшнимъ разстояніямъ — суцій пустякъ. Даже мой Россинантъ не успѣетъ растрясти меня, какъ слѣдуетъ. Часа два въ сѣдлѣ, и новая забота: какъ найти уголь въ небольшомъ селѣ, гдѣ уже все переполнено, и люди локоть къ локтю жмутся другъ къ другу. Вповалку, часто по четыре человѣка въ одной конуркѣ. Спать можно. Работать надо имѣть привычку. Пока я бесѣдовалъ съ министрами Лапчевымъ и Такіевымъ (въ солдатской шинели), ко мнѣ подошелъ докторъ Близнаковъ,

«русскій воспитанникъ», и радушно пригласилъ къ себѣ. Ночлегъ былъ обезпеченъ. Оставалось съѣздить на позиціи. Передъ нами Альбасанъ, въ пяти верстахъ, а за нимъ, въ четырехъ, — уже турецкій вооруженный фронтъ. Къ Альбасану и за нимъ тѣ же пустынные горы, голыя лысины, долины, по которымъ всеуничтожающимъ смерчемъ прошли вѣка турецкаго владычества. Мой «стражарь» позади все время вздыхаетъ...

— Что это вы?

Болгаричъ сейчасъ же сказался въ немъ.

— Вы посмотрите, какая это земля. Вѣдь ее ѣсть надо! Ее только тронь, — она все родить тебѣ... И дасть же Богъ такую, кому ее не надо! Вѣдь тутъ всю ее напоить можно. А напоишь землю, — она, благодарная, раскроется передъ тобою: бери изъ нея, что хочешь. И садамъ, и нивамъ раздолье. Селяку не житье, а рай... Хлѣбъ два раза въ годъ съ нея снимешь! Я бы здѣсь первый годъ табакъ посѣялъ, а второй — пшено; на третій у меня бобы и макъ пошли бы. И всегда виноградъ. У насъ, въ Тырновскомъ округѣ, самые обыкновенные, неважные участки по триста левовъ за тысячу квадратныхъ метровъ продаются, а въ Пирочаницѣ гектаръ подъ огороды выше тысячи левовъ стоитъ. Въ Хаскіюѣ, гдѣ когда-то у турокъ пустыня была, — отъ восьмисотъ до тысячи левовъ тоже, ну, а эта благодать и вдвое сойдетъ.

Говорилъ, говорилъ и разозлился.

— Вѣдь надо саманъ (солому) въ головѣ вмѣсто мозга, чтобы такая земля пустовала. Тутъ бы у насъ гулямыя (большія) деревни, какъ горохъ, рассыпались, а мы вотъ сегодня пятнадцатую версту дѣлаемъ и человѣческаго жилья не видимъ. По

Весь
послан

этимъ горамъ, смотрите, — уже ноябрь, а какая трава? То-то бы скоту раздолье. Жирѣй и плодись!.. Нѣтъ, давно пора турокъ выгнать изъ этого рая. Нечего имъ здѣсь дѣлать. Онъ долженъ миллионы народа кормить...

Когда-то и кормиль!

Копни землю — руины. Въ Кадыкіюѣ колодцы въ просверленныхъ капителяхъ мраморныхъ колоннъ. Только и осталось слѣда отъ прежнихъ красоты и богатства. Въ Альбасанѣ монолиты валяются въ грязи трясинъ, играющихъ роль улицъ. Обломки перистилей, громадныя отесанныя камни... И по дорогѣ такіе, — понятно: когда-то стояли здѣсь византійскія загородныя палаццо. Роютъ дорогу въ жалкомъ и цѣлкомъ дубнякѣ, и вдругъ въ землѣ — разрыхлѣвшія чудовищныя колоды Богъ вѣсть сколько времени назадъ вырубленныхъ вѣковыхъ деревьевъ. Колоды корней, развѣтвляющихся во всѣ стороны толстыми, съ любой большой тополь, руками... Все это было, все это будетъ опять, но тогда, когда на этой землѣ станетъ настоящій хозяинъ-работникъ...

«Стражаръ» въ одной лоцинѣ не выдержаль.

Сорвался съ сѣдла, разрылъ землю и пожевалъ ее...

— Золото, а не земля. У меня дома хорошая, но куда же до этой... Лукума не надо. Сладкая...

Я засмѣялся.

— Я вамъ говорю: она, какъ здоровая дѣвушка, только хорошаго мужа требуетъ, чтобы наплодить ему сильныхъ дѣтей. На такой землѣ у насъ села лучше ихнихъ городовъ вырастутъ. И школы,

какъ благодатное дерево, изъ нея подымутся. Цѣлыми стаями къ нимъ ученики слетятся. Да, за эту стоитъ умереть. Болгарія послѣ благословить нашу память. Дѣти въ каждомъ зернѣ ея родную кровь почувютъ. Пускай она пьетъ ея больше, — авось, теперь не отдадимъ этой побратимской чаши... Вы вотъ смѣетесь, а мы шли отъ Чорлу до Чаталджи. Дѣлали переходы по тридцать верстъ въ день, и на нихъ ни одной деревни, а земля такой же сахаръ, какъ и эта. Что жъ, ей для червей да для змѣй быть, что ли? Ни жилья, ни сада, ни нивы, ни дороги.

Дѣйствительно, здѣсь когда-то были проложены великолѣпныя римскія дороги. Одна — отъ Чаталджи къ Мраморному морю — славилась даже. Такія же перекрещивались внутри страны во всѣхъ направленіяхъ. Турки разобрали ихъ на свои... заборы! Изъ римскихъ стѣнъ строили дома и мечети и, не докончивъ ихъ, оставили руины. Римская дорога была изумительна. Плиты ея, великолѣпно отесанныя, складывались не плашмя, а стоямя. Въ извѣстныхъ разстояніяхъ находились большія каменные страннопріимницы, по сторонамъ раскидывался сплошной «садъ Византіи» и «житница имперіи». На горахъ, повыше, шумѣли великолѣпные лѣса. Сейчас вы то и дѣло встрѣчаете остатки вѣдуковъ и водопроводовъ, а жители нищихъ деревень пьютъ грязную и нездоровую воду. Гдѣ сохранился мостъ, — непременно римскій. Своихъ турки не строили. Чаталджа была заключена вся въ великолѣпную стѣну Ай-Тодоръ (св. Ѳеодора). Теперь отъ нея одни огрызки торчатъ, точно сломанная челюсть съ прогнившими зубами.

XV.

Мы на боевыхъ позиціяхъ.

Опять передъ нами грозная линія фортовъ и редутовъ. Какъ все измѣнилось за послѣдніе годы! Прежде строились для фронтальной обороны, а теперь полигональныя очертанія крѣпостныхъ верковъ рассчитаны на самое убійственное фланкированіе непріятеля, откуда бы онъ ни подступалъ. Таковы здѣсь новыя. И сколько ихъ тутъ нагрожено! Весь, на примѣръ, путь отъ Гази-Баира до Бахчешкюя — одна изломанная линія; за нею, отъ Хамидіе до Махмудіе, — другая, а выше Бахчешкюя до Тамаша — третья. Въ сильный бинокль разглядишь и четвертую, отъ Гяуръ-Баира до Карача. И всѣ онѣ бьютъ во фланги атакующихъ частей. Такъ и поставлены уступами. Куда вы ни сунетесь, васъ поражаютъ вдоль. Нельзя себѣ даже представить болѣе выгодныя для обороны гнѣзда. Обойти невозможно, а на уступы не пойдешь, потому что каждый защищается цѣлымъ рядомъ другихъ. Съ этой позиціи видны только земляные валы, — другихъ нѣтъ. На южномъ фронтѣ турецкихъ фортовъ бетонныхъ череповъ нѣтъ, только амбразуры нѣкоторыхъ орудій отдѣланы бетономъ, да Караколь-Нокта блиндированъ. Отсюда мнѣ пришлось убѣдиться, что и для первой арміи предстоятъ тутъ не легкія задачи. Иностранные военные писатели совѣтовали одновременную атаку всего фронта, но, — насколько мнѣ понятно положеніе этого защитнаго зигзага, — она невозможна. Наступающіе длинною линіей отряды будутъ подъ страшнымъ фланговымъ огнемъ всѣхъ укрѣпленій. Выгоднѣе начать съ конечныхъ редутовъ и, взявъ

одинъ, ужъ тогда дѣйствовать по слѣдующимъ съ открытаго за нимъ тыла. Тутъ, вѣдь, даже за Караколомъ стоятъ припрятанныя, — какъ здѣсь ихъ называютъ, — минжальныя батареи, опять-таки поражающія вдоль фланга наступающаго отряда. Вонъ едва-едва замѣтны за высотами казармы батарочной системы. Онѣ выстроены давно, а выброшенные впередъ лагери въ палаткахъ, очевидно, устроены для видимости, для обмана. Тамъ въ сильныя зрительныя трубы — никакого движенія. Ни одна черная точка не проползетъ отъ одного бѣлаго пятна къ другому.

Вы помните, какъ за мѣсяць или два до войны Турція не пропустила заказанныхъ Сербіей и доставленныхъ черезъ Дарданеллы орудій? Порта ихъ захватила, и сейчасъ они всѣ здѣсь противъ позицій первой арміи. Объ этомъ говорятъ документы, найденные послѣ побѣга турокъ въ Чорлу. Такъ какъ къ этимъ пушкамъ снарядовъ не было, турки къ нимъ приспособили свои, но не особенно удачно, потому что поражаемость оттуда малая. Гораздо убійственнѣе работаютъ ихъ старыя. «Убійственно» нужно принимать относительно. Вѣдь и подъ Течкинли (близъ Селіолу), когда болгары подошли къ турецкимъ батареямъ, тѣ открыли по нимъ такой огонь картечью, что двѣ вершины были сплошь взрыты ею, но это не остановило пѣхоту, и она съ дистанціи въ 150 шаговъ кинулась «на-ножъ» и истребила и артиллерію, и прикрытіе, хотя надо отдать справедливость туркамъ: они дрались истинными героями. Нѣсколько дней назадъ на позиціяхъ генерала Бояджіева, за болгарскими передовыми батареями, турецкіе снаряды вырыли на большомъ пространствѣ много глубокихъ воронокъ, въ

которыхъ могло бы умѣститься по нѣскольку солдатъ, но и это было бесполезно. Чугуннымъ смерчемъ даже никого не ранило. Артиллерія хорошо прикрыта. Бризантныя гранаты падали вокругъ да около. Вообще, турки часто не умѣютъ хорошо пользоваться орудіями. Изъ такихъ отлично дѣйствуютъ только тѣ, гдѣ батарейные командиры — германскіе офицеры. На взятомъ 4 ноября редутѣ одинъ изъ нихъ былъ убитъ, и найденные при немъ записная книжка и документы обнаружили его національность. Эта батарея была особенно пагубна для болгаръ.

Вообще, — повторяю, — нѣмцы дали туркамъ великолѣпное снаряженіе. Они не сумѣли воспитать и подготовить армію, но все, что они ей продали, прекрасно, прочно. Торговля ихъ оказалась на большой высотѣ, но военное обученіе инструкторами турецкихъ таборовъ — никуда негоднымъ. Только захватывая брошенные бѣжавшими пашами склады, болгары приобрѣли нѣмецкаго боевого матеріала на 60.000,000 левовъ, а сколько его сложено въ Адрианополѣ, сдача котораго ожидается со дня на день? Здѣсь говорятъ не безъ юмора: «То, что нѣмецъ продалъ туркамъ, много для насъ, а для нихъ совсѣмъ не нужно». Вѣдь болгары привыкли обходиться своимъ. Они заказали за границей только пушки, ружья и снаряды; остальное все ихнее, народное, недорогое. Правда, черезъ нѣкоего Гаузера въ Венгріи и Россіи они купили 3,000 лошадей, но война пошла такимъ быстрымъ темпомъ, что ихъ не успѣли доставить, и только сейчасъ приходятъ онѣ партіями. Армія живетъ запасами изъ дома и реквизиціей по божескимъ цѣнамъ. Турки скупились на заготовленное зара-

нѣе снаряженіе. У нихъ солдаты голодали и до войны въ провинціи щеголяли въ отрепьяхъ, чуть не нагишомъ. Все лежало въ складахъ Лозенграда, Бунарь-Гиссара, Люле-Бургаса. Въ какомъ положеніи населеніе, бѣжавшее за линіи Чатаджи, этотъ миллионъ безпріютныхъ дѣтей и женщинъ, — подумать страшно, и что тамъ за эпидеміи, — лучше ихъ не знать. Слишкомъ отвратительной покажется жизнь рядомъ съ такою дѣйствительностью. Во время переговоровъ о перемиріи, когда на всѣхъ боевыхъ позиціяхъ царил тишина, вдругъ раздались оглушительные выстрѣлы. Броненосецъ за Чекмедже изъ голубого залива Мраморнаго моря громилъ свои же лодки, отплывшія отъ западнаго берега къ болгарскому. Только вчера узнали, въ чемъ дѣло. Изголодавшіяся семьи, похоронившія своихъ женщинъ и дѣтей (даже не похоронившія, а просто бросившія: рукъ не хватало зарывать эти жертвы холеры и тифа!), устремились къ морю и хотѣли вернуться въ родныя села. Вѣдь они ушли отсюда не по своей волѣ! Ихъ смело прочь приказаніе бѣгущихъ пашей и солдатская расправа разбитыхъ таборовъ. Броненосецъ беспощадно топилъ этихъ несчастныхъ... И тѣ все-таки упорно продвигались на своихъ челнахъ. Одни шли ко дну, другіе скользили мимо.

Лучше было утонуть, чѣмъ вернуться въ оставленный адъ.

XVI.

Мехмедъ-Яверъ-паша.

Это — одинъ изъ лучшихъ турецкихъ генераловъ, если не лучший. Онъ командовалъ первымъ армейскимъ корпусомъ, такъ называемымъ стам-

бульскимъ. На него Порта надѣялась какъ на каменную гору. Суровый, заботливый о солдатѣ, совершенно чуждый политики, онъ упорно занимался своимъ дѣломъ, давалъ войскамъ боевое воспитаніе и знакомился со всѣмъ, что совершается въ широкой области военной науки. Отъ офицеровъ онъ требовалъ того же, и служить у него было не легко. Рассказываютъ, что онъ отказывался даже отъ лестнаго представительства на церемоніяхъ селямлика, отнимавшихъ у него время, необходимое для службы. Единственный, который не прикладывался благоговѣйно къ властной рукѣ Гольць-паши, цѣловать которую спѣшили всѣ эти Махмуды, Абдуллахи и Мурады! Его поэтому и не жаловалъ берлинскій воевода на турецкихъ кормахъ. Не любилъ его и Абдуль-Гамидъ. Во времена оны Яверу даже приходилось испытывать и горечь ссылки въ Египетъ и Аравію, какъ и знаменитому Гази-Мухтару. Приписываютъ кровавому султану краткую характеристику Яверъ-паши. Какой-то изъ албанскихъ любимцевъ, осмѣливавшійся говорить правду стамбульскому тигру, попробовалъ хвалить его.

— Да, это все такъ. Но мнѣ нужны другіе.

— Онъ — лучший изъ офицеровъ низама.

— А если я ему прикажу, онъ не зарѣжетъ свою мать? Я люблю тѣхъ, которымъ и приказывать не надо.

И потомъ со слезами (Абдуль-Гамидъ былъ сентименталенъ):

— Иногда такъ тяжело приказывать! Истинный подданный долженъ знать мысли падишаха. Понимать слова хорошо, но еще лучше ихъ угадывать. Иное слово — великій грѣхъ передъ Аллахомъ. Надо, чтобы на меня одного не падала

вся кровь, пролить которую слѣдуетъ для благополучія Турціи . . .

Вѣроятно, въ памяти Абдуль-Гамида пронеслась въ это время тѣнь злополучнаго Кара-Мурада, котораго въ угоду Европѣ онъ спокойно приказаль казнить за то, что тотъ «угадалъ» одну изъ его мыслей. И потомъ оплакивалъ его память!

Неправда ли, точно за много вѣковъ назадъ слышишь Людовика XI?

Яверъ-пашѣ въ началѣ этой быстрой войны поручены были двѣ дивизіи и нѣсколько эскадроновъ, съ достаточнымъ числомъ горной артиллеріи, чтобы онъ черезъ Девленъ и Тымрошъ вторгнулся въ Болгарію, на Филиппополь, — то же, что долженъ былъ сдѣлать Абдуллахъ изъ Лозенграда на Ямболь. Главная армія предполагала идти въ центрѣ, между этими двумя руками-флангами. По плану Гольцъ-паши, — очень мудрому нѣмецкому плану, — они должны были соединиться въ Софіи, и — *finis Bulgariae!*

Позвольте, кстати, рассказать одинъ популярный здѣсь анекдотъ. Англійскій генераль Лейтонъ и какой-то паша поспорили, чьи ординарцы лучше и исполнительнѣе. Лейтонъ крикнулъ:

— Джонъ!

Кусокъ хорошаго ростбифа, затянутый въ красную куртку, выросъ въ дверяхъ.

— Вотъ записка къ полковнику Стеварту. Вы отнесете ее сейчасъ же и черезъ сорокъ минутъ будете назадъ съ отвѣтомъ.

Джонъ исчезъ.

Англичанинъ вынулъ часы и вслухъ:

— Джонъ вышелъ изъ дому. Джонъ у моста черезъ Золотой Рогъ. Джонъ у мечети султанши-

Балиде. Джонъ подымается къ сераскеріату. Джонъ поднялся. Джонъ передалъ записку. Джонъ спускается отъ сераскеріата. Джонъ возвращается мимо мечети султанши-Валиде. Джонъ перешель мостъ. Джонъ подымается въ гору. Джонъ входитъ въ домъ. Джонъ!

— Здѣсь! Вотъ отвѣтъ полковника!

Генераль показываетъ пашѣ часы. До сорока минутъ оставалось нѣсколько секундъ.

— Что жъ въ этомъ удивительнаго! И мой чаушъ Мехмедъ сдѣлаетъ то же. Мехмедъ!

Мехмедъ на босу ногу вскакиваетъ въ комнату.

— Вотъ тебѣ записка. Отнесешь ее къ брату въ «Кассимъ-пашу» и сейчасъ же отвѣтъ сюда. Слышишь, — сейчасъ!

Чаушъ Мехмедъ вышелъ.

Паша беретъ часы и отмѣчаетъ:

— Чаушъ уже на улицѣ. Чаушъ проходитъ у сада Терапіе. Чаушъ спускается къ лоцинѣ Измаиль-бея. Чаушъ идетъ по переулку Мурадіе. Чаушъ проходитъ мимо мечети Сулеймана. Чаушъ у монастыря дервишей. Чаушъ стучится къ брату. Чаушъ получилъ отвѣтъ. Чаушъ бѣжитъ мимо дервишей, вотъ онъ у кипарисовъ Сулеймана. Миновалъ переулокъ Мурадіе. Прошелъ лоцину Измаиль-бея. Подымается къ Терапіе. Стучится къ намъ. Мехмедъ!

— Здѣсь.

Чаушъ босикомъ у дверей.

— Принесъ отвѣтъ?

— Нѣтъ... Все время искалъ свои бабуши... Шайтанъ знаетъ, куда онъ, проклятыя, дѣвались.

Такъ, пока турецкіе генералы искали своихъ бабушей, — не босикомъ же имъ было вторгаться

въ Филиппополь и Ямболь и потомъ соединяться въ Софіи! — болгары разбили Абдуллаха и Мурада подъ Лозенградомъ и, загнавъ изъ Тымроша Яверъ-пашу на Каратепе, пошли за нимъ слѣдомъ. Яверъ-паша на этотъ разъ уже не искалъ бабушей, а шелъ быстро назадъ, одолевая невозможныя высоты. Болгары нигдѣ не давали ему ни отдыха, ни возможности развернуться для боя. Шелъ онъ, все время отбиваясь отъ авангардовъ, тревожимый ихъ разъѣздами. Войско его, лучшее въ Турціи, голодало и мерзло на горныхъ вершинахъ, коченѣло подъ неистовымъ вѣтромъ и таяло, таяло, таяло.

Такъ злополучный отрядъ добрался до кирджалийскихъ высотъ. Думалъ на нихъ укрѣпиться, но болгары не дали ему времени. Очертя голову, бросились «изъ-ножъ», и Яверъ-пашѣ опять пришлось бѣжать, отступая на Гюмурджину. Оставалась одна цѣль, — довести свои дивизіи до Галлиполи, гдѣ турки собираютъ новую армію, довести сколько можно. Надо отдать справедливость турецкому генералу: онъ тоже въ этомъ отступленіи, отнынѣ эпическомъ, не искалъ бабушей. Удерживался, гдѣ могъ, принималъ бои... Богъ вѣдаетъ, сколько его доблестныхъ солдатъ сорвалось съ отвѣсовъ въ бездны, замерзло на снѣговыхъ вершинахъ, заживо брошено ранеными на головокружильныхъ спускахъ. Болгарскіе отряды сдвигались къ нему, казалось, со всѣхъ сторонъ, но онъ въ горныхъ трущобахъ находилъ норы и лазейки и все шелъ и шелъ впередъ. Такъ ему удалось выбраться изъ этого окаменѣвшаго моря холодныхъ высотъ и кряжей, но тутъ прямая дорога ему заслонила народная армія, и онъ поневолѣ направился къ Ферэ. Это — у устьевъ Марицы. Здѣсь болгарская

Болга, — какъ ее называютъ, — расширяется въ большое устье, затопляющее зеленыя низины. Къ востоку отъ него — болото. Пройти рѣку нельзя: она глубока, а мостовъ никакихъ. Яверъ-паша, не будь за этимъ восточнымъ берегомъ полковника Салабашева, попытался бы еще форсировать переправу, — деревьевъ около цѣлыя рощи, — но ему не дали времени. Преслѣдовавшіе отовсюду отряды сомкнулись именно здѣсь, прижавъ его къ рѣкѣ. Съ запада надвигался на него генераль Генева. Съ сѣвера атаквали его македонско-адрианопольское ополченіе, одна бригада конницы и батальонъ десятаго полка, подъ начальствомъ полковника Танева. Яверъ-паша принялъ безнадежный бой, — бой, изъ котораго некуда было уйти. Его захлопнули какъ въ мышеловку. Сраженіе началось утромъ. Онъ устроилъ все-таки переправу на Марицѣ, перебросилъ два табора, но въ суматохѣ кто-то изъ своихъ перерѣзалъ канаты. Въдѣ то же продѣлали въ началѣ войны болгарскіе четники, сгупа взорвавшіе за уже бѣжавшими турками и по пути болгарскаго наступленія два желѣзнодорожныхъ моста. Такія несообразности въ боевой оторопи часты. То же случилось и у паши. Болгары громили его полевыми орудіями, наступали «на-ножъ», и къ вечеру обнаружилась ясно невозможность держаться болѣе на этой позиціи. Дорога къ Галлиполи была замкнута; оставалось одно: выкинуть бѣлый флагъ. Появленіе его болгары встрѣтили торжествующимъ «ура». Измученные и голодные аскеры кирджалийскаго отряда хотѣли только одного — нѣсколькихъ часовъ покоя, ночи сна и безопасности, которыхъ они не знали три недѣли,

Яверъ-паша сдался Генеу.

— Я не жалѣлъ себя... Сдѣлалъ все, что могъ. Вотъ моя сабля.

Геневъ вернулъ ее.

— У храбрыхъ не отнимають оружія!

Болгары сумѣли почтить несчастье: офицерамъ оставили ихъ лошадей и ординарцевъ, солдатамъ — ихъ личное имущество. Паши, — ихъ было трое, — провели ночь у Генева. Утромъ ихъ направили, черезъ Софлу, на Демотику. Офицеровъ и солдатъ — туда же. Мехмедъ-Явера, — говорятъ, — захотѣлъ видѣть царь Фердинандъ, и (желѣзная дорога отъ Демотики, уже готова) его повезли въ Лозенградъ. Только теперь узналъ злополучный турецкій генераль о побѣдахъ болгаръ и уничтоженіи Турціи. Онъ горько зарыдалъ. Успокоившись, просилъ оставить ему его документы.

— Въ нихъ мое оправданіе... Увидятъ, что я исполнилъ все, что было въ силахъ человѣка.

И потомъ, распросивъ о пораженіи другихъ своихъ товарищей:

— Я все-таки сдѣлалъ больше, чѣмъ они... Держался двадцать дней на невозможныхъ позиціяхъ и въ ужасныхъ горныхъ трущобахъ!

Болгарамъ здѣсь достались 252 офицера съ тремя пашами, 8,900 солдатъ, изъ нихъ 35 музыкантовъ, 1,000 лошадей, 8 горныхъ орудій и два пулемета. Оружія собрано столько, что едва ли его увезти на одномъ громадномъ поѣздѣ. Знамена.

Въ какомъ состояніи былъ Кирджалійскій отрядъ видно изъ того, что на конечныхъ остановкахъ изъ вагоновъ съ плѣнными вынесено много умершихъ отъ истощенія, смертельной усталости и... холеры. Солдаты ѣхали съ этими трупами.

Въ Филиппополѣ такіе были брошены на перронъ и долго валялись тамъ среди толпившихся пассажировъ.

Турецкія арміи таютъ.

Еще вчера грозной, Портъ Оттоманской не съ чѣмъ держаться. Она валится повсюду. Рухнули ея столпы, сокрушились стѣны. Чатаджинскій фронтъ еще цѣль, но за нимъ холера, тифъ и голодъ милліоновъ бѣженцевъ... Страшная расплата!

XVII.

Въ Кадыкіюѣ — встрѣча.

Людовикъ Нодо и Бранцини, которыхъ считали выѣхавшими изъ арміи.

Оба мрачны, какъ ноябрьскія тучи.

Нодо — знаменитость въ корреспондентскомъ мірѣ — въ отчаяніи.

— Я, какъ говорятъ китайцы, потерялъ лицо. Эта война погубила мою репутацію.

— Почему?

— Мои телеграммы шли по восьми дней...

— Позвольте васъ утѣшить: мои, бывало, и по двѣнадцати. Ихъ отправляли на волахъ.

— Мои письма частью не получены.

— Вы хоть это знаете, а я не имѣю понятія, что случилось съ моими. Послано болѣе сорока фельетоновъ, но, какъ говорятъ, много ихъ упокоется въ кладезяхъ лозенградской почты. Храню для редакціи только квитанціи.

— Насъ никуда не пускали, а куда пускали, — о томъ и говорить запрещено.

Я не могу сказать этого о себѣ, но когда въ «Русскомъ Словѣ» я читаю телеграммы изъ Вѣны и

Лондона, — вранье людей, не переѣзжавшихъ болгарской границы, о томъ, что болгары уже «обошли Чаталджу», находятся «подъ стѣнами» (!?) Константинополя, болгарскіе «кавалеристы захватили какіе-то броненосцы» на Мраморномъ морѣ, — мнѣ приходятъ въ голову неутѣшительныя мысли. Что подумаетъ читатель о корреспондентѣ, телеграмма котораго о боѣ подъ Чаталджей доберется на волахъ до Ямболя въ двѣнадцать дней, тогда какъ, по свѣдѣніямъ вѣнскихъ импровизаторовъ, доблестная армія уже заняла спутники Марса и грозитъ самой этой планетѣ? Насъ помѣстили въ Ерменикію вмѣстѣ съ Мамонтовымъ («Утро Россіи») и фонъ-Дрейеромъ («Новое Время»). Мы часто опускали руки. Пропадала охота работать, но нужно исполнять свои обязанности, и мы вновь принимались писать для того, чтобы было что посылать по... воловьей почтѣ...

Барцини — корреспондентъ «Corriere della Sera» — большая величина въ Италіи.

Онъ въ бѣшенствѣ.

— Я палъ во мнѣніи своихъ читателей!.. Зачѣмъ они (болгары) пускали насъ. Ну, объявили бы, что корреспонденты запрещены... О, я былъ болгарофиломъ, а теперь...

И запнулся.

Если бы мы мѣняли свои симпатіи и убѣжденія такъ легко и по личнымъ огорченіямъ, — не очень выиграла бы писательская этика.

Пусть лучше думаютъ, что мы никуда не гонимся.

Но, тѣмъ не менѣе, положеніе создается глупѣйшее.

Сидишь въ холерныхъ гнѣздахъ, ежеминутно

рискуешь собою, живешь въ свинныхъ хлѣвахъ, въ почтенномъ обществѣ буйвола и борова, терпишь всевозможныя лишенія и знаешь, что позади, на родинѣ, въ той же Москвѣ, на примѣръ, на тебя собакъ вѣшаютъ.

Бываетъ еще хуже.

Сейчасъ мнѣ глазъ не сомкнуть при мысли о юномъ Калинѣ.

Когда я выѣхалъ изъ Софіи, нашъ корреспондентъ, почтенный И. Н. Калина, далъ мнѣ, какъ переводчика, своего сына, студента берлинскаго университета. Я самъ отправился подъ Адрианополь, въ бой подъ Марашемъ и Юрушемъ. Это было больше мѣсяца назадъ. Изъ Эспетли я поѣхалъ въ Лозенградъ вкругъ Эдирне. Со всего пути и потомъ изъ Визы, Сарая, Енидже, Ерменикюя телеграфирую ему и пишу, и ни слова въ отвѣтъ. Я знаю, что онъ остался въ Мустафа-пашѣ съ очень малыми деньгами. Хочу ему послать денегъ, — полевая почта не принимаетъ, письма улетучиваются въ пространство, депеши не доходятъ. Пишу и телеграфирую срочно его отцу въ Софію, и оттуда ни слова. Представьте мое положеніе. Вѣдь юноша могъ погибнуть. На мнѣ отвѣтственность за его судьбу, а перекинуться съ нимъ вѣстью отсюда нельзя. Радко Димитріевъ, командующій обѣими (первой и третьей) арміями, въ утѣшеніе мнѣ сообщаетъ, что къ нему отъ своихъ письма доходятъ черезъ мѣсяць. Позвольте, да вѣдь это изъ Бразиліи или изъ Нагасаки скорѣе получишь отвѣтъ, чѣмъ изъ Софіи или Филиппополя!

Какъ работается при этомъ, — предоставляю судить читателю.

Понятно, у кого не хватает характера, тотъ уѣзжаетъ.

Сейчасъ на этомъ фронтѣ изъ русскихъ я и Топоровъ («Рѣчь»). Изъ иностранцевъ — Нодо и Барцини. Большая часть въ Софіи, они раньше насъ знаютъ изъ правительственныхъ сообщений, что дѣлается даже рядомъ съ нами, и вы ихъ телеграммы получаете сейчасъ жѣ.

Да, эта турецкая трясина съ воловьими дорогами и единственною на двѣ арміи проволокой телеграфа даетъ себя чувствовать!

Устанавливайте цензуру, какая нужна вашей арміи, но дайте возможность работать.

У каждаго изъ насъ есть близкіе люди; мы отъ нихъ вотъ уже два мѣсяца не имѣемъ никакой вѣсти. Со всѣмъ этимъ можно было бы примириться: война! Но часто руки опускаются. Нашъ цензоръ — офицеръ генеральнаго штаба. Вдругъ ему дается боевое порученіе на позиціи. Онъ ѣдетъ туда, и вы къ двумъ недѣлямъ, которыя васъ отдѣляютъ отъ редакціи (и это — еще краткій срокъ), должны прибавить еще нѣсколько дней. А Софія, Вѣна, Берлинъ, какъ я уже и говорилъ, жарятъ въ это время безъ числа и подаютъ горячими всяческія корреспондентскія утки, и тотъ же читатель недомѣнно посылаетъ васъ ко всѣмъ чертямъ. Помилуйте: болгары уже Константинополь взяли, переплыли въ Малую Азію, а этотъ рохля NN сидитъ подъ Чаталджей, и горя ему мало. Или въ обратную сторону: «Ну, не вранье? Турки прогнали болгаръ. Они обратно отняли Чаталджу, Баба-Эски и Чорлу, а бытописатель войны все на старыхъ мѣстахъ. Должно быть, все вретъ. Благоденствуетъ въ какомъ-нибудь европейскомъ отелѣ

и оттуда версть за тысячу описываетъ войну». А наше благоденствіе вотъ каково. Теперь, когда заключено перемиріе, объ этомъ есть время написать нѣсколько строкъ. Мы или коченѣемъ, какъ и всякій солдатъ, на позиціяхъ, или слушаемъ подъ собою (поль, да и то сквозной, не толще картона) хрюканье свиней и обоняемъ райскіе ароматы буйволовъ. Выйти на улицу, — къ сапогамъ, давно развалившимся, — новыхъ на вѣсь золота не купишь, — пристанутъ пудовые комья липкой и вязкой турецкой грязи. Что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ, — я думаю, въ любой сибирской труппѣ, въ родѣ Туруханска, объ этомъ знаютъ скорѣе, чѣмъ у насъ. На газетный номеръ, вышедшій мѣсяць назадъ, всё кидаются съ величайшей жадностью. Онъ для насъ — свѣжая новинка. Но къ этому надо прибавить еще и то, о чемъ нельзя было писать съ боевыхъ позицій. Побѣдоносный ходъ несравненной болгарской арміи остановила холера. Турки ее забросили къ намъ. Сразу стали болѣть цѣлыя боевыя части. Не случись этого, — мы бы давно уже оправдали вымыслы вѣнскихъ вралей и были въ Константинополѣ, у голубыхъ водъ Босфора... Я весь этотъ мѣсяць въ самомъ гнѣздѣ холеры. Вотъ условія жизни здѣсь. Искупай ихъ быстрое сообщеніе съ редакціей, — со всѣмъ мириться можно; но телеграммы на волахъ и письма, упокоющіяся во блаженномъ успеніи въ грязныхъ углахъ турецкихъ домовъ, — это лишаетъ васъ всякой бодрости. Мы, дѣйствительно (Нодо правъ!), потеряли лицо. Въ манчжурскую войну наши телеграммы получались въ редакціяхъ на другой день послѣ событій. Случалось даже (разница часовъ), въ тотъ же. Теперь я послалъ та-

кихъ телеграммъ больше чѣмъ на двѣ тысячи рублей. Части ихъ въ дошедшихъ до меня газетныхъ номерахъ я не встрѣчаю, — можетъ быть, вмѣстѣ съ арбой и волами завязли въ турецкой трясинѣ, — а другія шли по двѣнадцати дней... Занимаю читателя редакціоннымъ и личнымъ дѣломъ, когда крупнѣйшія событія уже совершились, потому что надо же и мнѣ оправдаться передъ нимъ. И винить некого. Видѣли вы болгарскаго телеграфиста. Онъ одинъ, у него одна проволока, а передъ его аппаратомъ стопки правительственныхъ телеграммъ. До вашихъ дойдетъ очередь послѣ того, какъ волы съ почтою доберутся до болѣе центральнаго пункта, но вѣдь и тамъ одна проволока и одинъ телеграфистъ, и тоже сотни телеграммъ войсковыхъ. Значить, опять арба, опять волы, опять турецкія трясины, пока злополучная депеша въ тысячу словъ не доберется, наконецъ, до Софіи. Барцини правъ. Не надо было вовсе допускать корреспондентовъ. Недостатокъ средствъ! Но кто же мѣшалъ обложить насъ тройнымъ тарифомъ? Всѣхъ насъ было сто тридцать, кажется. Послано было депешъ на баснословную сумму, — хватило бы тройнаго тарифа еще на одну проволоку. Мнѣ ставили въ упрекъ: почему я не посылаю ихъ «брзо», т. е. срочно? Очень просто почему: онѣ приходятъ еще позже простыхъ. Въ чемъ сія тайна, — для меня и до сихъ поръ закрыто. Я, по крайней мѣрѣ, редакціонное urgent получилъ черезъ шесть дней послѣ обыкновенной, посланной въ тотъ же день. А мои фельетоны! Они отправлялись ежедневно, но по дошедшимъ до меня номерамъ «Русскаго Слова» я вижу, что есть недѣли перерыва. Пропали они или просто лежатъ

гдѣ-нибудь? Мы, случилось, брали нарочныхъ и посылали ихъ за свой счетъ въ Бургасъ, Лозенградъ... Но было ли отъ этого лучше, — не знаемъ. Въ расходъ записывались новыя сотни левовъ, и только... Цензура! На нее жаловались и жалуется. Я — нѣтъ. Военное время исключительно, и здѣсь нельзя быть требовательнымъ. Отъ нея, прежде всего (какъ и отъ всякой цензуры), потеряла Болгарія. Слава доблестныхъ полковъ народной арміи много утратила, потому что они такъ и остались неизвѣстны міру. Часто она, эта цензура, доходила до величайшаго комизма. Нельзя было сообщать, на примѣръ, о состояніи дорогъ. Я еще понимаю, — въ самой Болгаріи. Ихъ могли не знать турки. Ну, а въ Турціи? Что же, бѣжавшіе изъ-подъ Лозенграда, Караагача, Бунаръ-Гиссара и Люле-Бургаса турецкіе паши не видѣли трясинъ, своихъ собственныхъ трясинъ, въ которыхъ они тонули? И раньше ихъ не вѣдали и не учитывали?

Подвиги болгарской арміи были такъ блистательны, ея побѣды — безпримѣрны, что она могла широко открыть двери печати, — смотрите и пишите. Все, что она могла сказать, было бы для ея прославленія...

XVIII.

Въ послѣдніе дни въ Чаталджѣ (я такъ называю всю эту позицію отъ Держкоса до Бююкъ-Чекмедже) нечего было дѣлать. Начались переговоры о перемиріи. Писать о нихъ не стану. Скажу только, какъ переговоры были приняты боевыми полками. Въ окопахъ стояла тишина. Къ рѣкѣ Карасу сходились вчерашніе враги. Встрѣчались даже въ деревняхъ, куда ихъ притягивали нетронутые запасы

соломы. Насколько турки были утомлены войною, жаждали отдыха, покоя и постоянно молили объ одномъ: довольно воевать, будетъ, у насъ нѣтъ больше силъ, — настолько болгары считали задачи освободительной кампаніи далеко незаконченными. Завидна была эта изумительная бодрость духа у людей, около двухъ мѣсяцевъ не знавшихъ, что такое кровь надъ головою и сухой клочокъ земли подъ ногами. Ночи въ мокрыхъ, холодныхъ траншеяхъ, подъ дождями, часто подъ ледянымъ вѣтромъ, на аванпостахъ безъ горячей пищи и вездѣ безъ теплаго платья, аннибаловскіе переходы по толкимъ и вязкимъ трясинамъ не понизили ихъ одушевленія. Когда разнесся слухъ о томъ, что границей балканскаго союза будутъ Мидія, Эргене и устья Марицы, — значить, туркамъ отойдутъ всѣ земли къ прекраснымъ берегамъ Мраморнаго моря, здѣшняя Ривьера, спустошенная, выжженная варварскими таборами, — негодованію боевыхъ полковъ не было мѣры. Они были правы, говоря, что все, облитое ихъ кровью, должно быть отторгнуто отъ Порты. Нельзя оставлять въ рукахъ палачей мѣста, гдѣ только что отступающими трусливыми аскерами были изнасилованы и замучены дѣвушки и дѣти, перерѣзаны ихъ отцы и матери, перевѣшаны учителя и священники. Да и при томъ отважному, готовому на смерть солдату казалось непонятною уступчивость политиковъ, не коченѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ окопахъ, не искалѣченныхъ, какъ онъ, въ боевыхъ встрѣчахъ, не охваченныхъ вдохновенною гордостью побѣды. Я видѣлъ раненыхъ: одинъ съ пробитою грудью вскочилъ такъ, что у него смѣстилась повязка и полилась кровь, и, задыхаясь, кричалъ: «Это значить: новая война.

Такъ нельзя измѣнять великому балканскому союзу. Мы не торгуемъ нашей жизнью и разъ ставимъ требованія, то или они должны быть исполнены, или мы — умереть». Въ этомъ отношеніи простой солдатъ куда выше уступчиваго и умѣреннаго за чужой счетъ дипломата. Солдатъ понимаетъ, что короткую линію въ 36 верстъ, упирающуюся на сѣверѣ въ Черное море у Деркоса, а на югѣ — въ Мраморное у Чекмедже, легко охранять и защищать, а длинная, отъ Мидіи до Марицы, потребуетъ постояннаго и долгаго напряженія всѣхъ силъ народа, и безъ того принесшаго все, что онъ имѣлъ, на великое дѣло свободы. Отъ офицерскихъ столовыхъ въ Кадыкіюѣ, Альбасанѣ, Ерминикиюѣ до лагерей въ горахъ и окопахъ, лобъ въ лобъ съ турецкими, слышалось одно и то же. И мнѣ вспомнились такія же разочарованія, пережитыя русскою арміею у порога Константинополя, передъ которыми малодушно остановились мы въ 1878 году! Я понимаю, что вожди арміи могли удержать побѣдителей на этихъ боевыхъ позиціяхъ. Больше Болгаріи не надо, и тратить двадцать пять тысячъ жизней за честь еще одной побѣды и триумфальнаго марша въ Византію слишкомъ щедро. Сверхъ того, тамъ, за этой карантинной линіей турецкой защиты, сейчасъ цѣлый адъ всевозможныхъ эпидемій, голода, отчаянія. Желѣзные легіоны балканскаго союза на пространствѣ этихъ сорока верстъ могли бы растаять отъ мора, отъ холеры, отъ тифа, — лучшихъ союзниковъ варварской Турціи. Но это вѣдь не имѣетъ ничего общаго со сдачей лучшаго уголка, отвоеваннаго болгарами, и гдѣ имъ ничто не грозитъ. Они совершенно правы, говоря: «Если насъ бояться вести къ Константинополю, останемся

здѣсь. Мы достаточно укрѣпили эту линію. Пусть турки попробуютъ выбить насъ отсюда. Ее легче защищать, чѣмъ то, что даютъ намъ или дадутъ господа дипломаты».

ХІХ.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ занятой болгарскимъ войскомъ Ривьерой.

Изъ Кадыкіоя туда двѣнадцать верстъ. День былъ скверный, но теплый. Дождило. Ползли тучи. Краски всѣ слиняли, и лысины этой обездоленной турками земли казались еще ужаснѣе. Вѣдь не забывайте, что мы ѣхали садами византійскихъ императоровъ. Земнымъ раемъ, гдѣ чудовищный развратъ Востока былъ окутанъ несравненными прелестями дивной и благодарной за каждую каплю трудового пота природы. Теперь на всемъ этомъ пути ни одно деревцо не порадуетъ васъ; нѣтъ даже кустарника; все, какъ старая прожухшая картина, является въ смутныхъ очертаніяхъ и сѣрыхъ, неопредѣленныхъ тонахъ. Только когда издали раздвинулось въ мягкомъ и нѣжномъ покоѣ, въ радостномъ трепетѣ, Мраморное море, мы поняли, чѣмъ этотъ уголокъ можетъ сдѣлаться въ хорошихъ и сильныхъ рукахъ. Вдали во мглѣ плыли гармоничныя вершины. Ничего рѣзкаго, крикливаго, пошлаго въ этой печальной симфоніи умирающаго Эдема. Симфоніи смерти! Ее не нарушали даже чуть-чуть намѣченные въ туманѣ берега, гдѣ нѣкогда кипѣла не знавшая мѣры и удержа оргія византійскихъ владыкъ. Стройнымъ призракомъ выступила надъ своимъ идиллическимъ заливомъ Силиврія, которую когда-то называли красавицей-

гречанкой въ драгоцѣннѣйшихъ уборахъ сказочно-го Востока. Бѣдная красавица! Издали любуешься ея профилемъ. На высоту, точно сторожа прекрасную плѣнницу, стали толстыя стѣны съ круглыми башнями. Полуобвалившіеся зубцы, рухнувшіе бастионы... Внизу — минареты и темное пятно нынѣшнихъ жалкихъ, заплатанныхъ, покосившихся домовъ, и грязь, грязь, грязь, настоящая турецкая грязь, вязкая, съ торчащими изъ нея камнями отвратительной мостовой, съ лавчонками въ лишаяхъ и ссадинахъ, съ кучами вонючихъ дѣтей въ болячкахъ, съ какими-то оторопѣлыми людьми въ лохмотьяхъ, жалкими, запуганными, подозрительными... Оборванный кметъ (городской голова) въ опоркахъ повель насъ по этому нѣкогда счастливому городу... Руины великолѣпнаго храма. Его разобрали для постройки мечети, но изъ чудесныхъ древнихъ камней вывели только минаретъ и его не кончили. Маленькая, воскресшая изъ руинъ древняя церковь наверху, у самой генуэзской стѣны. И за нею окопъ, и въ окопѣ болгарскій часовой... Приходится сторожить зорко, потому что по этимъ тихимъ, ласкающимся водамъ то и дѣло шныряютъ турецкіе броненосцы. Правда, они не особенно страшны. Одинъ, напримѣръ, ушелъ отъ огня восьми «войниковъ». Назадъ тѣ же улицы — ложа высохшихъ потоковъ. Заколотенные дома, неряшливые, хуже нашихъ кабаковъ, кофейни. Скорѣе къ морю. Оно одно прелестью, какъ лукъ, изогнутаго залива заставляетъ васъ забыть дрянъ, вонь и рвань турецкаго города... Большія рыбацьи лодки замерли у начатыхъ и разумѣтся, какъ все въ Портѣ, недостроенныхъ моловъ. Прозрачныя воды медленно

струятся... Вдали пробилось сквозь тучи солнце и ярко заиграло на внезапно поглубѣвшемъ морѣ... Вдали къ Дарданелламъ ползутъ чуть замѣтные пароходы...

Бѣдная Силиврія!..

Немного лучше Силиврии другая жемчужина Мраморнаго моря — Эпиватусь. Сюда когда-то отъ придворныхъ интригъ, злодѣйствъ и разврата пріѣхала отдыхать императрица Феодора. Въ зеркальныя воды очаровательнаго залива глядѣлись мраморныя дворцы, и въ «сладкій покой вѣчной прохлады», т. е. въ царскіе сады, сходили даже «святые съ небесъ». Видите ли, чѣмъ когда-то была эта турецко-греческая деревня. Ея дома получше. Лѣтомъ въ нихъ живутъ семьи константинопольскихъ чиновниковъ и тамошнихъ эллинскихъ купцовъ, но та же страшная грязь на улицахъ, та же нищета мѣстныхъ потомковъ византійскихъ патриціевъ и тѣ же заплатаемые дома. Отсюда до Стамбула всего три часа на лодкѣ. Дали были такъ прекрасны, все въ этотъ удавшійся, наконецъ, день, когда я сюда пріѣхалъ, тонуло въ лазури, воды такъ привѣтливо манили на свое едва-едва дышащее лоно, что мнѣ неудержимо захотѣлось уйти отъ мерзости запустѣнія когда-то отдѣланныхъ какъ «драгоцѣнное ожерелье» береговъ. Какой-то горбоносый эллинъ былъ у пристани. Мой спутникъ говорилъ на новогреческомъ языкѣ.

— Возьметесь доставить въ Константинополь этого эффенди?

• Эффенди, разумѣется, — я.

Тотъ попятился, точно змѣю увидѣлъ.

— Мы вамъ хорошо заплатимъ.

Грекъ только судорожно повелъ пальцами,

какъ будто уже ощущавшими прикосновеніе золота, потомъ уныло опустилъ громадный носъ, — неизбежное украшеніе всякаго паликара, — и всѣмъ уже упавшимъ голосомъ:

— Я бы радъ услужить эфенди, но... Во-первыхъ, турки... Они насъ захватятъ по дорогѣ. Изъ залива Чекмедже ихъ броненосецъ топить даже одинокія лодки, а, во-вторыхъ, — и онъ покосился на окопъ съ болгарскими часовыми, — насъ не выпустятъ отсюда...

А маленькая экскурсія не столько въ Константинополь, сколько въ мѣста, занятія сейчасъ турецкими бѣженцами, была бы поучительна. Мы только слышимъ о тѣхъ ужасахъ голода и мора, которые тамъ обратили въ сплошной адъ окрестности оттоманской столицы. Говорятъ, матери бросаютъ дѣтей и бѣгутъ отъ нихъ къ берегамъ, надѣясь какъ-нибудь пробраться назадъ, въ оставленныя ими деревни. Люди умираютъ въ корчахъ и судорогахъ, холера косить тысячами безпомощное населеніе вилайетовъ, занятыхъ болгарами. Счастливы тѣ, которымъ удалось остаться на мѣстахъ. Болгарскія власти обезпечили имъ и личную, и имущественную безопасность. Но не всѣ желавшіе не покидать родныхъ очаговъ могли сдѣлать это. Турецкія войска, убѣгая, сметали къ Босфору своихъ, увѣряя, что гяуры ихъ вырѣжутъ, какъ они вырѣзывали христіанское населеніе... Въ этомъ станѣ бѣглецовъ есть люди богатые, дома которыхъ въ Чатаджѣ, Силиврии, Визѣ, Сараѣ считаются лучшими. Они ничего не успѣли захватить съ собою. Въ первомъ изъ этихъ городовъ я нашель хорошій, большой «палась», гдѣ когда-то останавливался Скобелевъ.

Онъ запертъ, въ окна видна богатая мебель. Тамъ тепло, уютъ, даже извѣстный восточный комфортъ. Говорятъ, несчастная семья, бросившая все это, успѣла отдать только ключи болгарскому сосѣду, а сама ушла, въ чемъ была. Нѣсколькимъ счастливымъ удалось пробраться изъ-за Чаталджи сюда. Они въ Константинополь попали на какой-то русскій пароходъ, тотъ высадилъ ихъ лодкою на берегъ, и они добрались къ своимъ пепелищамъ. Они видѣли хозяевъ этого дома, — злополучные умираютъ отъ голода, уже похоронивъ дѣтей, окоченѣвшихъ въ холодныя безпріютныя ночи. Ужасы войны! Среди всеобщаго истребленія, въ ревѣ орудій и трескотнѣ ружей, въ оглушительныхъ крикахъ атаки и въ смятенной оторопи отступленій забываешь эти вечернія жертвы. Онѣ тонуть въ океанѣ несчастья, горя, смерти, въ бѣшенныхъ порывахъ злобы, въ восторженномъ стремительномъ ураганѣ побѣдъ, въ отчаяннн и слѣпомъ страхѣ поражений, въ огульномъ, массовомъ движеніи цѣлаго народа впередъ... Лѣсъ рубятъ, — щепки летятъ. Но, вѣдь, каждая такая щепка — цѣлый міръ страданія. Сейчасъ въ ней одной сосредоточивается мука, которой нѣтъ имени... Въ одуряющемъ, отуманивающимъ, головокружительномъ вихрѣ успѣха нельзя забыть эти щепки. Ихъ безсильная жалоба слышится вамъ въ безсонныя ночи, когда вы остаетесь одни со своей совѣстью, и память видѣннаго ярче выступаетъ въ окружающемъ васъ мракѣ...

XX.

Спокойную, выдержанную болгарскую армію на позиціяхъ я впервые увидѣлъ нервной и взволно-

ванной именно во время переговоровъ о перемиріи, которые затянулись благодаря неожиданнымъ и негладаннымъ греческимъ посланнику и военному атташе. Оба явились сначала безъ полномочій, потомъ ждали этихъ полномочій, вслѣдъ за этимъ получили не тѣ и, наконецъ, заявили такія требованія, что делегаты болгарскіе и турецкіе, заключивъ между собой соотвѣтствующій договоръ, представили благороднымъ эллинамъ или присоединиться къ нему черезъ 24 часа, или же продолжать войну. Греки этимъ остались довольны. Паликарамъ предстоитъ легкая задача занять какъ можно больше земель. Районъ свободный. Подвезти туда туркамъ нельзя ничего, — грекамъ раздолье. Разумѣется, въ Лондонѣ ихъ положеніе будетъ много труднѣе, и нельзя сказать, чтобы оно обѣщало много радости балканскому союзу. Положеніе въ немъ Греціи странно. Еще страннѣе представляется роль Россіи. Наши сдержанность и молчаніе принимаются за нѣчто враждебное. Австрія, разумѣется, не теряетъ времени и подъ рукой сѣетъ самыя невѣроятныя слухи, въ родѣ того, на примѣръ, по которому мы требуемъ возвращенія Адрианопольскаго вилайета Турціи. Военная среда живетъ нервами. Она настолько на боевыхъ позиціяхъ возбуждена, что легко ловится и на самую невѣроятную наживку. Отъ пламенной любви къ намъ часто переходятъ къ разочарованію, отъ разочарованія — къ вспышкамъ неудержимаго негодованія. Въ самомъ дѣлѣ, изголодавшійся, коченѣющій въ окопахъ по колѣни въ студеной водѣ солдатъ изъ прамотныхъ, да и офицеръ до такой степени весь измочаленъ, измученъ, что на немъ все отзывается съ болью, съ натугой, съ душевнымъ

страданіемъ. Я самъ проводилъ такія ночи и въ подобной обстановкѣ. Я знаю, до чего доходишь въ ней, и на какія часто несправедливости бываешь способенъ. Ну, а кому вѣдомо, что такое — не русскій народъ, а русская дипломатія (вѣдь между ними ничего общаго), тотъ пойметъ состояніе души болгарина, когда австрійскіе вѣтры со всѣхъ сторонъ надувають ему въ уши о вѣроломствѣ Россіи, о ея малодушіи, объ уступкахъ европейскому концерту, о желаніи спасти разваливающуюся Турцію... Въ этомъ отношеніи вѣнскіе луны не теряютъ времени и, какъ губку вода, просасываютъ всю Болгарію своимъ враньемъ, подлыми вымыслами, слухами изъ-подъ полы, часто приписывая намъ то, что они дѣлаютъ сами. Все это посыпается солью самаго искренняго доброжелательства Болгаріи. «Мы-де съ вами и за васъ... Правда, мы считаемъ сербовъ врагами. Сербія должна войти въ нашу периферію, но противъ Болгаріи отъ моря и до моря, даже съ Константинополемъ, мы ничего не имѣемъ. И если бы не Россія...» и т. д. Это, — «если бы не Россія», — начинается слышаться по сигналу изъ Вѣны все чаще и чаще... Такимъ образомъ, стрѣляютъ по двумъ зайцамъ. Во-первыхъ, подрывается вспыхнувшая съ такой силой любовь къ Россіи, а во-вторыхъ, подкашивается балканскій союзъ идеей, что интересы Болгаріи и Сербіи идутъ врозь. Достиженіе цѣлей болгарскихъ легче-де безъ Сербіи. Отдай союзника на съѣденіе швабу, а самъ иди въ Византію и въ Салоники... Мы молчимъ, а швабы работаютъ... Понятно, за ними, хоть и на время, но все-таки успѣхъ. Сверхъ того, и на австрійскомъ иждивеніи здѣсь немало продажныхъ душъ. Онѣ есть во

всякомъ народѣ. Въ Болгаріи ихъ еще меньше! Но ей приходится то и дѣло читать о томъ, что мы умываемъ руки... Роль Пилата такъ понравилась кое-кому у насъ, что скоро, пожалуй, и мыла не хватить. Удивительная чистоплотность!

XXI.

Въ Кадыкіюѣ я засталъ неожиданно президента болгарскаго національнаго собранія доктора Данева, одного изъ талантливѣйшихъ людей этой удивительной страны и едва не единственнаго, послѣ Драгана Цанкова, противъ котораго ни разу не осмѣлились подняться подлая клевета и ползучая ложь. Оба они были на слишкомъ высокомъ цоколѣ, чтобы и та, и другая могли до нихъ дотянуться. Пресмыкались у ихъ ногъ и только... Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ въ послѣдній разъ этого народнаго трибуна въ Софіи и Старой Загорѣ, онъ сбрилъ бороду, и когда я вошелъ въ «столовую» генерала Кутинцева, то сразу не узналъ Данева. Мнѣ показалось, что передо мною сидитъ министр Делькассе. Какъ онъ могъ попасть сюда, — въ эту турецкую трясину? Рядомъ мощная фигура другого безупречнаго и сильнаго духомъ болгарскаго государственнаго чловѣка — Лапчева. Былъ вечеръ, и, по здѣшнему обычаю, всѣ собрались ужинать. Съ ними начальникъ штаба дѣйствующей арміи генераль Фитчевъ и помощникъ главнокомандующаго царя Фердинанда Савовъ. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ показалось, что я у себя дома. Всѣ говорили правильно и чисто по-русски. И генераль Кутинцевъ, начальникъ 1-й арміи и его начальникъ штаба Пападоповъ... За исключе-

ніемъ Фитчева, окончившаго итальянскую академію генеральнаго штаба въ Туринѣ, почти всѣ они — ученики нашей академіи . . . Здѣсь, въ этой столовой, не чувствовалось недовѣрія къ Россіи, но въ штабѣ 1-й арміи много учениковъ итальянскихъ школъ, мало знающихъ Россію, кромѣ Фитчева, любящаго искренно наше отечество. Совсѣмъ не то, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ почти всѣ если не руссофилы, то, во всякомъ случаѣ, помнятъ, цѣнятъ и любятъ Россію. Я лично не совсѣмъ понимаю всѣ эти «фильства». Болгаринъ, прежде всего, долженъ быть болгаринѡмъ и, какъ таковой, цѣнить, любить и помнить тѣхъ, кто помогаль прежде или сейчасъ готовъ помочь величію его прекрасной родины. Народная память благодарна, но народные интересы внѣ сантиментальныхъ влеченій или воспоминаній. Они направляются дѣйствительной пользой страны и сейчасъ, разумѣется, такъ или иначе связаны съ нами. Какъ-никакъ, а у болгаръ въ Россіи есть великая сила, на которую балканскій союзъ всегда можетъ опереться. Это — наше общественное мнѣніе. Тѣмъ не пріятнѣе видѣть, какъ интриги Австріи сѣютъ здѣсь недовольство нами, прежде всего, въ низахъ. Изъ вѣнскихъ источниковъ, на примѣръ, появился слухъ, что нашъ салоникскій генеральный консулъ сдѣлалъ визитъ наслѣднику греческаго престола, какъ будущему властителю Солуни, безъ которой Болгарія никогда не выйдетъ изъ-подъ австрійской опеки. Зная, что такое наши дипломаты, я бы, пожалуй, могъ повѣрить такой безтактности, не придавая ей особаго значенія. Шляпа съ плюмажемъ для того и существуетъ, чтобы ею раскланиваться во всѣ стороны. Но появилось опроверженіе, въ ко-

торомъ сказано было, что Россія не потерпитъ присоединенія Салоникъ къ Греціи, а не къ Болгаріи. Вѣдь ясно: чернымъ по бѣлому. Но швабы не растерялись. Они только вмѣсто «Россія» поставили «Австрія», и оказалось, что самый сердечный другъ Болгаріи «Австрія» не потерпитъ такъ желаемого Россіей включенія Салоникъ въ эллинскіе предѣлы. У австрийцевъ есть на службѣ руссофобы, талантливые, изворотливые и не особенно разборчивые на средства. Это — враги, и враги серьезные, которыхъ надо учитывать, какъ силу неожиданнаго удара изъ-за угла. Вѣдь нападеніе въ лобъ не особенно опасно, а вотъ ножъ въ спину не удаешь. Еще только заговорили о перемиріи. Условія его были невѣдомы. Миръ будетъ рѣшенъ другими государственными людьми. Они еще невѣдомѣе, но пребываніе въ австрофильской средѣ стало непріятно. Чувствовались вмѣсто вчерашнихъ радушныхъ улыбокъ косые взгляды. Въ чемъ дѣло? Какъ въ чемъ? Да вѣдь Россія настаиваетъ на томъ, чтобы свести на нѣтъ всѣ побѣды болгаръ, несравненныя побѣды великой народной арміи свободы, самоотверженныя усилія маленькаго доблестнаго народа, сразившаго грознаго Голяава. Кто, гдѣ и когда сдѣлалъ это? И въ отвѣтъ вамъ передается отвратительная сплетня:

— Какъ кто? А зачѣмъ здѣсь русскіе...

— Я, напрімѣръ?

— Нѣтъ, вы—испытанный другъ болгарскаго народа. Мы помнимъ васъ въ 1877—1878 гг. А вотъ...

Таинственный шопоть на ухо:

— Россія прислала сюда ***, чтобы онъ вліялъ на Данева отказаться отъ пріобрѣтеній этой безпримѣрной войны.

Бѣдный ***! Полный восторженнаго удивленія передъ болгарами, славянофилъ, человекъкъ, организовавшій великолѣпные госпитали здѣсь, заботящійся только объ одномъ, чтобы въ русскую печать не проникло неблагопріятныхъ слуховъ объ этой родной странѣ . . .

И сейчасъ же:

— Мы должны разсчитывать на Австрію — и т. д.

Изъ-подъ студенческаго берета Мефистофеля показываются сатанинскіе рога.

Дошло до того, что самому стало душно. Чортъ знаетъ, завтра и тебя запишутъ, пожалуй, въ эту же категорію. Поди борись послѣ съ клеветой, но кому же доставить удовольствіе возиться съ если она не щадить и Данева. Положимъ, клевета ползучая выше пятки не подыметъ змѣиную голову, этой подколодной гадиной.

XXII.

Наконецъ-то, болгарамъ удалось установить желѣзнодорожный путь отъ Кабачкюя до Лозенграда и отъ Лозенграда до Демотики. Какъ ни коротко это разстояніе, но и сейчасъ, когда перемиріе уже подписано, для него надо болѣе двухъ сутокъ. Кто помнить, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ мы двигались хотя бы отъ Муждена къ Харбину, тотъ этому не удивится. Изъ Ерменикюя, штабъ-квартиры Радко Димитріева, до первой станціи пришлось верхомъ одолѣвать моря грязи и въ ней рядъ трясины. Шель дождь, было холодно. Навстрѣчу терпѣливые, выносливые, упрямые буйволы, — истинный символъ Болгаріи и болгаръ, — влачили медлительно громадныя обозы. По узенькимъ краямъ, остав-

шимся свободными, шли солдаты новаго набора изъ тѣхъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ, которыхъ должна была съ большимъ избыткомъ всосать въ себя армія, чтобы пополнить порѣдѣвшіе въ бояхъ и обезсиленные эпидеміей полки. Все молодежь, бодрая, сильная, смѣлая. Теперь болгарская армія опять явится такою же, какою она была въ началѣ этой войны. Вѣдь не могли же дешево обойтись ей аннибаловскіе переходы въ ненастье, стоянки въ ледяныя ночи, вязкія трясины и одинъ за другимъ безъ передышки слѣдовавшіе бои. Продѣлываль все это одинъ и тотъ же солдатъ. Остановливаясь на ночлегъ безъ палатокъ, безъ горячей пищи, онъ не имѣлъ даже соломы, чтобы лечь на нее. Надо было распластываться до утра въ той же отвратительной грязи, которую весь день мѣсили его ноги. У насъ есть ротные котлы. Идетъ боевая часть, — они слѣдуютъ за нею. По пути варится пища. Остановится солдатъ, — ему готовы горячія щи и каша. Здѣсь совсѣмъ не то. Нѣсколько дней отдыха, — онъ ѣстъ отлично свою чорбу съ мясомъ, безъ вѣса и мѣры. А на такихъ ночлегахъ — слава Аллаху, если есть кусокъ черстваго хлѣба. Часто нѣтъ и этого, и онъ ложится въ какой-нибудь ровъ или на прокисшее, вязкое поле голодный. Я встрѣчалъ такихъ, подолгу оставался съ ними, — и хоть бы одно слово жалобы. Скорѣе ее услышишь отъ буйвола, чѣмъ отъ этого воина народной арміи. Только потуже подтянетъ поясъ и покрѣпче старается заснуть, зная, что завтра его ждетъ такой же сорокаверстный переходъ. Одолѣетъ жажда, — все хорошо: отстоявшаяся отъ грязи вода въ лужѣ, колодець, куда брошены бѣжавшими турками трупы, рѣчонка, поперекъ кото-

рой лежать недоглоданные собаками мертвые волы, лошади, люди. Воронье подымается подъ тучи другими черными тучами, крикливыми, суетливыми, жадными. На глазъ нельзя прикинуть, сколько тутъ сотенъ тысячъ этихъ черныхъ, зловѣщихъ птицъ. Изорванныя ребра торчатъ въ палыхъ тушахъ; безсильно запрокинутыя башки гниютъ въ бѣгущихъ мимо струяхъ; склеванное лицо турка, безглазое, страшное, мерещится въ водѣ. Все равно, зачерпнулъ манеркой и пьетъ эту смертоносную жижу болгарскій солдатъ. Кажется, умеръ бы отъ жажды, а не дотронулся до нея, а ему все равно. Одолѣлъ жажду, легъ въ грязь до поздняго разсвѣта, когда его подыметъ изъ нея труба горниста, печальное пѣніе которой мнѣ и сейчасъ слышится въ мутныя, туманныя, холодныя утра. Какіе-то желѣзные люди. Они еще въ такой обстановкѣ находятъ возможность пѣть и смѣяться. Ночью вскочить обледенѣвшій, потопчется, побѣгаетъ взадъ и впередъ и опять въ ту же грязь. На позиціяхъ у генерала Бояджіева передъ разсвѣтомъ просыпаюсь отъ крика нѣсколькихъ сотенъ пѣтуховъ... Понять не могу, — откуда они. Вѣдь по радіусу пятнадцати верстъ ни одного села. Выхожу изъ палатки. Тьма. Во тьмѣ слипаются красныя глаза полупотухающихъ костровъ. Ледяной вѣтеръ насквозь пронимаетъ ознобомъ. Кажется, умереть легче, а со всѣхъ сторонъ орутъ пѣтухи. Крикнетъ у одного костра, перехватитъ другой пѣтухъ далеко-далеко, и зальются сразу нѣсколько у гаоющихъ огней. Слушаю. Вѣрно, думаю, — забрали похода пѣтуховъ въ селахъ и деревняхъ. Ничуть не бывало. Это забавляются солдаты. Селяки, выросшіе въ поляхъ, отлично подра-

жають предразсвѣтнымъ герольдамъ просыпающагося дня. Мрачные, малосообщительные, — перекликаются за версты такимъ образомъ. И остальнымъ подь это «кукареку» мерещатся далеко-далеко родная лачуга, соломенная кровля. Видитъ онъ сбитую изъ земли загородь, гдѣ подь безлиственными тополями и сливами такъ же орутъ теперь свои пѣтухи... Такое же пѣніе пѣтуховъ слышится порою въ окопахъ. Тамъ сидятъ насторожѣ солдаты по колѣно въ водѣ, а выше колѣна ихъ леденить страшный ноябрьскій вѣтеръ. Вѣдь на себѣ одна солдатская шинель, и часто ничего подь нею. Мы бы, кажется, тутъ же бы и остались, — помяни, Господи, усопшаго раба Твоего! А болгарскій солдатъ поетъ пѣтухомъ или мурлычетъ про себя родную, милую пѣсню... И опять ни слова жалобы, — война, народная война, святая война, война желанная, долгожданная. О чемъ же тутъ еще говорить! Проводилъ я съ ними въ такихъ окопахъ цѣлыя страшныя ночи, — и ни разу, ни разу даже случайно вырвавшася ропота на судьбу не удалось мнѣ подслушать! А вѣдь часто здѣсь солдаты, въ виду турокъ, подь самыми ихъ дулами, лежать, — какъ картинно выразился одинъ генераль, — «въ пробахъ». Перебѣжчики изъ турецкихъ ложементовъ, — большею частью христіане, — говорятъ, что пѣніе этихъ самозванныхъ пѣтуховъ обманывало ихъ. И когда они догадывались, откуда доносится это своеобразное «слушай» проснувшася солдата въ непріятельскихъ окопахъ, — имъ становилось жутко и страшно. Смерть кругомъ, смерть въ каждомъ порывѣ вѣтра, въ каждой каплѣ дождя, въ міазмахъ отъ гніющаго подь носомъ трупа, въ грязи, гдѣ сидишь по колѣ-

но, — а болгары еще находятъ возможность смѣяться надъ усталью, голодомъ, холерой, что подкрадывается отовсюду и косить ихъ ряды!..

XXIII.

Мертвый буйволъ на дорогѣ!

На селяка, на хозяина, — а всякій болгаринъ — хозяинъ, — это производить гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ видъ солдатскаго трупа или агонія товарища. Мой стражарь, самъ селякъ, только и повторялъ:

— Смотрите, смотрите... Еще одинъ... Бѣдная Болгарія!

Оглядываясь, я видѣлъ неизмѣнно околѣвшаго на этихъ страшныхъ путяхъ вола или буйвола. Ими живетъ эта хлѣбопашеская страна, и, какъ я уже не разъ говорилъ, вмѣстѣ съ людьми она мобилизовала на «священную войну» и весь свой домашній скотъ. Сколько разъ, встрѣчая на пути молодую дѣвушку, ведущую въ обозѣ арбу, запряженную парюю буйволовъ, я спрашивалъ:

— Зачѣмъ вы пошли?

— А какъ же мои буйволы будутъ? Кто о нихъ позаботится? Они пропадутъ безъ меня!

По пути къ желѣзнодорожной станціи я боялся опоздать.

Ну, какъ одолѣть эту безконечную вереницу телѣгъ, арбъ, буйволовъ, воловъ и идущихъ по бокамъ молодыхъ солдатъ! Приходилось сворачивать, ѣхать цѣлиною. Вокругъ копытъ у коня образовались громадныя вязкіе комья. Иной разъ казалось, что онъ не совладеетъ съ ихъ тяжестью. На станціи — топь, неизобразимый холодъ, дождь.

Спрятаться некуда, а тутъ еще надо грузить лошадей, искать вагонъ, куда ихъ приткнуть. Лейбъ-гвардейцы къ своимъ не пускаютъ. Боятся, — не больны ли мои. Наконецъ, удалось найти ихъ командира Станчева, и мою калѣчь торжественно ввели и поставили рядомъ съ его великолѣпными конями. Пассажирскія мѣста надо брать съ бою. На каждое десятки конкурентовъ, и тутъ нѣтъ разницы между солдатомъ и начальствомъ. Всѣмъ приходится спѣшить, а на этотъ поѣздъ особенно. Вѣдь съ нимъ ѣдутъ делегаты въ Лондонъ на конференцію о мирѣ: предсѣдатель народнаго собранія Даневъ, полковникъ Жостовъ и въ качествѣ ихъ секретаря Чепрашиковъ. Тутъ же и помощникъ главнокомандующаго, т. е. царя, генераль Савовъ. Такая компанія все-таки обезпечивала отъ неизбежнаго въ другихъ случаяхъ опаздыванія. Кое-какъ размѣстились, плечо къ плечу, и тронулись... Въ непрогляди осенней ночи, холодной и сырой, мерещились огни. Гдѣ мы останавливались, тамъ въ вагоны не шли и лѣзли, а буквально перли солдаты съ ружьями. Было душно, пахло чеснокомъ. На большихъ станціяхъ мерещились толпы офицеровъ, встрѣчавшихъ Савова. Мелькали мутными пятнами лица, слышался глухой, сливавшійся въ какой-то рокотъ, говоръ сотенъ сбившихся въ одну кучу людей. Порою чудились выстрѣлы. Не на позиціяхъ, гдѣ уже объявлено о перемиріи. Что-то творилось въ сплошномъ мракѣ, зловѣщее и преступное. Воображеніе рисовало сцены, полныя неожиданныхъ ужасовъ, и за каждымъ выстрѣломъ, казалось, гдѣ-то слышится стонъ. Когда поѣздъ останавливался, издалека выли и плакали чекалки. А вотъ и настоящій вопль.

Не осилилъ страшной муки раненый въ голову солдатъ. Можетъ быть, кто-нибудь въ этой тьмѣ не разобралъ и толкнулъ его. Въ одномъ изъ вагоновъ солдаты пѣли, и самая ихъ пѣсня казалась рыданіемъ, изъ-за нѣсколькихъ сотъ лѣтъ донесшимся сюда, на эти отвоеванныя у вѣковѣчнаго врага планины. Рано утромъ, послѣ бессонной ночи, — мы потеряли счетъ такимъ, — вдали едва намѣтились профили Лозенграда и его редутовъ. Какъ и вездѣ въ Турціи, станція желѣзной дороги въ сторонѣ отъ города. Пѣшкомъ не доберешься, багажъ не донесешь, а извозчиковъ ни одного. Что не увели съ собою турки, то реквизировали болгары. На нашихъ коней смотрѣли какъ на рѣдкость. Продрогшіе, мы сбились на перронѣ, — дѣваться некуда. На наше счастье проснулся ангель-хранитель, — если ангелы вообще спятъ! — комендантъ. Сейчасъ же вызвали изъ города «колу», возокъ для вещей, и автомобиль для насъ, и черезъ нѣсколько часовъ (тутъ вѣдь на все надо время) мы помѣстились въ домъ, гдѣ еще вчера пребывалъ злополучный Яверъ-паша.

XXIV.

Площадь трофеевъ. Сто двадцать отнятыхъ у турокъ орудій (скорострѣльныхъ по большей части) вытянулись длинною шеренгою со снарядами ящиками позади. Безсильно торчатъ еще недавно дышавшія смертью и истребленіемъ стальныя пасты. Теперь, пока болгары не приспособятъ къ нимъ новыхъ замковъ, они никому не страшны. Не надолго, впрочемъ. Замки турки сняли, но недалеко ихъ отвезли, и каждый день съ полей вчераш-

нихъ битвъ, съ дорогъ-кладбищъ, по которымъ бѣжала турецкая армія, усѣивая ихъ трупами, собранные наскоро селяки привозятъ сюда брошенные замки и тысячи ружей. Восемь пушекъ уже готовы совсѣмъ, остальные налаживаются. У нѣкоторыхъ придется поставить новые щиты, — прежніе пробиты пулями, изуродованы осколками гранатъ. Ящики со снарядами полны. Эта безконечная линия вытянувшихъ хоботы чудовищъ производитъ сильное впечатлѣніе. Всѣ онѣ крупновскія. Кто бы у кого ни отнималъ ихъ, Крупнъ только потираетъ руки. Вѣдь Турція не можетъ оставаться безъ орудій, ему — новый заказъ. Онъ да воронье — настоящіе побѣдители. Онъ сѣдаетъ народныя сбереженія или народный трудъ за много лѣтъ впередъ, когда сбереженій нѣтъ; воронье расклевываетъ самый народъ, въ лицѣ его солдатъ. Болгарскіе артиллеристы у этихъ пушекъ. Гладятъ ихъ, любовно охаживаютъ. «Не умѣли послужить туркамъ, зато вамъ будетъ хорошо у насъ!» Вѣдь это какъ-никакъ, а двадцать новыхъ батарей. Вѣдь на все, чего недостаетъ, ужъ открылись мастерскія рядомъ, и въ нихъ безустанная кипитъ работа... Вонъ одно орудіе. Граната расщепила его пасть, и оно всему міру показываетъ свою разбитую челюсть. Площадь трофеевъ, — ей конца нѣтъ. Передъ нею другіе трофеи, — турецкія казармы. Ихъ хорошо выстроили, но, какъ все въ Турціи, хорошо выстроивъ, забыли хорошо содержать, и онѣ облупились и, точно въ лишаяхъ, показываютъ намъ свои стѣны. Здѣсь уже стоятъ болгарскія войска, а цѣлый корпусъ отведенъ подъ снаряды. Боже мой! Тутъ нѣсколько милліоновъ снарядовъ, и всѣ въ полной исправности. На новую войну хва-

титъ. Позаботился Аллахъ о гяурахъ! Едва хватило силы обойти всѣ эти склады прежде, чѣмъ мы попали въ громадную мастерскую, гдѣ приводятся въ порядокъ и исправляются ружья Маузера, взятые у плѣнныхъ турокъ и брошенные по пути бѣжавшими. Ими опять-таки можно снабдить хоть нѣсколько дивизій, и, разумѣется, это — большой плюсъ для болгарской арміи, манлихеровскія ружья которой хуже турецкихъ. И турецкая пуля по настильности куда выше болгарской.

Здѣсь особенно пріятно было встрѣчать вездѣ, какъ ихъ называютъ, «русскихъ воспитанниковъ». Завѣдуетъ этою мастерскою и складами болгарскій офицеръ, окончившій наше Михайловское артиллерійское училище и Михайловскую артиллерійскую академію. Вообще, въ превосходныхъ здѣшнихъ батареяхъ лучшіе офицеры — наши «воспитанники». На позиціи третьей арміи я встрѣтилъ «скобелевскаго питомца». Турки убили его отца и мать. Брошеннаго, умирающаго ребенка взялъ Скобелевъ, привезъ въ Россію, отдалъ въ кадетскій корпусъ. Сейчасъ онъ — одинъ изъ виднѣйшихъ здѣшнихъ батарейныхъ командировъ. И въ Лозенградѣ, на этой выставкѣ трофеевъ, я почувствовалъ себя точно дома. Всѣ говорили хорошо по-русски. Надо знать, съ какой быстротой идетъ тутъ ремонтъ ружей. Самыя тонкія вещи обрабатываются на вашихъ глазахъ, такъ что вы видите, какъ съ одной стороны гора искалѣченныхъ ружей все уменьшается, а съ другой — растетъ такая же уже вполнѣ исправныхъ. Сейчасъ можно перевооружить ими ополченцевъ. Вѣдь они пользуются еще нашими архаическими ружьями Крнка 1877 года,

въ которыхъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ то и дѣло портятся экстракторы.

Въ этотъ ледяной вѣтеръ, да еще на открытомъ автомобилѣ, всего принималъ ознобъ. А намъ нужно было еще посѣтить передовой фортъ, сооруженный въ послѣднее время Гольць-пашой. Я ожидалъ встрѣтить современное укрѣпленіе съ блиндажами, бетонными черепами, хорошо прикрывавшееся и потому недоступное орудійному огню противника, и представьте мое удивленіе, когда, добравшись туда, я увидѣлъ такое же точно, какія строились еще въ прошлую войну. Его каменные казематы и своды отъ горжи до амбразуръ, въ которыя глупо выпячиваются пушки (теперь снятыя отсюда), устарѣли. Современные обыкновенныя дальнобойныя орудія, — я уже не говорю о такихъ береговой постановки, — разгромить ихъ въ нѣсколько часовъ. Что стоила эта фортификаціонная телемахида Турціи? За нею одинъ плюсъ. Когда я вышелъ на гласисы, оказалось, что этотъ фортъ обстрѣливаетъ большое пространство, и доступъ къ его землянымъ валамъ съ юга невозможенъ, благодаря глубокому естественному рву, залитому водою. Очевидно, строя его, Гольць-паша предполагалъ, что у болгаръ не будетъ крупной артиллеріи. На сѣверѣ такой же редуть. Казематы для гарнизона тѣсны и неопрятны...

Зато съ его валовъ красота неописанная! Я долго не забуду уходящихъ въ сизую дымку горъ, мягко стелющихся, словно припавшихъ къ благословенной землѣ. Серебристыя рѣки змѣются по идиллическимъ долинамъ. Мирные дымки за обезлиствѣвшими рощами. Тамъ не было вѣтра. Онъ бѣсновался здѣсь, точно толкалъ насъ въ спи-

ну въ глубокіе рвы, срывая съ валовъ, чтобы разбить о каменные отвѣсы скаль. И небо скоро поглубѣло. Тучи сгоняло прочь, и когда изъ-за нихъ выступило солнце, вся эта глубина загорѣлась подъ нами и передъ нами такою эмалью живыхъ красокъ, что я понимаю, почему турки рыдали, уходя изъ Лозенграда. Киркилиссе для нихъ, дѣйствительно, былъ уголкомъ рая...

XXV.

Темнѣетъ рано... Нашъ поѣздъ несется вдоль южнаго фронта Адрианополя. Въ 7 часовъ вечера уже глухая, безглазая ночь. Только направо примерещится порою зарево. Турки вокругъ этого осажденнаго города жгутъ несчастныя, попавшія между двумя непріятельскими позиціями деревни. Роци вырублены давно. Онѣ мѣшали гарнизону видѣть наступающаго врага... Скоро громадное пожарище охватило полнеба... На багровомъ, мутномъ фонѣ колебались зловѣщіе огненные языки, и въ тучахъ ходили словно сполохи. Порою въ полымѣ мерещились тяжелые купола и минареты мечетей. Мерещились или это такъ и было? Вѣдь наканунѣ генераль Вельчевъ промилъ всѣми своими орудіями погруженный во тьму Адрианопись. Тамъ давно изсякли освѣтительные матеріалы, даже большая часть прожекторовъ погасла, и только два еще блѣдными, блуждающими лучами нащупывали болгарскіе батареи, лагери, траншеи. Что за ужасъ этотъ городъ во тьмѣ, подъ чугуннымъ прадомъ беспощадныхъ снарядовъ, съ безмолвными улицами, по которымъ двигаются не люди, а трепетныя тѣни. Слѣпое цар-

ство, гдѣ, только что закатится солнце, все живеть ощупью. И не живетъ, а уныло и мучительно ждетъ безрадостнаго дня! Вѣдь съ разсвѣтомъ турецкіе нарядчики выгоняютъ на работы изъ полуразвалившихся или недогорѣвшихъ домовъ тѣхъ, кто еще смѣетъ дышать здѣсь. Одни форты надо связать съ другими такими узлами, чтобы ихъ не могли разорвать болгары. Усталые, голодные, окоченѣвшіе въ холодную ночь и насквозь пронизываемые ледянымъ вѣтромъ, люди роются въ землѣ подъ пристальнымъ наблюдениемъ турецкаго инженера. Чуть опустили руки, — курбашъ, а то просто прирѣжутъ, въ примѣръ прочей райѣ. Однимъ лишнимъ ртомъ въ осажденномъ городѣ меньше, — значитъ, нѣсколькими минутами больше онъ можетъ продержаться.

Въ нашемъ поѣздѣ тоже не рай.

Сбились плечомъ къ плечу, а на станціяхъ то и дѣло открываются двери, и къ намъ со стужей врываются озлобленные, ищущіе пристанища люди. Грохоча, опускаются ружья. Солдатъ, полузамерзшій, въ ожиданіи вагона, мгновенно засыпаетъ... Дышать нечѣмъ. Въ испареніяхъ немытаго тѣла хоть топоръ вѣшай. Ни съ того ни съ сего локомотивъ останавливается посреди поля. Вдали затерялись красныя пятна костровъ. Воютъ собаки. Онѣ тоже одичали. Рвутъ и жрутъ трупы. Днемъ едва волочатъ ноги, сытые, сонныя, а ночью плачутся на что-то или чью-то смерть накликаютъ.

Слава Богу, замелькали огни.

Скоро Демотика. Станція, какъ и вездѣ въ Турціи, нѣсколько верстъ отъ города. Насъ, говорятъ, довезутъ туда автомобили. Выходишь изъ вагона и чуть не по колѣно попадаешь въ настоя-

щее море грязи. Багажъ нашъ швыряють въ какой-то «каміонъ», гдѣ онъ пролежитъ до утра, а сами мы по невозможнымъ трясинамъ пустырей уносимся въ показавшійся мнѣ два мѣсяца назадъ такимъ милымъ городъ. Куда дѣваться ночью? Вотъ и дома, точно ослѣпшіе: ни въ одномъ окнѣ свѣта. Моторъ выбрасываетъ насъ на какую-то площадь. Дальше не мостовая, а столпотвореніе. Полземъ вверхъ. Тамъ «хотель», а въ хотелѣ — зубовы стаи, т. е. хорошія комнаты. Измученные, голодные, входимъ въ грязное логовище, съ кухней на выносъ и залитыми виномъ столами. Приткнуться некуда. Номера, или, лучше, «кровати» (тутъ вѣдь отдаются не горницы, а грязныя лежа), всѣ заняты. Налѣво усталыя голландскія сестры милосердія и ихъ врачи. Что-то наскоро жуютъ; направо меломанъ-чиновникъ, не щадя отечественныхъ барабанныхъ перепонокъ, вопіетъ что-то, по его мнѣнію, весьма плѣнительное. Рука у сердца и видъ заправскаго опернаго тенора. Нѣтъ ужъ лучше ревъ дальнобойныхъ орудій. Ему аплодируютъ. Намъ наскоро очищаютъ уголокъ стола, но, — увы! — ни чаю, ни кофе, ни куска мяса, ни хлѣба. На все оборванецъ-хозяинъ (съ форточкою настезь позади) успокоительнымъ тономъ отвѣчаетъ: «Има бирра!». Отъ жажды глотаемъ его цѣлыми бутылками. Гдѣ-то въ пространствѣ есть комендантъ. Онъ одинъ можетъ отвести намъ пристанище. Его отправляются разыскивать. Въ глухую ночь, въ слѣпомъ городѣ, по мертвымъ улицамъ! Говорятъ, онъ гдѣ-то ужинаетъ. Одинъ показываетъ на сѣверъ, другой — на югъ. Внезапно изъ всей этой сутолоки точно вынырнулъ какой-то маленькій офицеръ. Увидалъ русскихъ, обрадовался и

влюбленно повторяетъ наши фамилии. Я былъ съ А. И. Гучковымъ. Онъ какъ дѣятельный устроитель госпиталей Краснаго Креста очень здѣсь популярень. Да и сверхъ того его знаютъ какъ бывшаго предсѣдателя Думы. Офицеръ съль противъ насъ, не сводитъ взгляда, а самъ, не останавливаясь, бурчитъ имена. Чуть не часа полтора безъ передышки. Чувствую, что у меня голова кружится отъ этого. На боевыхъ позиціяхъ, подъ огнемъ, не испытываль ничего подобнаго, и вдругъ восторженно:

— Ложитесь въ мою постель.

Это мы всѣ въ одну!

— А вы?

— А я буду всю ночь сидѣть около и смотрѣть на васъ.

И опять повтореніе нашихъ фамилій.

Наконецъ, — о, благополучіе! — гдѣ-то отыскали «городскихъ совѣтниковъ», тѣ явились, и мы опять во мракѣ безглазыхъ улицъ. Поочередно стучимся въ какія-то крыльца, и тѣ, растворяясь, глотають насъ поочереди. Настала и моя!... Чудесная комната. Еще бы не чудесная! Сказка, а не комната! По самой серединѣ — громадная постель. Хозяинъ, почтенный, пудовъ восьми, грекъ, — растапливаетъ желѣзную печь, ярко горитъ лампа... Я забываю все и, не раздѣваясь, бросаюсь въ океанъ чего-то мягкаго, охватывающаго меня, изыбшаго, оконченлаго, желаннымъ тепломъ, тишиною, покоемъ...

XXVI.

Утромъ мы отыскиваемъ другъ друга. Насъ ждетъ такой же, какъ и вчера, «каміонъ», фур-

гонь-автомобиль. Сообщение на такихъ до Семен-ли, а оттуда на телѣгахъ въ Кадыкой, откуда опять начинается рельсовый путь. Прекрасный издали городъ раскидывается по горѣ, на которой старая римская крѣпость до сихъ поръ хмурится на его дома. Точно они всѣ разбѣжались отъ нея внизъ... Какъ все это было привѣтливо въ послѣднемъ уборѣ осенней зелени полтора мѣсяца назадъ! Я тогда хотѣлъ отсюда проѣхать на Чатаджу южнымъ фронтомъ, но съ этой стороны осадныя позиціи не сомкнулись, и въ промежуткѣ между обоими концами подковы бродили башибузуки. Громадный, какъ Ноевъ ковчегъ, и, какъ онъ, набитый «каміонъ» весь путь грозилъ развалиться. Дребезжа, скрипя, хрипя и кашляя, всползалъ на подъемы и стремглавъ скатывался съ нихъ. Весь путь ему навстрѣчу шли батальоны и роты новаго набора. Свѣжія, не утомленные лица, сильныя фигуры. Шли быстро, точно боялись, что безъ нихъ можетъ совершиться что-то великое, роковое, смѣлое... Эта новая кровь должна была влиться въ истощившіяся уже жилы арміи, вынесшей невѣроятную усталъ аннибаловскихъ походовъ по пути къ великимъ побѣдамъ. Сейчасъ, когда я пишу вамъ это, болгарская армія уже всосала въ себя сотню тысячъ этихъ молодыхъ и бодрыхъ жизней. Она, — точно и не было у нея потерь и болѣзней, — еще сильнѣе, чѣмъ была, начиная свою удивительную войну. Два набора сразу точно учетверили ея мощь, и если лондонскіе переговоры не приведуть ни къ чему (а вѣдь наканунѣ просившіе мира турки сейчасъ совсѣмъ поютъ иную пѣсню подъ австрійскій камертонъ), она себя покажетъ... Крестовый походъ вооруженнаго народа долженъ

окончиться полнымъ торжествомъ свободы и независимости, права и правды. Я это читаль въ одушевленіи шедшихъ мимо солдатъ, въ мрачной рѣшимости ихъ офицеровъ, — въ тѣхъ неуволимыхъ для неопытнаго наблюдателя признакахъ, которые предсказываютъ побѣду. Ихъ, пожалуй, словами не передашь, но они невольно чувствуются, сообщаются вамъ точно внушеніемъ . . . И вся эта громадная дорога была сплошными звеньями этихъ только что надѣвшихъ солдатскія шинели мужицкихъ ополченій великаго народа маленькой страны.

И не одни солдаты! . .

Откуда Болгарія беретъ эти громадные средства? Вѣдь почти всѣхъ буйволовъ перебросила въ Турцію. Казалось бы, у нея самой ничего не осталось. А вотъ теперь сдѣлали мы въ этотъ день около тридцати пяти верстъ, и всѣ онѣ сплошной обозъ. Арба за арбою; медлительно двигаются впередъ безчисленные вола, передвигая къ далекимъ боевымъ позиціямъ чудовищные грузы. И въ слѣдующіе дни то же самое: дороги сплошь заняты этою сельскою четвероногою арміей, явившеюся сюда на службу родинѣ со своими хозяевами. Война надолго будетъ отзываться въ этомъ отношеніи на болгарской деревнѣ. Недаромъ, какъ я говорилъ, болгарскій солдатъ-селякъ съ большимъ ужасомъ смотритъ на павшаго буйвола, чѣмъ на убитаго человѣка. Подымаясь на высоты, мы видѣли съ нихъ длинныя извивы дорогъ, сплошь покрытые этою упорною, стремящеюся къ далекой еще Чаталджѣ силою. Тѣ, которые проѣзжали днемъ пути, сдѣланные нами ночью, говорили, что и на нихъ тѣ же безконечныя обозы. Вѣдь это — милліоны буйволовъ и воловъ. Самое драгоцѣнное,

что есть у селяка-хлѣбопашца, и онъ не только отдалъ ихъ на дѣло свободы и братства, но и самъ пошелъ съ ними. Едва-едва нашъ «каміонъ» пробивался сквозь эту сплошь равнодушныхъ, спокойныхъ, мохнатыхъ, мѣрно колеблющихся головъ съ завившимися или брошенными въ стороны рогами. Подъ живописно раскинувшимся по горѣ, съ крѣпостью вверху, Ортакіоемъ пришлось дать имъ дорогу. Сами они ни за что ее не уступили бы. Мимо проходила эта деревенская рать, и, глядя въ лица ихъ обозчиковъ, я не могъ рѣшить никакъ, кто изъ нихъ упрямѣе, неотступнѣе, терпѣливѣе — буйволъ или его хозяинъ.

Вечеръ ужъ наступалъ.

За снѣговыми вершинами Родопскихъ горъ заходило солнце. Что за красота этотъ стремительный порывъ земли къ небу! Глазъ нельзя было оторвать отъ каймы, рѣзко очерчивающейся на аломъ небѣ. И днемъ она въ бѣломъ уборѣ зимы была царственно-величава, точно въ парчевой ризѣ, но теперь эта риза горѣла всѣми красками заката, и надъ нею по зареву вечерняго неба раскидывались въ полмірѣ громадныя огненные крылья... Очаги свободы! Тамъ, въ этихъ горныхъ трущобахъ, она никогда не умирала. Ея колыбелью были убогія лачуги. Вѣдь земля родопскихъ склоновъ ничего не стоитъ, но ее любить болгаринъ, выросшій на горныхъ утесахъ и у вѣтра въ ущельѣ подслушавшій меланхолическую пѣсню для своей «гайды» — волюнки. Тамъ когда-то бабка Радко Димитріева изрубилла турка, уводившаго ее въ свой гаремъ, и вмѣстѣ съ женихомъ ушла въ поднебесные алтари, куда не смѣлъ кинуться за ними мститель, — алтари великой вольности, каждый вечеръ пылающіе

жертвенными огнями заходящему солнцу. Уносясь мечтой въ горныя воздушныя убѣжища смѣлыхъ и сильныхъ гайдуковъ, я невольно рисовалъ себѣ ихъ неизбежное завтра. Новой Болгаріи достанется великолѣпная земля, которая только потому не была садомъ Европы, что ею владѣли варвары-турки. Едва ли хозяева и хлѣбопашцы-болгары останутся на этихъ утесахъ и каменныхъ ладоняхъ бесплодныхъ горъ. Они уйдутъ въ болѣе счастливые края, къ Эгейскому морю, къ жирному чернозему Адрианополя, къ бывшимъ когда-то эдемомъ Византіи Родосто и Силивріи... Но очаги свободы останутся ея вѣчнымъ памятникомъ. Въ памятникахъ не живутъ, — къ нимъ приходятъ поклониться... Но какой великолѣпный пантеонъ героевъ эти снѣговыя вершины!.. И сегодня онѣ насъ провожали, пока солнце совсѣмъ не зашло, и прозрачная синь, печальная и нѣжная, не окутала все кругомъ... Мы знали, что и завтра онѣ первыя загорятся передъ нами, когда мы двинемся дальше на сѣверъ... Сейчасъ, когда я дописываю мой дневникъ, стоитъ мнѣ зажмуриться, чтобы передо мною въ безконечной лазури поднялись эти августѣйшіе алтари свободы!.. И когда по нимъ пролилась кровь пылающаго заката, для меня это явилось вѣрнымъ и вѣчнымъ символомъ той крови, которая вотъ уже два мѣсяца рѣками течетъ по благословенной небомъ и проклятой людскимъ варварствомъ землѣ.

XXVII.

Семенли — грязная турецкая яма, гдѣ болгарскіе офицеры и врачи не знаютъ, какъ найти пріютъ русскому. — Отдаютъ свои постели, сами ухо-

дять спать въ коровники, дѣлятся послѣднимъ кускомъ хлѣба, закрываютъ меня и Гучкова своими шубами, обрекая самихъ себя въ добычу ледяной ночи и ея ужасному вѣтру. И если бы это дѣлалось разъ, два, — а то, вѣдь, каждый день такъ. Хороши тоже и мы. Ну, отказаться, что ли? Не отнимать же у занятаго цѣлый день, не складывавшаго руки человѣка его послѣдній уголь... Но войдите и въ наше положеніе. Я сошелъ съ «каміона» совсѣмъ окончѣннѣйшей. Ноги у меня обледѣнѣли. Казалось, ихъ можно было ломать, какъ зимнія сосульки, повисшія съ крышъ. Куда ужъ тутъ до церемоній. Подаютъ чай, — въ Болгаріи сахаръ сейчасъ на боевыхъ позиціяхъ весь съѣденъ, — понимаешь, что хозяева отдаютъ вамъ самое цѣнное, что у нихъ осталось, и пьешь стаканъ за стаканомъ, мысленно величая себя свиньей. А что же дѣлать, когда чувствуешь, что если не согрѣешься, такъ умрешь на мѣстѣ? Утѣшаешься тѣмъ, что на ихъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое. И, вѣдь, мы привалили сюда цѣлой «компаніей», для насъ пришлось, такимъ образомъ, очистить полсела. Вотъ когда всѣ невольно пожалѣли о сожженныхъ лачугахъ. Семенли — турецкое гнѣздышко. Понятно, что брошенные «кышты» разобрали на дрова, сожгли въ кострахъ. Жестоко, да, но, вѣдь, необходимо же гдѣ-нибудь отогрѣться солдату, и обычныя наши понятія о своемъ и чужомъ идутъ на смарку тамъ, гдѣ надобно во что бы то ни стало сберечь жизнь и здоровье воина... Вѣдь во время войны, прежде всего, — ея успѣхъ, а уже потомъ все остальное...

Черный мракъ надъ грязною турецкою ямой...

Когда тучи разсѣивались, тускло и холодно мерещилось море слякоти кругомъ.

Развѣтъ. Показались блѣдныя лица Родопскихъ горъ, точно на горизонтѣ выступили призракы иного міра. Съ солнцемъ румянецъ жизни разливался по нимъ, и когда мы выѣхали отсюда, эти гиганты стояли на западѣ во всемъ своемъ царственномъ величіи. Я ѣхалъ знакомыми мѣстами, Эспетли и Кадыкіой, какими слѣдоваль отсюда послѣ боя подъ Марашемъ къ Чаталджѣ... Тогда все кругомъ гремяло. Казалось, тучи спустились къ самой землѣ, и въ ихъ темныхъ нѣдрахъ бѣснуется гроза. Теперь молчали стальные пасти орудій. Адрианопись впервые за все это время отдыхалъ отъ засыпавшихъ его гранатъ, и по улицамъ его, уже не боясь быть изорванными глупымъ чугуномъ, бродили блѣдные, усталые, окоченѣвшіе въ вѣчномъ испугѣ люди. Деревни, которыя я помнилъ цѣлыми, теперь стояли обгорѣлыя въ руинахъ, и сербы (здѣсь ихъ позиціи) вытаскивали изъ глиняныхъ стѣнъ деревянныя остовы для костровъ и кухонь. Вонъ зіяющая всѣмъ своимъ нутромъ мечеть. Все въ ней открыто взгляду: и синіе круги съ бѣлыми надписями изъ корана и расписанный наивнымъ маляромъ михрабъ... Отъ минарета — ни слѣда. Онъ рухнулъ, исчезъ, точно сгорѣвшая свѣча... Большія лачуги. Галлерей сорвались и висятъ. Въ окна смотрятъ солдаты... Мы быстро оставляемъ за собою печальные слѣды недавняго благополучія, и еще черезъ часъ передъ нами раскидывается красавица Марица, съ своими свѣтловодными рукавами, безлиственными, сквозными, какъ тонкій ажуръ, рощами, и грязный, отвратительный Кадыкіой. Вездѣ сербскіе солдаты, — непременно

рука объ руку съ болгарскими. Медовый мѣсяць балканскаго союза еще продолжается. Дай имъ Богъ долгаго и счастливаго супружества!..

Неужели это тѣ же, которые убивали другъ друга подъ Сливницей и потомъ взаимною ненавистью радовали сердца австрійскихъ опекуновъ? Разспрашиваю. За все это время ни одной ссоры, ни самага незначительнаго недоразумѣнія. Старые счеты покончены или великодушно забыты, а побѣды обѣихъ сторонъ создали въ нихъ взаимное уваженіе. Вонъ бытовая картинка, напоминавшая мнѣ нашихъ и французскихъ матросовъ въ Тулонѣ. Навстрѣчу нѣсколько сербовъ и болгаръ. На болгарахъ сербскія, а на сербахъ болгарскія шапки. И идутъ рука объ руку, держась крѣпко, точно боясь, чтобы чья-то посторонняя сила не разжала ихъ, не отбросила опять въ разныя стороны. У какой-то лавчонки и болгары, и сербы одни уступаютъ другимъ. Кому первому? Смотрю на все это и радуюсь.

Растеть и крѣпнеть славянское дѣло. Ахъ, если бы только мы во-время удержали хищническую, злобную, хвастливую и крикливую Австрію! Вѣдь сейчасъ начался историческій моментъ, котораго всѣ родные народы ждали пятьсотъ лѣтъ. Поднялась волна братскаго единенія, разгорѣлся огонь взаимной любви. Неужели же дать вѣтру изъ-за Дуная задуть его? Опять запереть воскресшія для свободы племена въ вонючія и смрадныя швабскія и турецкія тюрьмы? Однихъ бросить на истребленіе мстительному палачеству, другихъ — въ оподляющее рабство. И то правда, что сначала нужно бы освободиться самимъ и сдѣлать сноснымъ положеніе отечественныхъ санджаковъ и Македоній. Но

вѣдь пока мы будемъ ждать этого, пройдутъ аридовы вѣки. Да вѣдь отъ насъ никто и не требуетъ, чтобы мы объявляли войны, били мечами о щиты. Надо только нашимъ дипломатическимъ канцеляріямъ отвыкнуть отъ холопьяго языка и лакейскихъ послугъ передъ тою же Вѣной. Будемъ увѣрены, чѣмъ рѣшительнѣе заговоримъ мы, — тѣмъ скорѣе швабъ поддастся назадъ. Только гдѣ же нашимъ научиться настоящему разговору. Скорѣе... барская судомойка сдѣлается Жанной д'Аркъ.

XXVIII.

Во весь этотъ путь съ кѣмъ я здѣсь не встрѣчался: съ болгарами, сербами, греками, съ военными, врачами, гражданами захолустныхъ городковъ, и сейчасъ въ Софіи — съ политическими людьми, писателями, представителями самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, — повсюду радость побѣдъ, свѣтлое торжество великихъ освободительныхъ задачъ заволакиваются мрачными угрозами Австріи. Сначала эта бухгалтерско-маклерская имперія, сдѣлавшая изъ международныхъ отношеній какой-то биржевой ажіотажъ, пробовала посѣять раздоръ между Болгаріей и Сербіей. О Греціи и Черногоріи она не думала. Остальное-де все приложится! Это не удалось. Балканскій союзъ оказался не à vendre et à louer. На ея заигрываніе съ Софіей послѣдовало довольно внушительное: мы не одни, — мы съ Сербіей и другими балканскими государствами. Разъединить ихъ интересы даже толчками на Константинополь и Дарданеллы вѣнскимъ провокаторамъ не удалось. Вѣна сразу выбрала себѣ такую магистральную линію:

полуостровъ долженъ быть раздѣленъ между нами и Болгаріей. Намъ, швабамъ, Сербія и все, что къ западу отъ нея до Адриатики. Вамъ — восточная половина. Только недавно австрійскіе биржевые зайцы политическихъ комбинацій убѣдились, что Болгарія не продаетъ великаго союза ни оптомъ, ни въ розницу. Сейчасъ же вслѣдъ за посылкою сюда госпиталей (надо отдать справедливость, — въ Софіи очень хорошихъ) двуликій Янусъ обернулся къ балканскимъ государствамъ другимъ фронтомъ. Выступила, якобы, традиціонная дружба съ Турціей, которую купить, нанять и перепродать легче. Явилась неотложная надобность спасти эту варварскую державу, обратившую въ сплошную пустыню неописуемые эдемы Эгейскаго моря и Македоніи. Пользуясь позорнымъ молчаливымъ согласіемъ Россіи, за Дунаемъ начался номеръ второй швабскаго ритуала — угрозы, мобилизаціи, вся эта безумная шумиха политическаго делиріума. Въ цѣломъ мірѣ существуютъ только австрійскіе интересы. Съ другими пестро сшитая и расползающаяся имперія не хочетъ считаться. Вотъ уже который годъ не Германія, не Франція и не Англія, несравненно болѣе могущественныя, держатъ міръ въ вѣчной тревогѣ, въ оторопи самыхъ мрачныхъ предчувствій, въ угарѣ оглушительнаго и бессмысленнаго, жаднаго на лакомую чужь хищническаго мотанья и оранья, а Австрія, — этотъ второй больной человѣкъ Европы, эта Турція слѣдующей очереди.

Ждать въ Кадыкію поѣзда (отсюда ужъ ходятъ такіе!) пришлось не по силамъ. Весь день ушелъ на это, и никто не могъ отвѣтить, будетъ ли онъ сегодня. Ъсть намъ пришлось на открытой плат-

формѣ, среди океана грязи, ночевать оставалось тутъ же. Такъ бы и сдѣлали, — не въ первый разъ за эту войну завернулся бы въ пледъ и легъ въ... эту самую грязь. Хоть мягко и то хорошо. Но провидѣніе, въ лицѣ сербскаго офицера, выручило. Онъ предложилъ намъ «колу» — телѣгу.

— До Мустафа-паши семнадцать верстъ. Все-таки тамъ лучше.

Наши лошади остались далеко позади. «Стражаръ» съ ними доберется сюда только черезъ два дня! Блѣдный вечеръ затянулъ горы лазоревою дымкой. Солнце ушло за нихъ, и наступила безглазая ночь, когда мы добрались до залитой до краевъ слякотью трясины, въ которой стоитъ Мустафа-паша. Тусклые фонари отражались въ этой слякоти. Люди пробирались по стѣнкамъ улицъ, обнаруживая высокія гимнастическія способности въ одолѣніи тѣхъ костоломокъ, которыя у турокъ занимаютъ мѣсто нашихъ тротуаровъ, или съ рѣшимостью отчаянія тонули въ омутахъ вонючихъ улицъ. Городъ сейчасъ занятъ сербами и болгарами. Мимоѣздомъ видѣлъ и тѣхъ, и другихъ, въ кафанахъ братски собравшихся за одними и тѣми же столами, а потомъ узналъ, что и здѣсь между новыми побратимами тоже если и были ссоры, недоразумѣнія, то онѣ хорошо спрятаны отъ чужого глаза. Австрійскіе агенты сѣютъ ихъ всеми способами, — воронье живетъ падалью, — но пока этотъ посѣвъ не далъ ростковъ, и славянская семья не помышляетъ о разводѣ. Станція въ семи верстахъ, и мы, вынырнувъ изъ хлябей Мустафа-паши, опять оказались на твердой дорогѣ... Яркіе огни, темные призраки вагоновъ въ сторонѣ... Пыхтѣніе локомотива... Не-

ужели мы оставили хоть на нѣсколько дней вязкія трясины турецкихъ дорогъ?

XXIX.

Народная война, разумѣется, ужасна!

Передъ тѣмъ, какъ разразятся ея громы, цѣлыя поколѣнія наслаиваютъ въ душѣ потомка столько злобы и ненависти, вѣка унижительныхъ воспомина- ній посѣютъ такія великія обиды въ памяти, что никакой киркѣ не пробиться сквозь эту кору къ сердцу человѣка. И когда боевой набатъ скличетъ отважныя дружины, — какъ бы ни были прекрасны ихъ задачи, въ нихъ не оторвешь любовь къ свобо- дѣ отъ священнаго гнѣва. Мечь сплетается съ восторженными порывами самоотверженія, удушли- вымъ дымомъ окутываетъ дали, такъ что и вожди, и солдаты уже плохо разбираются, не попали ли тамъ въ звѣриную орду палачей несчастныя без- отвѣтныя жертвы. Ударъ сплошь, по всѣмъ, ши- рокій размахъ въ пространство. Та же стихійная проза. Развѣ молнія знаетъ, кого она испепелитъ пламеннымъ мечомъ. Заревутъ стальные пасти орудій, затрещатъ ружья, въ неукротимомъ безуміи отваги стремительно понесутся ополченія, — кто имъ попадется подъ ноги, кого разорвутъ глупые чугунные осколки, пронизутъ пули? Изъ мир- ной деревни отступающіе бойцы откроютъ огонь. Она не виновата, но вмѣстѣ съ ними гибнуть и женщина, и старикъ, — вѣдь хоботъ полевой пуш- ки не разсуждаетъ, куда онъ бросаетъ слѣпую и беспощадную смерть. Столкнутся лобъ въ лобъ желѣзныя звенья атаки. Пока они нащупали другъ друга, — въ логахъ, на топкихъ берегахъ, на всхо-

*Игра в карты
невозможна*

дахъ къ зловѣщимъ землянымъ валамъ пали свои. Ихъ стоны и вопли еще звенятъ въ ушахъ, и врагъ, сразившій ихъ, тутъ вотъ, лицомъ къ лицу. Тотъ самый, который жегъ мой домъ, зарѣзалъ мою мать, увель Богъ вѣсть куда сына, изнасиловаль дочь... Пусть не онъ, все равно. Онъ — листь отъ того же дерева, онъ принадлежитъ къ ненавистному народу палачей. Сейчасъ онъ весь въ страхъ и оторопи. Онъ самъ намучился въ ожиданіи удара, загодя израсходоваль всю силу отпора. Онъ, бросая ружье, подымаетъ руки вверхъ, кричить: «теслимъ!», просить пощады, но звѣрь, проснувшійся въ мстителѣ, не даетъ ея. Рыцарь свободы забылъ свои святыя девизы. Занесенный мечъ не остановится, размахъ штыка не удержишь у вражьей груди...

Да, народная война ужасна!

Плѣнныхъ мало. Сдался врагъ. Ведеть его солдатъ, а въ душѣ свищетъ и жжетъ ее адское пламя. Тамъ, въ бапровомъ мракѣ прошлаго, блѣдными призраками встають замученные близкіе и милые люди. Врагъ этотъ сейчасъ безсиленъ и жалокъ. Каждый атомъ его усталого тѣла ноетъ и саднѣетъ въ ожиданіи неизбежнаго удара, но, вѣдь, онъ также гналь изъ моей деревни на подлую развратную расправу дѣвушекъ, дочерей убитыхъ отцовъ. И плѣнный падаетъ подъ ударомъ штыка. «Куда ты его дѣваль?» — спрашиваетъ офицеръ. — «Онъ хотѣлъ бѣжать!» Какъ мерзокъ человекъ въ такія минуты, какъ отвратительна земля, растившая и питавшая его... Но... это — народная война. Цѣлые вѣка скоплялись ея молніи, и когда онъ, наконецъ, ударили, въ этомъ ударѣ были не разумъ, не правда, не кара, а неизбежность,

стихийность. Помаки ворвались въ деревню. Въ христіанскую деревню. Они привязали стараго школьнаго учителя къ дереву. На его глазахъ задушили его жену, изнасиловали и зарѣзали его дочерей... Какой подлый, отвратительный ужасъ!.. Но какъ разъ въ эту минуту, когда они собирались покончить съ нимъ, врывается болгарская рота. Помаки окружены, связаны. Веревки, запутавшія школьнаго учителя, перерѣзаны. Онъ на свободѣ... Что бы онъ долженъ сдѣлать? Ждать суда надъ убійцами и мучителями? Завтра онъ можетъ быть такъ бы и поступилъ. Но сегодня, сейчасъ? Весь въ злобномъ и мстительномъ, понятномъ порывѣ, весь въ смертной мукѣ и невыносимой боли за своихъ! Онъ беретъ у нихъ ятаганъ и самъ ихъ рѣжетъ, какъ барановъ. Рѣжетъ всѣхъ девятерыхъ, полосуетъ ихъ, обрызганныхъ кровью его дѣтей. Это случилось здѣсь недавно. И такихъ эпизодовъ войны уже накопилось немало. Народъ не только не умѣетъ, — онъ не можетъ прощать. Высшая сила правды не съ нимъ въ такія минуты. Милосердіе осталось въ книжкахъ, по которымъ когда-то этотъ школьный учитель преподавалъ дѣтямъ сожженнаго, разореннаго и перебитаго села...

Маленькій саперный отрядъ. Желѣзнодорожный офицеръ беретъ помакское село. Его принимаютъ покорно, радушно. Вѣря своимъ — вѣдь это тѣ же болгары, только потурчившіеся — онъ оставляетъ у мирныхъ жителей нѣсколько солдатъ, а самъ идетъ съ остальными захватить турецкій поѣздъ. Возвращается на немъ черезъ день и застаетъ своихъ замученными, убитыми, оскверненными. Кругомъ помакскія деревни. Нуженъ жесто-

кій примѣръ. Турокъ слѣдуетъ бить по воображенію. Онъ и уничтожаетъ варварское гнѣздо, предательски истребившее довѣренный ему отрядъ. Уничтожаетъ не по-турецки, не трогая женщинъ и дѣтей... Въ математикѣ это опредѣляется формулой: уголъ паденія равенъ углу отраженія. Въ народной войнѣ — это ужасная, тяжкая, но неизбежная и вездѣ повторяемая необходимость.

Избави Богъ еще разъ увидѣть народную войну.

Она на грани вашей жизни станетъ вѣчнымъ кошмаромъ, и, куда бы ни отошли, — ея багровые отблески лягутъ на вашемъ пути, сполохами заходятъ въ вашемъ небѣ и заревомъ охватятъ ожидающую васъ даль.

Разумѣется, болгары не убивали дѣтей, не насиловали женщинъ. Всѣ подобныя свидѣтельства — подлая клевета. Рядомъ съ ужасами, которые продѣлывали турки, болгарскія жестокости — идиллія, но и въ нихъ была месть, отвѣтъ ударомъ на ударъ. Я говорю о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ, не о дѣятельности македонскихъ четниковъ, не о Сербіи...

XXX.

Какая народная война обходилась безъ такихъ ужасовъ? вспомните эпопеи двѣнадцатаго года, голландскія и нидерландскія войны съ испанцами, пиренейскую гверилью, Сарагосу и кастильцевъ, дравшихся съ французами, французовъ и пруссаковъ, англичанъ во всѣхъ странахъ, гдѣ они отстаивали свое владычество, народныя арміи Индіи, истреблявшія, въ свою очередь, англичанъ. Даже въ войнѣ сѣверныхъ штатовъ за освобожденіе не-

гровъ, — развѣ обѣ стороны не разстрѣливали плѣнныхъ, не добивали больныхъ и раненыхъ, не жгли города и села? Люди, говорящіе отдаленнымъ потомкамъ черезъ головы современниковъ, предъявляютъ войнѣ требованія, которыхъ страшная и отвратительная дѣйствительность выполнить не можетъ. Слишкомъ много въ ней сплелось рѣшающими нервными узлами ненависти, злобы, кровавыхъ воспоминаній. Недалеко еще отъ насъ карлистская гверилья. А мягкосердечные итальянцы, что они продѣлывали въ Триполи. Вѣдь тамъ-то они никакъ не могли прикрыться щитомъ и великими девизами свободы и независимости. А австрійцы, вѣшающіе все это время собакъ на болгарскую армію. Что они, въ Босніи и Герцеговинѣ, не облили невинною кровью сотни доставшихся имъ селъ и деревень, не замучили въ тюрьмахъ тысячи славянъ, не вѣшали ихъ — безъ суда и слѣдствія. Да и вездѣ, гдѣ торжествуетъ сила! Подлые палачи-тюремщики не избиваютъ своихъ безответныхъ и беззащитныхъ узниковъ — безъ войны, среди полного мира! Не засѣкаютъ политическихъ каторжниковъ, не насилуютъ арестантокъ? Въ каждомъ полицейскомъ участкѣ не бѣснуются глупые городовые, тыча желѣзными кулаками въ живые? Такъ вѣдь это въ обычныхъ условіяхъ, на глазахъ у освинѣвшаго мелкаго начальства. Вѣдь у этихъ нѣтъ ужъ никакихъ оправданій. Что продѣлываютъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ съ заподозрѣнными въ шпіонствѣ мирными путешественниками? А мы по швабскому каммертону тащимъ болгаръ на лобное мѣсто, куда раньше слѣдовало бы швырнуть на правезь героевъ мирнаго времени. Война сама по себѣ есть отрицаніе

всѣхъ священныхъ идеаловъ, милосердія, уваженія къ личной и имущественной безопасности. Передъ нею безсознательно люди накаплиютъ столько мстительныхъ воспоминаній, обидъ. На памяти народовъ — ссадины, сочащіяся кровью, и, когда съ этого апокалипсическаго звѣря снимаютъ цѣпи, — онъ кидается и рветъ живье. Величайшія усилія командному составу надобны, чтобы направить этого звѣря туда, гдѣ онъ долженъ кинуться на вооруженнаго врага, и въ этомъ отношеніи, разумѣется, болгарскіе верхи въ крестовомъ походѣ рыцарей свободы сдѣлали все, что могли. Турецкія села, сдавшіяся побѣдителю, неприкосновенны, турецкіе подданные въ занятыхъ болгарами городахъ пользуются всѣми гражданскими правами. Каждое покушеніе на нихъ наказывается немедленно и строго, мародерство преслѣдуется военными судами по беспощаднымъ боевымъ законамъ. Правда, реквизируется все, что нужно войскамъ. Но, во-первыхъ, на войнѣ сбереженіе и продовольствіе солдата и лошади — на первомъ планѣ. Это главная задача, и ради ея достиженія приносятся въ жертву всѣ частные интересы. А, во-вторыхъ, реквизиція не есть грабежъ и воровство. За все, взятое у населенія, выдаются квитанціи, и, могу засвидѣтельствовать, здѣсь цѣнность этого «всего» опредѣляется по-божески. Народное собраніе въ Софіи постановило послѣ войны оплатить всѣ эти квитанціи немедленно. Печальная и часто тяжкая, оскорбительная необходимость, мѣры, диктуемая беспощадною войной, уравновѣшиваются готовностью вернуть населенію занятыхъ областей все, имъ утраченное. Больше сдѣлать нельзя. Я не могу изъ уваженія къ имущественнымъ правамъ грека,

турка или помака обречь своего солдата на голодную смерть и проиграть войну, цѣли которой, какъ въ данномъ случаѣ, велики и прекрасны. Это азбука, и мнѣ самому странно, что ее приходится повторять. Но люди вездѣ люди. Рядомъ съ рыцарями въ ихъ ряды вторгается мародерство, жестокость, жадность. Мстительныя чувства, ненависть къ врагу и палачу родныхъ племенъ усугубляются боевою усталю, лишеніями, злобой и ужасомъ при видѣ разоренныхъ, сожженныхъ имъ деревень, перебитыхъ стариковъ, изнасилованныхъ и зарѣзанныхъ дѣвушекъ. До тѣхъ, кто не видѣлъ этого обычнаго ритуала турецкой войны, — доходятъ чудовищныя вѣсти... Рота отступаетъ. Раненые остаются. Но съ тылу ее подперли новымъ свѣжимъ отрядомъ, — она опять кидается на боевое поле и находитъ своихъ раненыхъ замученными, изрѣзанными, изсѣченными, съ обрѣзанными носами и ушами, съ исполосованнымъ тѣломъ. Какъ вамъ кажется: возбужденная, негодующая, освириплѣвшая, — какъ эта рота поступитъ съ плѣнными? По правиламъ женеvской конвенціи? Должна бы, — да. Въдъ это христіанская рать, рыцари свободы, но мы говоримъ не о томъ, что «должно быть», а что есть! Разумѣется, жестоко, безпощадно, но неизбѣжно! Неизбѣжно, какъ исключеніе. Въдъ я, да и другіе корреспонденты, видѣли плѣнныхъ въ Старой Загорѣ, Мустафа-пашѣ, вижу ихъ сейчасъ въ Софіи, встрѣтилъ ихъ въ Филиппополѣ. Спросите, какъ къ нимъ здѣсь относятся? Ни малѣйшей ненависти, самая ласковая забота о ихъ судьбѣ, тщательное наблюденіе, чтобы больныхъ лѣчили, здоровыхъ не обижали. Министръ путей сообщенія находитъ желающимъ изъ нихъ работу.

Оплачиваетъ ее, кормить ихъ хорошо, и они радуются тому, что уйдутъ домой съ сбереженіями. Офицеры получаютъ исправно жалованье изъ болгарскаго казначейства, къ чему не приучило ихъ свое въ Турціи... Ну, а что было на боевыхъ позиціяхъ, со слѣпу, съ разбѣга, со злости, въ минуты, когда люди не могутъ опомниться, разобраться, оглядѣться, придти въ себя, когда всякая рука на счету, и ослаблять своихъ нельзя, — другое дѣло. Скверное, кошмарное... Тѣ же, которые совершали такіе ужасы, сами потомъ будутъ болѣть душою и каяться, но война есть война, и судите ее по ея священнымъ задачамъ, конечнымъ цѣлямъ, результатамъ, а не идеализируйте. Рыцарь свободы вѣдь подымаетъ и опускаетъ вооруженную руку. Онъ идетъ къ противнику не съ проповѣдью и миртовой вѣтвью мира. Время проповѣди окончилось, когда загремѣли ружья. Повторяю еще разъ: были и будутъ жестокости. Развѣ не великодушнѣйшими вдохновеніями были охвачены богатыри французской революціи? А что же, они букетами розъ и вѣтвями лилій били своихъ враговъ, вывозя ихъ изъ Консьержери на гильотину? Что-то я о такихъ войнахъ не знаю. Да, срывайте съ войны ея блестящую мишуру, показывайте ее, какъ она есть, боритесь съ нею, пусть она исчезнетъ изъ памяти человечества съ другими его бичами — рабствомъ, насиліемъ, звѣрскою борьбою расъ, чумой и холерой. Но не ставьте въ исключительный минусъ народной арміи свободы кое-гдѣ совершенныя худшими ея элементами жестокости. Онѣ неизбѣжны, онѣ были, есть и будутъ, пока была, есть и будетъ война. Воспитывайте въ сердцахъ ужасъ и отвращеніе къ нимъ, но не оправдывайте палачей, сан-

тиментально не плачьте (дешевыя за чужой счетъ слезы!) надъ печальною судьбою насильника...

XXXI.

Обычныя военныя жестокости есть. Повторяю, не надо лицемѣрно отворачиваться отъ нихъ. Передъ началомъ этой «народной войны» я предвидѣлъ ихъ роковую неизбѣжность. Но, къ счастью, онѣ случались рѣдко, и ихъ здѣсь никто не оправдываетъ. Ихъ можно сосчитать по пальцамъ. Это не безнадежная сплошь, не вся война въ ихъ удушливомъ туманѣ. Сами болгары ихъ знаютъ, и лучшіе ихъ писатели, народные избранники, поэты, по окончаніи войны въ печати, въ парламентѣ, въ залахъ митинговъ предъявляютъ народу свои запросы о совершившемся. Они не прячутъ ихъ. Зная неизбѣжность ужаса, они хотятъ, чтобы ихъ, вышедшая на великодушный подвигъ, отважная, самоотверженная армія была чужда даже неизбѣжному. Это прекрасно, и нѣтъ высшей любви къ родинѣ, къ ея чистотѣ и правдѣ, какъ упрекъ побѣдителю, подвигами котораго гордятся! Это воспитываетъ душу, очищаетъ будущее отъ зловѣщихъ туч!.. Но и сама война не разъ мнѣ, какъ очевидцу, давала отрадное зрѣлище любви и милосердія. Теперь, во время перемирія я оглядываюсь на уходящія въ туманъ боевыя поля, вспоминаю синіе очерки горъ, съ которыхъ тогда гремѣли орудія, ущелья съ кремнистыми тропами, грязныя трясины съ брошенными на нихъ трупами, и у меня часто радостно бьется сердце, когда я опять въ этой декорации вижу настоящаго героя, моего героя, — человѣка на войнѣ.

Вотъ, напримѣръ, я ѣхалъ на позиціи первой арміи. Мимо шли раненые. Эти картины трудно забыть тѣмъ, которые ихъ видѣли! Болгары сдѣлали одну громадную ошибку. Они не придвинули госпиталей и большихъ перевязочныхъ пунктовъ къ окопамъ и той длинной извилистой «долинѣ смерти», въ которой между Деркосомъ и Беюкъ-Чекмедже происходили всѣ бои подъ Чатадджею. Не сдѣлали они этого ни подъ Лозенградомъ, ни подъ Бунаръ-Гиссаромъ. Раненымъ предоставляютъ самимъ добираться до «первой помощи», часто за десять, пятнадцать, а то и двадцать верстъ. Тяжелыхъ везли по ужаснѣйшимъ дорогамъ въ арбахъ, падавшихъ изъ одной трясины въ другую и, надо сказать правду, добивавшихъ ихъ. Никто изъ нихъ почти не выжилъ. Оставъ на мѣстѣ около боя человѣка съ пробитымъ животомъ, съ пулей, застрявшей въ груди, или пораженнаго въ голову, — онъ бы иногда спасся. Особенно болгары, люди изумительнаго здоровья, сильные, выносливые. Но ихъ на мучительныхъ костоломкахъ, въ трескучихъ арбахъ, гдѣ и животныхъ нельзя возить, добивало, и въ лазареты доставлялись только трупы. Даже серьезно раненые дѣлали послѣднія усилія и шли лѣшкомъ, часто оставаясь на дорогѣ. Мнѣ и сейчасъ мерещатся такіе. Нога пробита пулей; грязная тряпка, обернувшая рану, вся въ крови. А онъ прыгаетъ на другой, опираясь на ружье. И такъ версты за верстами, — десятки верстъ! Да еще съ ранцемъ или мѣшкомъ за спиною, поверхъ котораго болтаются сапоги. И все вприпрыжку по сплошной топи, гдѣ не отличишь подъ чернымъ зеркаломъ слякоти опасную трясины. Точно птица съ подбитымъ крыломъ, у которой нѣтъ силы поднятъ-

ся въ родную стихію, и она подскакиваетъ, пока не заберется въ кустарникъ. Я не могъ видѣть этого страшнаго danse macabre на дорогахъ, ведущихъ къ боевымъ полямъ. Разъ даже мнѣ попался раненый съ перебитыми ногами. Онъ ползъ мимо, хватаясь за землю руками и подтягиваясь на нихъ впередъ. Руки уходили иногда въ болотину. Приходилось ихъ вырывать оттуда, а на слѣду этого несчастнаго въ грязи оставалась тонкая алая струя крови. Я никогда не забуду его глазъ. Въ нихъ не было уже отчаянія. Они остеклѣли, какъ у трупа. И когда онъ подымалъ ихъ, мнѣ казалось, — на меня смотритъ настоящей мертвецъ.

И вдругъ въ этомъ неописуемомъ зрѣлицѣ человѣческихъ бѣдствій — яркій лучъ, до сихъ поръ вѣющій на меня тепломъ. За него одного можно многое забыть и еще больше простить.

Двое. Турокъ и болгаринъ. У турка пуля въ ногъ и штыкомъ пропорото плечо, у болгарина тоже штыкомъ порвана рука, но ноги цѣлы. Болгаринъ ведетъ здоровою рукою своего врага, и тотъ довѣрчиво опирается на него. Оба смѣются, рассказываютъ что-то другъ другу. Устали, сѣли на сухомъ мѣстѣ, болгаринъ вынулъ изъ сумки хлѣбъ и сыръ и братски дѣлится съ аскеромъ. Мы останавливаемся.

— Гдѣ ты его подобралъ?

Болгаринъ смѣется.

— А это въ бою. На-ножъ шли мы. Я его, а онъ меня. Потомъ его хотѣли отправить съ конвойнымъ. Были вѣдь и другіе плѣнные. Ну, я его выпросилъ. Вотъ теперь веду. Вмѣстѣ рядомъ и въ госпиталѣ ляжемъ. Онъ мнѣ кумъ теперь.

И на смугломъ лицѣ турка улыбка. Показы-

ваеть бѣлые громадные зубы, — кость перепрызеть.

— Такой же солдатъ. Мы оба, каждый служимъ своему народу. Онъ хорошій воиникъ. Раненый въ ногу, не ушелъ, а дрался съ нами.

У меня въ кобурахъ была ѣда и холодный чай. Отдалъ болгарину. Тотъ сначала далъ ему отпить, потомъ самъ, и такъ, пока бутылка не опустѣла. А потомъ также раздѣлилъ холодную курицу.

— У насъ теперь все пополамъ!

XXXII.

Гораздо ужаснѣе такъ называемыхъ «жестоко-стей» — правильныя казни по суду. Вотъ эти военно-полевые трибуналы съ ихъ быстрымъ производствомъ, когда въ нѣсколько минутъ разбираютъ запутанное дѣло и посылаютъ, можетъ быть, и невиннаго въ петлю, — съ ними никакъ не помиришься. Не ты виноватъ, ты даже былъ далеко и не зналъ ничего, а на совѣсти саднѣть, и не заснешь ночью, представляя себѣ, какъ спокойно и беззлобно убиваютъ огуломъ людей не одинаковой вины, не общей отвѣтственности, совершенно разно попавшихъ въ этотъ проклятый замкнутый кругъ. Взяли смаху, судили наскоро, повѣсили на разсвѣтѣ, торопясь сбыть неприятную процедуру и не слушая, о чемъ ихъ умоляютъ эти скучные люди, никакъ не желающіе понять, что исполнители тутъ ни при чемъ и ничего уже сдѣлать не могутъ. Кто засвидѣтельствовалъ вину, какъ она была доказана, и правильно ли узнали въ каждомъ дѣйствительнаго убійцу? Опросили ли всѣхъ, кто былъ около, провѣрили ли оправданія ихъ? Удивительно: въ бою

видишь убитыхъ, по пути отступленія встрѣчаешь тысячи распластавшихся труповъ, и они на тебя не производятъ впечатлѣнїя. Притерпѣлся глазъ, заскоружло сердце. А вотъ такой «полевой» судъ и казнь оставляютъ острый осадокъ сомнѣнїя и жалости въ душѣ, и нѣтъ-нѣтъ, да и вернешься къ нему. Разспрашиваешь всѣхъ, такъ ли это было. Стараешься заглушить тоску воспоминанїями о зарѣзанныхъ дѣтяхъ, сожженныхъ въ церкви селякахъ, угнанныхъ, точно стадо, дѣвушкахъ, — и все-таки удушливымъ угаромъ подымается вопросъ: да, можетъ быть, не эти виновны или эти, но не всѣ?.. А если сюда попали тѣ, кто и рукъ не приложилъ къ злему дѣлу, тоже, можетъ быть, жалѣль замученныхъ, только не смѣль ничего сказать, не нашель силы помѣшать подлой расправѣ? Я помню итальянскїя фотографїи огульныхъ театрално обставленныхъ казней. Десятки висѣлицъ съ болтающимися въ нихъ арабами. Значить, изъ этого не дѣлали тайны, и, когда отвратительная петля давила живье, другое живье стояло около, записывало судороги казнимыхъ въ свои книжки, слѣдило, какъ тѣла кружились на веревкѣ, выбирало мѣсто, откуда лучше видно. Щелкали кодаки... Торопились поймать въ негативъ самую «эффектнѣя позы». Какая мерзость! Для солдатъ находишь если не оправданїе, то объясненїе. Ну, намучился самъ, навидался, какъ рядомъ падаютъ товарищи, вспомнилъ скорбныя были и озвѣрѣлъ, не далъ пощады, прикололъ, прирѣзалъ. А вотъ военные судьи, — спокойные, безстрастные... Вѣдь лично-то они не измотали своихъ нервовъ въ этомъ подготовляющемъ варварскую расправу ужасѣ. Они — какъ

олимпійцы. Приводятъ изодраннаго бѣдняка, тоже озленнаго, тоже сверкающаго по-волчьи хищными глазами, хрипящаго что-то въ свое оправданіе, — ну, и ступай на висѣлицу, «чтобы другимъ не было повадно»... Были корреспонденты, которые для пущей сенсаціи включили въ зрѣлище казней оптомъ какого-то ребенка Али и переодѣтую дѣвушку, полъ которой обнаружился, будто бы, тогда, когда веревки срѣзывали и трупы шлепались оземь. Это выдумывать было ужъ и совсѣмъ напрасно. И безъ того зрѣлище подлое, и лгать не слѣдовало, — довольно одной протокольной правды. На меня разсказъ, напримѣръ, объ итальянской казни произвелъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ такой же о болгарскомъ кавалерійскомъ разѣздѣ, разстрѣлявшемъ турокъ въ Демотикѣ. Не знаю, когда это случилось. Я былъ тамъ два раза. Второй — нѣсколько дней назадъ, и ничего подобнаго не слышалъ. Не можетъ быть, чтобы словоохотливый помощникъ кмета, у котораго я останавливался, не сообщилъ мнѣ этого. Но если бы оно и было такъ, все же такой разгромъ стрѣлявшихъ по боевой части жителей въ военное время не такъ васъ волнуетъ, какъ холодная, спокойная, огульная казнь по приговору военно-полевого суда, ухитрившагося разобрать, осудить и повѣсить нѣсколько человѣкъ въ двадцать четыре часа.

Я люблю Болгарію. Ея армія, народная армія крестonosцевъ свободы и братства, вызываетъ во мнѣ чувства и удивленія къ ея мужеству и уваженія къ ея высокимъ боевымъ подвигамъ, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы я не имѣлъ повода и случая занести въ свой дневникъ такіе факты. Къ счастью, по

провѣркѣ всѣ слухи о такихъ казняхъ здѣсь оказывались злостною и подлою выдумкою вѣнскихъ лгуновъ. Молчать я бы не могъ, забыть или отложить ихъ — тоже. Вѣдь нельзя же писать картинъ безъ тѣней. Великій «маленькій народъ» долженъ знать о себѣ правду. Ему не слѣдуетъ кружить голову однѣми похвалами его доблести.

И мнѣ придется еще много поразсказать о немъ такого, отъ чего ему надо какъ можно скорѣе отчураться, очиститься, отойти подальше. Война приходитъ къ концу. Ладони съ зажатыхъ ртовъ опускаются. Пора оглянуться героямъ на пройденные ими пути. Даже тутъ, на мѣстѣ, молодые писатели, надежда страны, говорятъ: скажите намъ правду. Она дастъ намъ возможность съ трибуны печатнаго слова, съ скамьи народнаго собранія сдѣлать запросы виновникамъ совершеннаго зла. Весь народъ не можетъ за него быть въ отвѣтѣ.

XXXIII.

Отвѣтчиковъ найдутъ, разумѣется. Болгары, какъ всякій способный, молодой, съ большимъ будущимъ народъ, очень чутко прислушиваются къ общественному мнѣнію, точно и горячо учитываютъ отзывы о нихъ — не тѣхъ, кто является сюда съ предвзятымъ мнѣніемъ, съ задачей все находить сквернымъ и неудачнымъ, — были, вѣдь, и такіе! — а свидѣтельство людей, любящихъ эту страну, болѣющихъ ея недостатками и желающихъ ей самаго широкаго преуспѣянія во всю ожидающую ее даль. Я уже не разъ говорилъ, что за тридцать пять лѣтъ самостоятельности и свободы она сдѣлала чудеса.

Эта война — тому лучшее доказательство, но въ такой короткій срокъ всего не добьешься, и она можетъ спокойно смотрѣть на то, что ей еще остается совершить. Ея плюсы таковы, что она одолѣетъ свои минусы очень быстро. Посмотрите, на примѣръ: съ начала войны прошло только два мѣсяца съ недѣлей. Кажется, немного. Но этого короткаго срока было достаточно, чтобы эти удивительные организаторы приготовили не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, въ людяхъ и матеріалахъ, все пражданское правовое управление новыхъ областей. А вѣдь ихъ столько же, сколько и въ Болгаріи. Намѣчены и назначены чиновники, созданъ на практикѣ весь сложный механизмъ, ассигнованы средства. Во всякой иной странѣ Богъ вѣсть сколько времени тянулась бы военная муштра со всѣми прелестями полевыхъ судовъ, реквизицій и исключительныхъ положеній. Есть народы, хотя бы русскій, которые изъ такихъ исключительныхъ положеній и не выходятъ. Болгары могутъ гордиться иными порядками. Мало этого. Побѣдителю-народу достается земля, которой по ея богатству и производительности цѣны нѣтъ. Спекулянты сейчасъ же отыскали въ Турціи и другихъ мѣстахъ бѣжавшихъ отсюда мусульманъ-владѣльцевъ чифтликъ и имѣній. Большинство съ христіанскимъ владычествомъ не мирится. Они готовы за безцѣнокъ продать свои участки. Чтобы предупредить захватъ плодородныхъ земель капиталистами-кулаками, является законъ, уничтожающій всю дѣйствительность такихъ сдѣлокъ. Землевладѣльческимъ акуламъ сразу положенъ предѣлъ, и всѣ брошенныя имѣнія поступаютъ въ земельный банкъ, который продастъ ихъ въ разсроч-

ку настоящимъ работникамъ малыми участками. Такъ же, какъ здѣсь было это сдѣлано много лѣтъ назадъ съ участками, оставленными турецкими «непримиримыми». Такимъ образомъ, и поля будутъ въ настоящихъ потныхъ, трудовыхъ рукахъ, и спекуляція ими подорвана, и несчастные эмигрировавшіе владѣльцы получаютъ за нихъ несоизмѣримо больше.

Да, это не только хорошіе воины, но и отличные организаторы.

Время не терпитъ. Они торопятся и поэтому кое-что упускаютъ. Но къ большому и крупному въ послѣдствіи приложится малое. Нельзя ждать по десяти лѣтъ тягучей, небрежной и до преступности лѣнивой работы всякихъ комиссій и комитетовъ, куда самыя лучшія мысли, предположенія, проекты бросаются, какъ въ помойныя ямы. Нельзя стоять телеграфнымъ столбомъ, да и не телеграфнымъ столбомъ, — черезъ его проводы бѣжить электричество, — а старую руиной, когда весь міръ несется мимо курьерскимъ поѣздомъ. Вотъ почему меня не приводятъ въ отчаяніе тѣ недосмотры и прорѣхи, которые я здѣсь замѣтилъ. Часто они были больны лично мнѣ. Я, какъ и другіе корреспонденты, сдѣлался ихъ жертвою, но не понимаю и тѣхъ, которые свои огорченія перенесли въ общую сумму заключеній о состояніи этой молодой страны. Напримѣръ, телеграфъ. Въ войну его положеніе было плачевно. Редакціи теряли громадныя деньги на депеши и получали ихъ на двѣнадцатый день, если получали! Моихъ потеряна добрая половина. Ежедневно телеграфное управленіе взидало съ корреспондентовъ 30,000 левовъ (франковъ). На это можно было провести для

нась особенную телеграфную линію. Вѣдь такимъ образомъ болгарское министерство собрало за все это время около трехъ милліоновъ. Мы, русскіе, еще были ограничены въ своихъ средствахъ, а англичане, французы и нѣмцы, даже итальянцы, посылали въ двѣ, три, четыре и пять тысячъ словъ депеши. Руки отнимались, когда сдашь, напримѣръ, такую, заплатишь за нее нѣсколько сотъ левовъ и найдешь ее во всей неприкосновенности на телеграфномъ столѣ черезъ . . . четыре дня.

— Да вѣдь это срочная. Почему вы ее не послали?

— Буйволовъ еще нѣтъ!

Кланяйтесь и благодарите!

Одна ниточка телеграфной проволоки на всю армію. Она, разумѣется, служить военнымъ цѣлямъ, а не намъ. Намъ приходилось нанимать «стражара» и посылать его въ пятидневную поѣздку съ депешей. И это было выгоднѣе и быстрѣе болгарскихъ буйволовъ, обслуживавшихъ телеграфы «срочными депешами». То же и съ почтой. Въ этомъ отношеніи авторамъ цензурныхъ правилъ послѣ войны придется считаться съ народнымъ собраніемъ и печатью. Уже теперь болгарскія семьи внезапно во время перемирія узнали, что ихъ сыновья, братья и мужья, которымъ онѣ писали письма, какъ живымъ, давно убиты подъ Адрианополемъ, Лозенградомъ, Бунаръ-Гиссаромъ и Чаталджей. То, что отъ нихъ не было никакихъ вѣстей, еще не пугало. Было не секретомъ, что письма съ позицій, даже прошедшія черезъ цензурныя Сциллу и Харибду, благополучно упокоются въ мѣшкахъ почтовыхъ полевыхъ конторъ. Наполнится таковой, — его опростають въ трясины, или содержи-

мое сожгутъ въ печи, и снова помѣщеніе для слѣдующихъ *процензурованныхъ* писемъ готово. И вдругъ сейчасъ всѣ близкіе и знакомые читаютъ въ «Болгаріи» отъ 9 декабря «скорбную вѣсть», что докторъ Иванъ Милковъ, отъ града Сливенъ, адвокатъ, еще 9 октября убитъ подъ Одриномъ, почему опечаленное семейство объявляетъ объ этомъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Въ то же число газета «Миръ» сзываетъ на панихиды по майорѣ Дамьянѣ Николовѣ, сраженномъ 18 октября подъ Люле-Бургасомъ, по Димитріи Калпазановѣ, убитомъ 10 октября, и по окончившемъ софійскій университетъ Александрѣ Спиридоновѣ, пронизанномъ пулей 9 того же мѣсяца. Понятное дѣло, какъ ни патриотически настроена сейчасъ страна, но мать, жена, сестра и невѣста никогда не помирятся съ тѣмъ, что военная цензура держала ихъ въ полномъ невѣдѣніи о близкомъ челоуѣкѣ. Такихъ «скорбныхъ вѣстей» сейчасъ цѣлые столбцы, и надо видѣть семьи, внезапно узнавшія, что ихъ сыновья, мужья, женихи давно, — два мѣсяца назадъ, — сложены въ братскія могилы на поляхъ далекихъ битвъ!..

XXXIV.

Вообще, эта болгарская цензура! Армія, что называется, имѣла la bonne presse. Самые враждебно настроенные люди хвалили ее взапуски. Слишкомъ ужъ очевидны и разительны были ея подвиги. Вѣдь, нельзя же было даже такимъ господамъ, какъ корреспонденты австрійскихъ газетъ, умолчать о сорокаверстныхъ въ день переходахъ народной арміи, о легендарныхъ битвахъ, гдѣ рыцари свободы сражали турецкихъ палачей, гнали до самой Ча-

талджи непріятельскую армію. Я не принадлежу къ тѣмъ, кто не понимаетъ стѣсненія печати въ военное время. Вѣдь, нескромность англійскаго репортера выдала пруссакамъ секретъ движенія арміи Бурбаки, турецкаго — тайну посылки подкрѣпленій въ Триполи и мѣста, черезъ которыя на египетской границѣ они должны были перебраться къ арабамъ Гаріана и Иффрена. Но нельзя же подозрѣвать въ людяхъ печати турецкихъ шпіоновъ. Говорю объ этомъ именно я потому, что ко мнѣ относились здѣсь съ совершеннѣйшей предупредительностью, и въ данномъ случаѣ я не преслѣдую личныхъ цѣлей, не мщу за сдѣланныя мнѣ обиды. Между цензорами, — такихъ назначали изъ вольноопредѣляющихся писателей и профессоровъ, — встрѣчались въ этомъ отношеніи превосходно понимавшіе свои обязанности блюстители военного секрета. Я съ благодарностью вспоминаю Петко Тодорова, Баламезова, Арнаутова, полковника Гергинова и другихъ. Но были и господа иного разбора. Вотъ, напримѣръ, г. Радевъ. Это — одинъ изъ талантливѣйшихъ здѣшнихъ публицистовъ. Превосходно образованный, остроумный. И что же? Какъ только его назначили въ Мустафа-пашѣ цензоромъ, онъ сейчасъ же распредѣлилъ всѣхъ корреспондентовъ на два лагеря. Въ одномъ оказались такія изъ газетъ, гдѣ г. Радевъ работалъ самъ или надѣялся работать, — французы и итальянцы, въ другомъ — всѣ остальные. Первымъ былъ полный просторъ дѣлать, что они хотятъ, вторыхъ онъ взялъ подъ такой полицейскій надзоръ, что и наша охрана позавидовала бы изумительнымъ въ этомъ отношеніи способностямъ г. Радева. Особенно онъ, какъ стамбуловистъ, возненавидѣлъ русскихъ. И

достаточно было имъ сдѣлать прогулку изъ города Мустафа-паши на желѣзнодорожную станцію, чтобы онъ создалъ изъ этого настоящей криминаль и добился чуть не изгнанія тридцати человекъ изъ арміи. Какъ ни были бы безпристрастны сіи злополучные изгнанники, но понятно, что такой глупый и произвольный относительно ихъ способъ дѣйствій внесъ горечь въ ихъ статьи о Болгаріи. И я убѣжденъ: если теперь объ этой «великой» маленькой странѣ являются острые и преувеличенныя разоблаченія, если нѣкоторыя изданія спѣшатъ сорвать съ нея настоящихъ героевъ ихъ побѣдные лавры, не скупятся даже на клевету и злостную ложь, — то вина всего не только въ ихъ недобросовѣстности, но и въ такихъ врагахъ Болгаріи, какъ г. Радевъ. Если общественное мнѣніе въ Европѣ, такъ изумительно настроившееся было въ пользу этого отважнаго и самоотверженнаго народа, начинаетъ измѣняться, то вина не въ легкомысліи и легковѣріи европейскаго читателя къ обиженному свидѣтелю отсюда, но, главнымъ образомъ, въ г. Радевѣ. Мнѣ передавали, что г. Радева потомъ убрали. Не знаю. Но онъ успѣлъ испортить многое и своей родинѣ принесть величайшее зло. Повторяю: въ этихъ строкахъ я не мщу за себя. Напротивъ, лично я могу сейчасъ принести только сердечную благодарность всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ я имѣлъ дѣло. Они дѣлали все въ предѣлахъ ихъ возможностей, чтобы облегчить мнѣ трудную, утомительную работу. Отношеніе ко мнѣ было такъ сердечно, что оно оскорбляло даже французскихъ моихъ товарищей. Они рисовали на насъ, — на меня, на фонъ-Дрейера, на Мамонтова, — карикатуры, гдѣ парижская печать изображалась съ завязанными глазами, ушами и ртомъ, а

мы въ это время сидимъ передъ турецкими редутами, и болгарскій генеральный штабъ указываетъ намъ всѣ ихъ детали. Разумѣется, — преувеличеніе. Насъ не пускали такъ же, какъ и иностранцевъ. Вырваться и увидѣть многое было дѣломъ ловкости, искусства и привычки. Мнѣ, на примѣръ, съ г. Пилленко выдали особые открытые листы на посѣщеніе боевыхъ позицій, но тогда, когда генеральныя сраженія подъ Лозенградомъ и Бунаръ-Гиссаромъ были уже окончены, и тѣ, которые описывали ихъ какъ очевидцы (были и такіе, наблюдавшіе все изъ Софіи), попросту лгали...

Цензура была часто наивна до глупости.

Описываете вы ужасную турецкую дорогу, по которой бѣжала турецкая армія. Цензоръ дѣлаетъ глубокомысленное лицо.

— Этого нельзя.

— Почему?

— Турки узнаютъ, по какимъ путямъ мы идемъ.

Въ какомъ состояніи эти дороги...

А чего же имъ узнавать, когда мы идемъ по ихъ путямъ?

Говорите о страданіяхъ болгарскаго раненаго.

— Я это вычеркиваю.

— ?

— Болгаринъ такъ любитъ родину, что страдать не будетъ!

Разбираете стратегически совершившійся бой.

Цензоръ въ священномъ ужасѣ. Обѣ руки вверхъ, и въ глазахъ негодованіе.

— Невозможно.

Женѣ Лота, обращенной въ каменный столбъ, незачѣмъ было бы вамъ завидовать.

— Поймите, вѣдь, турки узнаютъ, какъ мы ихъ разбили! . .

Назвать героя нельзя, — остальные ему позавидуютъ.

Указать, что были раненые, — тоже: цензоръ не допускаетъ, чтобы болгаринъ могъ быть убитъ или раненъ. Цензоръ Касторскій, чуть не пятьдесятъ лѣтъ назадъ вычеркнувшій у меня описаніе бури въ Лапландіи и помѣтившій на поляхъ: «Природа Лопскаія земли представлена въ нарочито мрачномъ видѣ», былъ бы здѣсь какъ разъ у мѣста. У однихъ моихъ товарищей вымарано упоминаніе, что турецкій штыкъ длиннѣе болгарскаго.

— Не надо, чтобы турки знали это.

А у нихъ были и болгарскія ружья!

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ исключительныхъ условій получалось много несообразностей.

Такъ, въ нашей арміи телеграммы о боѣ подъ Чатаджей въ теченіе пяти дней не разрѣшались, а у генерала Кутинцева шли свободно. И опять вслѣдствіе нелѣпостей цензуры у насъ здѣсь отнята свобода говорить о совершившихся событіяхъ, но они сами всѣмъ извѣстны по рассказамъ тѣхъ, кто оставилъ за собою черту досягаемости. Цензура въ этомъ отношеніи, какъ всегда, прежде всего, несправедлива, безтолкова и послѣ всего глупа.

XXXV.

Я ночью вернулся въ Софію.

На нѣсколько дней. Мои товарищи давно уже въ Москвѣ и Петербургѣ. Я остаюсь въ чертѣ цензурной досягаемости. Что хотите, — имѣю слабость не вѣрить въ миръ. Перемиріе было ошибкой

ЦЕНЗУРА

со стороны болгаръ. Надо было вести мирные переговоры безъ этого. Двухнедѣльный срокъ дать туркамъ возможность оправиться, подвезти изъ Малой Азіи черезъ Мраморное море новыя войска, выслушать добрыя совѣты вѣнскихъ и берлинскихъ опекуновъ. Софія въ это время начала уже привыкать къ мысли, что все кончено, и побѣдоносная болгарская армія вернется въ родные предѣлы. Вѣдь, сейчасъ вся страна живетъ исключительно боевыми интересами. Другихъ нѣтъ. Ни одна школа, ни одна гимназія, ни одно училище, институтъ, включительно съ университетомъ, не открыты. Вся профессура, всѣ учителя — на боевыхъ позиціяхъ. И, какъ я вамъ писалъ уже, молодая болгарская интеллигенція носитъ трауръ по лучшимъ своимъ людямъ. Юные культурные всходы ей стоили такъ дорого, и они первые легли искупительными жертвами великихъ побѣдъ. Что для политическихъ людей было простымъ маскарадомъ, щегольствомъ солдатскими шинелями, то для ученыхъ, писателей и артистовъ явилось здѣсь настоящею службою народу на боевыхъ позиціяхъ, въ передовыхъ цѣпяхъ наступленія, въ сырыхъ и холодныхъ окопахъ подъ артиллерійскимъ огнемъ непріятели. Болгаріи долго придется оплакивать облетѣвшія надежды на собственную науку, на своихъ ученыхъ.

Изо дня въ день Софія въ волненіи и тревогѣ.

Будетъ миръ, не будетъ мира? Вновь загремятъ орудія, или придется строить триумфальныя арки навстрѣчу уцѣлѣвшимъ героямъ?

Прислушиваешься къ толкамъ, рѣчамъ, самъ спрашиваешь — и понимаешь: вся Болгарія сейчасъ живетъ отъ телеграммы до телеграммы изъ Лондона. Разумѣется, вся эта лихорадка не дѣлаетъ людей

29

малодушными. Страна все, что имѣла, отдала войнѣ и на маломъ не помирится. Если бы нашелся здѣсь такой государственный человѣкъ, который оставилъ бы Адрианополь за турками, а Салоники — за Греціей, — его бы смыла прочь бѣшенная волна народнаго негодованія. Какъ ни дорого обошлась народу эта безпримѣрная эпопея побѣдъ, онъ пойдетъ на новыя жертвы, но не помирится съ необходимостью опять много лѣтъ жить въ ожиданіи второй войны, готовиться къ ней и забывать для нея свои культурныя и экономическія задачи. Онъ не остановится на полдорогѣ и, волнуясь сейчасъ, все-таки предпочтетъ еще два-три мѣсяца страшныхъ напряженій, разорительныхъ усилій тому, что онъ считаетъ государственной измѣною, національнымъ стыдомъ, трусостью и малодушіемъ. И новая война или та же послѣ перерыва будетъ еще ожесточеннѣе, ужаснѣе, беспощаднѣе. Народъ будетъ мстить уже не за одно прошлое, но и за сегодняшній обманъ, за нынѣшнее разочарованіе. Онъ уже понялъ, что мало разбить турокъ, но надо добить ихъ. Туркамъ удалось провести болгарскихъ делегатовъ перемирія разъ, во второй вооруженный народъ уже не приметъ ихъ поздняго раскаянія и новыхъ уступокъ, — уступокъ... на словахъ! Я здѣсь то и дѣло слышу: какъ мы, такъ хорошо знающіе Востокъ, могли поддаться обычному азіатскому обману? Вѣдь, во всю свою исторію турецкая дипломатія держалась однимъ: идти на все, все уступать въ обѣщаніяхъ, клятвахъ, даже подписяхъ и, выигравъ нѣсколько дней, опять начинать ту же игру. Брать не дѣйствительною силой, но лукавствомъ, изморомъ, проволочками... Когда по утрямъ на влажныхъ (стоятъ совѣмъ петербургскіе

туманы) улицахъ мальчишки выкликають названія газетъ (собственно говоря, бюллетеней, потому что и публицисты, и наборщики, и корректора въ арміи), — все бросается къ нимъ и съ жадностью пробѣгаетъ новыя телеграммы. Вечеромъ, когда во мглѣ кажутся желтыми тусклыми пятнами фонари и выходятъ «Миръ», «Болгарія», — ихъ расхватываютъ въ нѣсколько минутъ: что сказалъ (или, лучше, чего не говорилъ) осторожный Даневъ изобрѣтательнымъ корреспондентамъ парижскихъ газетъ: о чемъ сообщаютъ въ Стамбуль турецкіе уполномоченные; какой жестъ сдѣлалъ Грэй, и въ какомъ смыслѣ надо понимать ту или другую фразу Пуанкаре. Одинъ день былъ страшно популяренъ г. Кокковцовъ, но завтра онъ поблекъ и погасъ передъ восходящей звѣздою Рузвельта. Рузвельту подписывали адреса, и единственно, кто сохранилъ одно и то же мѣсто, правда, не завидное, — это г. Сазоновъ. Но на его ампула здѣсь не найдешь охотниковъ, да и въ Западной Европѣ тоже. Я пишу эту главу, только что вернувшись изъ народнаго собранія. Тамъ нашелся одинъ депутатъ, въ достаточной степени мужественный, чтобы выступить противъ войны въ интересахъ не только молодой болгарской культуры, но и тѣхъ потерь, которыя несетъ народное хозяйство. Надо было видѣть негодованіе депутатовъ, вообще сдержанныхъ, слышать презрительныя восклицанія на хорахъ, куда допускаются слушатели. Оратору дали договорить, но онъ остался въ почетномъ единственномъ числѣ.

И при выходѣ опять нервное, лихорадочное настроеніе.

Вышли вечерніе бюллетени.

— Миръ или война?

— Что говоритъ Даневъ?

— Лучше война и новыя разорительныя жертвы, чѣмъ миръ, котораго не хочетъ страна.

А что война стоитъ государству въ полѣ и въ селѣ, — сейчасъ и посчитать нельзя.

Село въ Болгаріи на первомъ планѣ.

Все для села, все для самыхъ простыхъ формъ народнаго хозяйства. Подати лежатъ на городахъ. Они разоряются, держа почти все государство, армію. Села платятъ сравнительно мало. Распредѣлить на нихъ тяжесть бюджета никто не посмѣетъ даже и въ мечтѣ. Поэтому болгарскій мужикъ такъ богатъ, когда горожанинъ бѣденъ. Министерство, которое попробовало бы уравнять ихъ, утратило бы большинство въ палатѣ и среди избирателей. Въ дѣлѣ тяжкаго боевого испытанія селяки поднялись какъ одинъ человѣкъ... Они отдали дѣтей въ армію, лошадей — въ ея кавалерію, воловъ, буйоловъ и быковъ — въ ея обозы. Масса этого живого инвентаря погибла въ турецкихъ трясилахъ, много пало отъ безкормицы. Въ народномъ хозяйствѣ образуется, едва ли не впервые за все существованіе независимой и старой Болгаріи, такой минусъ, съ которымъ долго придется считаться. Но и это не останавливаетъ трезваго, скупого, жаднаго на скоть и на землю селяка...

— Отдадимъ послѣднее, но Адрианополь долженъ быть нашъ.

Вы не думайте, что потный, босоногій и на видъ такой грязный болгарскій мужикъ не учитываетъ широкихъ государственныхъ выгодъ, не умѣетъ черезъ голову сегодняшнихъ узкихъ интересовъ видѣть завтрашнее развитіе страны. Онъ, вѣдь,

сплошь грамотенъ, любить свое отечество съ тою силою, упорствомъ и постоянствомъ, съ какимъ его черноголовый, рогатый буйволъ одолѣваетъ невозможныя топи турецкихъ дорогъ. Онъ только знаетъ, куда и зачѣмъ идетъ, и разъ вышелъ, — никакая посторонняя воля не собьетъ болгарскаго селяка съ его пути. Сейчасъ его нисколько не пугаетъ колоссальный долгъ, въ который придется войти его родинѣ. Надо будетъ создать для новыхъ ея областей множество обязательныхъ школъ, чтобы безграмотное населеніе тамъ скорѣе сравнялось съ сѣверными областями. Села и города связать, вмѣсто нынѣшнихъ трясинъ, желѣзными и шоссейными дорогами. Устроить салоникскій и деде-агачскій порты, завести свои пароходы для коммерческаго и пассажирскаго движенія въ Эгейскомъ морѣ.

Селякъ знаетъ это и нисколько не тревожится...

— Я свою землю взялъ въ долгъ и въ десять лѣтъ его выплатилъ... А Болгаріи теперь и Франція, и Англія охотно дадутъ деньги. Мы — хорошіе хозяева и сумѣемъ истратить ихъ какъ можно меньше и производительнѣе...

Болгарскій мужикъ не боится кредита.

Онъ умѣетъ не только работать, но и считать.

XXXVI.

Удивительный прогрессъ, который совершаетъ Болгарія, сказывается больше всего въ ростѣ грамотности здѣшнихъ солдатъ. Сейчасъ въ арміи первые наборы дали 14% неграмотныхъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ такихъ оказывалось 8%. Но вотъ подошли новые наборы. Изъ нихъ 36-й далъ

только 5%, а еще болѣе молодые «войники» 37-го и 38-го наборовъ оказались сплошь грамотными. Въ общей массѣ населенія эти цифры видоизмѣняются. Вѣдь, мусульмане тутъ освобождены отъ воинской повинности, и между ними образованіе не сдѣлало до сихъ поръ видимаго успѣха. И въ подсчетѣ процента грамотныхъ турки исключаются. Разумѣется, послѣ войны процентъ грамотныхъ долженъ значительно понизиться, хотя и ненадолго. Славянскія области, находившіяся подъ властью султана, а теперь занятые болгарскими войсками, были въ иномъ положеніи. Младотурки тамъ устраивали исключительно свои училища, и въ рѣдкомъ селѣ прозябало бѣдное и жалкое славянское. Такимъ образомъ, въ черту царства Болгарскаго включатся деревни и города съ массой народа способнаго, дѣятельнаго, трудолюбиваго, но не умѣющаго ни читать, ни писать. Это, впрочемъ, нисколько не тревожитъ здѣсь никого. Уже сейчасъ разрабатываются мѣры для устройства множества училищъ во вновь присоединяемыхъ земляхъ. И это не наши «мѣры и предположенія», годами упокоюющіяся въ министерскихъ портфеляхъ, коченѣющія въ комиссіяхъ и комитетахъ до полнаго забвенія. Въ тридцать пять лѣтъ своей молодой жизни Болгарія показала, что у нея отъ слова къ дѣлу одинъ шагъ и задуманное сегодня исполняется завтра. Слѣдующее поколѣніе македонцевъ, жителей Адрианопольскаго вилайета и селяковъ отъ Мидіи до устьевъ Марицы будетъ уже грамотно и приметъ горячее участіе въ общегосударственной работѣ этой страны. Разумѣется, сильный ударъ юной, но мощной болгарской культурѣ нанесла война. Народная, она выбросила на поля отнынѣ легендарныхъ сраженій всѣхъ учителей, пи-

сателей, профессоровъ, артистовъ, техниковъ. Не подлежавшіе воинской повинности члены народнаго собранія, лучшія умственныя силы страны, взяли солдатскія ружья. Въ боевыхъ рядахъ они, представлявшіе мысль и сердце своей родины, не могли оставаться позади. Для всѣхъ были показомъ и примѣромъ, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ. И сейчасъ уже здѣшняя интеллигенція съ тоскою и душевною болью поминаетъ эти первые, такъ много обѣщавшіе ростки своей науки, своего искусства. Поминаетъ на панихидахъ, въ некрологахъ. Кончится война, — опустѣвшія кафедры, осиротѣвшія литературныя и научныя изданія, обезлюдѣвшая сцена народнаго театра подсчитаютъ громадный минусъ. И долго еще славянскому Пьемонту придется тратиться на то, чтобы заполнить эти пробѣлы. А нѣкоторые изъ нихъ не наполнишь и вовсе, потому что ушли не только люди большой научной работы, но и настоящіе таланты, которые по щучьему велѣнію не рождаются. Я уже говорилъ, что здѣсь есть города, въ родѣ Елены и другихъ, гдѣ все заложилось и влѣзло въ неоплатные долги, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, посылая ихъ для этого въ Россію, Францію, Италію. И вернулись они оттуда бодрыми, сильными, смѣлыми работниками на умственную ниву родины. Теперь доброй половины ихъ нѣтъ, и я нисколько не преувеличу, сказавъ, что вся Болгарія носитъ трауръ по этимъ невознаградимымъ утратамъ. Начальники отдѣльныхъ частей, военное министерство не догадались умѣрить боевой пылъ лучшихъ людей Болгаріи. Не поняли, что они нужны ей на другихъ поприщахъ, во всякомъ случаѣ нужнѣе, чѣмъ пушечное мясо. И пустили ихъ впередъ... Жертвы

за народъ, за его великое будущее. Глупые осколки чугуна, свинець, штыкъ и болѣзнь не разбирають, кто попадется подъ ихъ безсмысленные удары. Назначь этихъ профессоровъ, артистовъ, писателей въ санитары, въ тылъ, поставь ихъ на такую же великую службу по доставкѣ въ армію боевыхъ запасовъ, хлѣба, по устройству больницъ, путей, — интеллектуальная Болгарія отъ войны не понесла бы невознаградимыхъ утратъ. Положимъ, многіе изъ этихъ добровольцевъ не согласились бы на это, можетъ быть и всѣ, но родина въ такихъ случаяхъ можетъ сама производить оцѣнку своихъ драгоценнѣйшихъ силъ и ставить имъ рогатки на роковыхъ путяхъ къ смерти. Ту работу, которую они сдѣлали, сходя преждевременно въ братскія могилы, можетъ быть, лучше исполнилъ бы любой солдатъ, но солдатъ не совершилъ бы ихъ труда, ихъ назначенія, ихъ призванія.

XXXVII.

Часто вижу пріѣзжающихъ сюда изъ «долины смерти», какъ называютъ здѣсь узкую и длинную лощину между турецкими и болгарскими позиціями Чаталджи. Долина смерти — отъ моря и до моря. Отъ Чернаго до Мраморнаго легла извилистою змѣей, и по сторонамъ ея сторожатъ другъ друга ряды фортовъ, редутовъ. Молчатъ пока жадныя пасти орудій. Спокойно лежатъ на валахъ траншей ружья. Все ждетъ боевого сигнала изъ Лондона, чтобы опять начать великія побоища за право и свободу — съ запада, за варварство, опустошеніе и непримѣрную тиранію — съ востока. Изрѣдка на рѣкѣ Карасу и ея рукавахъ сходятся болгары и тур-

ки. Солдаты братаются, мирно и дружелюбно бесѣдуютъ. Смотришь и думаешь: неужели это тѣ самые, которые вчера шли «на ножъ», истребляли противника свинцовымъ ливнемъ, не просили и не давали пощады? Развѣ они не могли бы, отгородясь одинъ отъ другого, — вѣдь, примиреніе между ними въ однихъ рубежахъ невозможно, — жить такъ же спокойно, какъ сейчасъ они живутъ, одни на правомъ, а другіе на лѣвомъ берегахъ славной отнынѣ въ балканской исторіи рѣки? Дѣлятся хлѣбомъ, табакомъ. Смѣются и шутятъ.

Болгары сейчасъ заняли тамъ тоже неприступныя позиціи. Ихъ укрѣпленія не уступаютъ турецкимъ, но живая сила одушевленія, идеи, мужества — на сторонѣ болгаръ. Теперь уже мѣсяцъ, какъ прекратились эпидеміи. Къ редутамъ и траншеямъ придвинуты походныя кухни. Есть кипяченая вода. Люди отдохнули отъ безпримѣрныхъ походовъ, оправались, отъѣлись, одѣлись въ теплое, вырыли землянки, покрыли ихъ досками, сложили въ нихъ печурки. Холодный и сырой январь уже не пугаетъ тѣхъ, кто сумѣлъ недѣли проводить здѣсь на первыхъ порахъ по колѣна въ водѣ и днемъ, и ночью, не поддаваясь усталости въ вѣчныхъ тревогахъ, подъ угрозой неотвратимыхъ недуговъ. Пилъ воду у самыхъ труповъ, лежавшихъ въ рѣкахъ и лужахъ, ѣлъ холодное и сырое. Мерзъ подъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ и коченѣлъ въ насквозь пронизывающихъ туманахъ черноморской боры. Въ самыхъ короткихъ разстояніяхъ отъ турокъ болгары обзавелись волянками, гусями. Хоровыя пѣсни звучатъ съ утра до вечера. Выходя изъ своихъ подземныхъ убѣжищъ подъ яркое солнце часто удающихся теплыхъ дней, овѣиваемые ласковымъ вѣтеркомъ Бо-

сфора и Дарданелль, пляшутъ коло. А съ запада, мимо голодающаго Адрианополя, подъ жадными взглядами его гарнизона изъ-за демаркаціонной линіи, сюда подвозятся сотни вагоновъ съ новыми запасами. Хорошо снабженная первая и третья арміи обезпечиваются ими надолго. Въ Лозенградѣ — длинные ряды видѣнныхъ мною турецкихъ орудій, какъ говорятъ, уже снабженныхъ отысканными въ трясилахъ и кустахъ замкѣми. Пушки поправлены и приготовлены для второго акта войны. Снарядовъ, запасенныхъ непріателемъ, хватитъ болгарамъ надолго, и, такимъ образомъ, къ ихъ блестящей артиллеріи прибавится (благодареніе Круппу!) двадцать новыхъ батарей. Оканчивается ремонтъ отбитыхъ у врага пулеметовъ. Чудесныя ружья Маузера выдадутъ ополченію вмѣсто архаическихъ нашихъ Крнка, еще обслуживающихъ до сихъ поръ здѣшній тылъ. Я не ошибусь, сказавъ, что сейчасъ болгарская армія въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ въ началѣ войны. Ея одушевленіе не понизилось, — напротивъ. Но она отлично отдохнула и оправилась. Въ желѣзныхъ рядахъ болгарскихъ войскъ по всему этому зимнему простору опять растеть жажда подвига. Тупое упрямство турокъ раздуваетъ въ полымя тлѣвшую ненависть къ притѣснителю и палачу. То и дѣло слышится:

— Чего же еще ждать? Надо опять начинать оборванное дѣло.

— Не слѣдовало давать туркамъ перемирія.

— Мы готовы . . . Давно пора! . .

Подходятъ выписавшіеся изъ лазаретовъ. Тяжело раненые при здѣшнихъ способахъ перевозки уже покончили счеты съ жизнью. На турецкихъ трясилахъ, въ арбахъ — какое же выздоровленіе.

Они — въ братскихъ могилахъ. Легко раненые почти всѣ ужъ вернулись въ свои роты . . . Повторяю, армія сильнѣе, полнѣе и одушевленнѣе (какъ это ни кажется невозможнымъ), чѣмъ въ началѣ этой войны.

XXXVIII.

Тѣ же вѣсти изъ-подъ Адрианополя.

Тамъ болгарская и сербская арміи тоже отдохнули и оправились. Зарылись въ землю, одѣлись и отѣлись. Въ здоровыхъ тѣлахъ нарастаютъ опять бодрость, мужество, порывъ. Тѣ же картины веселящихся на досугѣ солдатъ. Льются меланхолическіе звуки волюнокъ, поютъ гусли, хоромъ подтягиваютъ солдаты. Въ длинные вечера у костровъ и у палатокъ союзники передаютъ одни другимъ рассказы о боевыхъ встрѣчахъ. Дѣятельно и спѣшно идетъ обученіе молодыхъ ратниковъ. И здѣсь теперь полки гораздо сильнѣе численностью солдатъ и ихъ качествомъ. Настроеніе ихъ таково, что турецкіе офицеры своимъ аскерамъ уже не позволяютъ показываться на демаркаціонной линіи. Слишкомъ велика разница сытой и здоровой союзной арміи съ падающими духомъ, утомленными аванпостною тягучею службою осажденными таборами. Туда съ объявленіемъ о наступленіи перемирія былъ посланъ парламентаромъ нашъ офицеръ Сухотинъ, который временно на службѣ у болгаръ. Зная, что турки по бѣлому платку открываютъ огонь, онъ взялъ съ собою чуть не простыню, такъ что ошибиться въ его порученіи отъ командующаго арміей нельзя было. Дуль сильный вѣтеръ; простыню бросало во всѣ стороны, чуть не сбивая съ сѣдла всадника, державшаго ее. Когда Сухотинъ

приблизился къ турецкимъ позиціямъ, по немъ все-таки аванпосты начали стрѣлять. И простыня не помогла! Ружья замолкли, когда онъ уже былъ близко. Сухотина встрѣтили въ ложементяхъ турецкіе офицеры. На его упреки въ огнѣ по парламентеру они смущенно извинялись, ссылались на невѣжество своихъ солдатъ и выразили удивленіе, что до сихъ поръ въ болгарской арміи они не видѣли формы, которую онъ носитъ. Сухотинъ, бывший въ русской, спокойно отвѣтилъ, что это новая, и, съ повязанными поверхъ пенснэ глазами, его повезли дальше. Повязанными такъ, что онъ, приподнявъ голову, все видѣлъ отлично. Вѣсть о перемиріи была встрѣчена удивленнымъ пашою, еще не получившимъ ея по радіотелеграфу, съ видимою радостью, а офицерами восторженно. Прощаясь съ ними, Сухотинъ спросилъ:

— Чѣмъ бы я могъ отблагодарить васъ за добрый пріемъ? (Т. е. въ чемъ вы особенно нуждаетесь?)

Онъ сошелся особенно съ молодымъ, наивнымъ юзбаши.

— Я могу прислать вамъ съ нашихъ позицій. Не надо ли табаку, хлѣба?

— Нѣтъ, нѣтъ. Соли, пожалуйста, соли... У насъ ея давно нѣтъ.

Ни соли, ни освѣтительныхъ матеріаловъ. Вечерами и по ночамъ Адрианополь весь точно уходитъ на дно безпросвѣтнаго мрака. Тамъ еще не голодаютъ. Выдаютъ маленькіе кусочки хлѣба. На чаталджинскихъ позиціяхъ — муку, изъ которой, мѣшая ее съ сырой водой, аскеры дѣлаютъ болтушку. Въ Адрианополь ѣдятъ хлѣбъ, но такими микроскопическими долями, что многіе солдаты распредѣляютъ ихъ такъ: уступаютъ сосѣду трехднев-

ную порцію, чтобы получить сразу въ четвертый день достаточный ломоть. Зато мяса у нихъ много. Въ бинокли видны вокругъ осажденнаго города, въ его виноградникахъ, особенно на южной полосѣ, громадныя стада пасущихся тамъ барановъ. Рись есть тоже. Какъ-никакъ, а городъ еще жить можетъ. Слѣпая, безглазая ночь, — ни въ одномъ домѣ ни искры свѣта, точно весь этотъ большой городъ опустился на дно чернаго, мрачнаго океана, — отвратительно дѣйствуетъ на его жителей. И не только жителей, но и солдатъ. Недаромъ здѣсь нѣкоторые отряды взбунтовались, но Шукри-пашу справедливо называютъ «желѣзнымъ генераломъ». Онъ ни на минуту не остановился передъ самыми жестокими мѣрами. Что онъ сдѣлалъ съ низшими представителями этого пронунціамента, — никто не знаетъ, но четырехъ высшихъ офицеровъ разстрѣлялъ безъ суда. Пока это подѣйствовало. Надолго ли? Изъ Адрианополя въ черныя, безглазая ночи бѣжитъ, кто можетъ. Недавно на болгарскія позиціи оттуда явились даже школьники греки и болгары. Какъ они проползли, — Господь вѣдаетъ. Шукри-паша этихъ трехъ недѣль полнаго покоя не потерялъ даромъ. Онъ связалъ всѣ свои редуты и форты непрерывною паутиною траншей, надъ которыми заставлялъ работать христіанское населеніе. Передъ траншеями раскинулъ на далекое пространство проволочныя загражденія, нарылъ волчьихъ ямъ и фугасныхъ гнѣздъ. Сухотинъ изъ-подъ своей сверхъ пенснэ плохо наложенной повязки видѣлъ, и помимо проволочной эспланады, еще массы этой проволоки, заготовленной, очевидно, для новыхъ паутинъ вокругъ осажденнаго города.

XXXIX.

Я давно хотѣлъ разсказать, какъ здѣсь раз-вернулись наши госпитали. Въ этомъ отношеніи Россія оказала болгарамъ неоцѣнныя услуги, потому что все подготовившая для боя, воспитавшая и поднявшая превосходную армію, эта страна точно позабыла о томъ, что на войнѣ не только дерутся и побѣждаютъ, но и ранять и болѣютъ. Сейчасъ изъ Болгаріи нельзя писать о плачевномъ положеніи мѣстной медицинской части. Въ этомъ отношеніи цензура безпощадна, хотя, разумѣется, прежде всего, самимъ болгарамъ слѣдуетъ знать правду объ этомъ, — правду ужасную, но, вѣдь, такой сильный народъ долженъ ей смотрѣть прямо въ глаза. Я не знаю, что бы здѣсь дѣлали, если бы не иностранные и, главнымъ образомъ, русскіе госпитали. Они были бы гораздо шире поставлены и скорѣе добрались за Дунай, если бы не наше министерство иностранныхъ дѣлъ. Не вѣрившее въ войну, накануне самой войны смѣявшееся надъ ея «ложными пророками», оно не хотѣло входить въ предварительныя соглашенія о посылкѣ поѣздовъ за границу съ нашими врачами, сестрами милосердія, санитарями и всѣмъ инвентаремъ, необходимымъ для помощи больнымъ и раненымъ. Вѣдь, объявленіе войны застало г. Сазонова врасплохъ. Повтореніе притчи о евангельскихъ дѣвахъ. Тѣмъ не менѣе, «Красный Крестъ» не растерялся, и сейчасъ отъ него одного въ Болгаріи работаютъ тринадцать русскихъ лазаретовъ, одинъ транспортъ повозокъ для раненыхъ, и въ Софіи открытъ обширный и превосходный складъ всевозможныхъ запасовъ для пополненія такихъ во всѣхъ

госпиталяхъ. Сверхъ этого, изъ Россіи приходятъ сюда цѣлые вагоны (на-дняхъ такихъ доставлено шесть) съ теплыми вещами, лѣкарствами, чаемъ, сахаромъ, виномъ, — со всѣмъ, что только можетъ понадобится для больныхъ и выздоравливающихъ. Часть этого направляется въ Сербію, часть остается здѣсь. Надо отдать «Красному Кресту» справедливость. Онъ развернулъ помощь родному намъ народу такъ широко и щедро, что, разумѣется, всѣ вмѣстѣ взятыя международныя учрежденія этого рода не составятъ и трети нашихъ русскихъ. Великое спасибо въ этомъ отношеніи болгарскій народъ долженъ сказать А. И. Гучкову, П. А. Тыртову и барону Врангелю. Вотъ ужъ именно, бодро, спокойно и умѣло несутъ на себѣ громадный трудъ, безъ оторопи и суматохи. Генерала Тыртова я знаю по Манчжуріи, — онъ и тамъ показалъ, что можетъ сдѣлать одинъ человекъ на трудномъ дѣлѣ, лишь бы дѣлать это не по казенной надобности, а по настоящему сердечному призванію. За нимъ, впрочемъ, большая практика и глубокое знаніе дѣла. Позвольте сначала привести сухой перечень этихъ учрежденій здѣсь. Такихъ въ Софіи (помимо врачей и сестеръ нашихъ, работающихъ въ болгарскихъ учрежденіяхъ) два: Кишиневскій на средства петербургскаго купечества, помѣстившійся въ женской гимназіи, на улицѣ Шипка, и имени города Москвы, за Софіей, на холмѣ, въ духовной семинаріи. Въ Пловдивѣ (Филиппополь) — Кауфмановскій имени города Петербурга и Святотроицкій. Больница въ Плевнѣ полтавскаго земства, одна — въ Ямболѣ — отъ Москвы. Въ Любимецѣ два госпиталя — Александровской и Евгеніевской общинъ изъ Петер-

бурга. Также два въ Мустафа-пашѣ — кievскихъ и таврическихъ отрядовъ. Два въ Лозенградѣ — Георгіевской и Кауфмановской общинъ. Тамъ же транспортъ для перевозки раненыхъ. Отрядъ въ Разградѣ. Всего русской «Красный Крестъ» открылъ и содержитъ здѣсь 1,500 кроватей.

О госпиталяхъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ. Я ихъ посѣщалъ здѣсь. Считаю нужнымъ остановиться въ этой на громадномъ складѣ русскаго «Краснаго Креста» въ Софіи. Онъ помѣщается на улицѣ Раковски и буквально заваленъ массою необходимыхъ для госпиталей предметовъ. Трудно сказать, чтобы дѣлали болгарскія учрежденія этого рода безъ такого склада. Работа идетъ тамъ съ утра до поздней ночи. Когда бы туда ни было прислано требованіе, оно удовлетворяется сейчасъ же и въ полной мѣрѣ. Ни казенныхъ формальностей, ни рутинныхъ проволочекъ. Кипитъ живое и большое дѣло, и, скажу правду, отсюда выходишь съ радостью и гордостью за наше далекое отечество. Изъ этого склада отпускаются всевозможные запасы даже иностраннымъ госпиталямъ въ Софіи, изъ которыхъ ни одинъ не явился сюда снабженнымъ такъ широко и толково. Лишь бы была дѣйствительная нужда, а рука дающаго здѣсь не оскудѣваетъ. Царица Элеонора была здѣсь, подробно осматривала складъ и сама пожелала послать благодарственную телеграмму «Красному Кресту». Она и потомъ восторженно рассказывала о томъ, что здѣсь видѣла.

Если бы ослѣпленное яркими призраками своего величія и могущества министерство иностранныхъ дѣлъ не вообразило, что достаточно его нежеланія войны, и войны не будетъ, — разумѣется, всѣ эти

учрежденія «Краснаго Креста» развернулись бы здѣсь гораздо раньше, и многія тысячи жизней были бы спасены!..

XL.

На краю города улица Шипки.

Одна изъ тѣхъ, что, какъ грибы, росли недавно въ Софіи. Еще не замощена, и освѣщеніе черезъ пень въ колоду, а дома — хоть сейчасъ ихъ въ любой современный городъ. Правда, между ними то и дѣло пустыри, на пустыряхъ чуть не огороды, но это сегодня. Завтра, т. е. въ слѣдующій свой пріѣздъ сюда, я, навѣрное, найду все застроеннымъ, и новые кварталы перекинутся далеко впередъ. Здѣсь, смѣясь, говорятъ: наша улица пока въ грязи, но, авось, скоро какой-нибудь изъ министровъ купитъ здѣсь домъ, и тогда городъ сейчасъ же зальетъ ее асфальтомъ, или покроетъ ее чуть ли майоликовыми кубиками, какъ на другихъ, гдѣ ихъ превосходительства уже завели себѣ щегольскіе особняки.

На новой улицѣ училище Априлова.

Большое, прекрасное, полное свѣта и воздуха.

Его еще не закончили и не сдали городу. Отопленія и освѣщенія не было, а такъ какъ сейчасъ военное время, и всѣ работники на боевыхъ поляхъ, то оно такъ и стояло вчернѣ. Учитъ, вѣдь, некому, — профессора тоже на аванпостахъ подпоручиками запаса и, за неимѣніемъ достаточнаго числа офицеровъ, командуютъ ротами и водятъ ихъ «на ножъ».

Въ городъ навалило пропасть ратниковъ. Куда ихъ было дѣть. Днемъ они на патрульной службѣ, вечеромъ ихъ на отдыхъ направляли сюда. На ка-

менные поды насыпали соломы и — «покойной ночи». Все это являлось потное, съ комьями грязи на сапогахъ. Чиститься и мыться было негдѣ. Въ комнатахъ и коридорахъ нѣтъ прохода. Разумѣется, никому и въ голову не приходило мести ихъ. Вездѣ налипла отвратительная кора, и когда прибыль сюда гербовецкій этапный лазаретъ имени петербургскаго купечества (1 ноября), — ему отвели именно эти Авгіевы конюшни. Врачи, подойдя къ нимъ, обрадовались было. Снаружи — слава Тебѣ, Господи!.. Но вошли и попятились. Ужасъ и уныніе охватилъ ихъ до такой степени, что въ первую минуту сестры расплакались: неужели въ этой сплошной клоакѣ держать раненыхъ? Къ счастью, во главѣ дѣла стояли люди юпытные. Въ Манчжуріи привыкли и не къ такимъ прелестямъ. Кое-какъ очистили одну комнату, перевезли въ нее вещи наскоро. За что ни пробовали взяться, — ничего нѣтъ. Электрическіе провода есть, но кабель съ улицей не соединенъ, лампъ никакихъ. Центральное отопленіе устроено, но ключъ отъ него унесъ монтеръ подѣ Чатаджу, куда онъ отправился солдатомъ. Солома грязная, разлагающаяся, вонючая, прилипла къ полу, — не отодрать! Коридоры устланы метлахскими плитками, но послѣ самой свирѣпой работы щетками, швабрами, скребницами едва дорылись до черной массы. «А что подѣ ней находилось, — рассказывали мнѣ, — предоставляю пытливому уму строить какія угодно предположенія». Мало этого: для госпиталя привезли съ собою 850 пудовъ груза, его надо было десяти санитарамъ, шести сестрамъ и тремъ врачамъ разбирать, — а куда? Не въ эти же отвратительные кладези? Породь внялъ мольбамъ «дорогихъ гостей» и при-

слалъ девять болгарокъ, которыя больше пили чай и ахали, чѣмъ работали. Тогда медицинскій персоналъ самъ взялся за дѣло. Темнѣеть скоро, а освѣщенія нѣтъ. Мастеровъ въ городѣ тоже «нема, — сичкитѣ на бойницкото поле!» Пришлось самимъ сдѣлаться монтерами, устраивать кухню, водопроводы въ операціонную, перевязочную, для мытья, въ ванны и еще не знаю куда.

Вѣдь, ничего подъ руками нѣтъ: находи плиты съ духовыми шкапами, придумывай, изъ чего бы это сдѣлать, какъ слѣпить очагъ съ котлами, откуда взять оцинкованный столъ съ отливомъ для посуды и чуть не десятки необходимыхъ мелочей, безъ которыхъ мало-мальски сноснаго госпиталя не устроишь. Привожу эти подробности для того, чтобы читатель зналъ, съ чѣмъ приходится бороться врачу. Приведутъ на пустое мѣсто, — лѣчи! Ничего нѣтъ, никто не озаботился о самомъ элементарномъ, безъ чего не только пользоваться раненаго, но и дышать нельзя. Вотъ тебѣ конюшня, и вся недолга. А что ты съ ней сдѣлаешь, — твое счастье. Мы тебѣ навалимъ сотни пациентовъ. Если они перемрутъ, — не наше горе, мы ихъ вамъ сдали! . .

Нельзя повѣрить, что наши удивительные (низкій поклонъ имъ!) врачи сдѣлали изъ этого въ три дня. Приходилось придумывать кипятильники для ваннъ, выводить дымовыя трубы, короче, создавать все изъ того, что было подъ руками. Много потрачено на это работы, остроумія, выдумки, импровизации, и, когда я проходилъ теперь по восьми палатамъ: операціонной, перевязочной, сортировочной, комнатѣ для сестеръ, столовымъ и складамъ, — мнѣ не вѣрилось, что все это не было имъ передано

такъ, какъ есть, а оборудовано ими самими. Да, кто ѣдетъ сюда, тотъ долженъ знать, что ему мало умѣть лѣчить, надо создавать и обстановку для этого лѣченія. Кроватей дали имъ пятьдесятъ, а раненыхъ привалило втрое. Сейчасъ же приспособили на деревянныя ножки походныя носилки, и вышло хоть куда. Королева Элеонора посѣтила нашъ лазаретъ 4 ноября. Если бы она пришла сюда два дня назадъ!

Изъ палаты въ палату . . .

Яркое солнце заливаеъ свѣтомъ сквозь большія окна.

Воздуха и простора — дай Богъ въ лучшихъ госпиталяхъ и не въ спѣшное военное время. Когда видишь покойныя лица раненыхъ, слышишь ихъ веселый говоръ, наблюдаешь за чудесными нашими сестрами, мягко и нѣжно ухаживающими за еще нѣсколько дней назадъ доставленными сюда въ ужасающемъ видѣ болгарами, — не можешь себѣ и представить, сколько мучительнаго труда понадобилось, чтобы создать этотъ лазаретный рай. Доктора всегда въ палатахъ. Старшій врачъ Лебедевъ чуть не ночуетъ здѣсь. Это наша русская этика, не допускающая равнодушнаго отношенія къ пациенту. Когда я вспоминаю оставленные позади болгарскіе госпитали . . . Но позвольте мнѣ вернуться къ нимъ послѣ. Сейчасъ еще не мѣсто и не время говорить о нихъ. Каждаго раненаго наши врачи, — я такъ радъ засвидѣтельствовать это, — пѣтуютъ какъ близкаго, родного, друга. Съ недугами, съ трудными случаями борются такъ, что болгары едва ли не впервые понимаютъ, что значитъ настоящій докторъ. Глядя на нашихъ сестеръ, и болгарскія дамы изъ здѣшняго общества также взялись за свя-

тое дѣло, быстро привыкли къ нему, и въ ихъ прекрасныхъ душахъ забились живоносные ключи любви къ страдающему брату. Изъ цѣпкихъ когтей недуга здѣсь силою вырываютъ уже намѣченную жертву, положеніе которой еще наканунѣ казалось безнадежнымъ... Радостно показываютъ мнѣ почти обреченнаго смерти больного менингитомъ. Его спасли, онъ сегодня ожилъ... Вотъ — послѣ страшнаго тифа. Еще никого не узнаетъ, но температура падаетъ, возвратъ къ жизни обезпеченъ... Тихо-тихо отъ постели къ постели скользятъ сестры, и не успѣетъ пациентъ высказать, что ему нужно, какъ это уже исполнено. П. А. Тыртовъ раздаетъ подарки. Дѣти въ Петербургѣ собрали по пятакамъ маленькія суммы, на нихъ завели кисеты съ коробкой папиросъ, чаемъ, сахаромъ, рубашкой и еще какими-то бездѣлушками. Въ каждомъ — «открытка» съ адресомъ и деньги на марку. Больные радуются. Имъ собственно этого не надо. Чаемъ ихъ поятъ сколько угодно, но этотъ привѣтъ съ далекаго Сѣвера, ласковое «здравствуй» маленькихъ сердчишекъ трогаетъ ихъ, и я самъ вижу на суровыхъ, обожженныхъ солнцемъ, обвѣтренныхъ лицахъ славныхъ воиновъ благодарныя слезы. На открыткахъ дѣти просятъ «милаго солдата» послать имъ два-три слова. И сестра тутъ какъ тутъ, — она ихъ напишетъ и отошлетъ въ туманы безотраднаго, холоднаго Петербурга.

Всѣ чисто вымыты, постельное бѣлье безукоризненно. Въ палатахъ тепло. Измучившіеся на боевыхъ позиціяхъ, коченѣвшіе въ ледяныя ночи, измотавшіеся въ варварскихъ арбахъ по трясинамъ и топямъ отвратительныхъ дорогъ раненые вволю отсыпаются, завернувшись въ теплыя одѣяла.

— Удивительно выносливый народъ. Терпѣливый . . . Ни стона, ни жалобы. . . И здоровый. Тутъ даромъ обходятся такія пораженія, которыя у насъ вызвали бы смерть.

Что значитъ сильная раса!

Ни алкоголизма, ни сифилиса . . . Выросли въ простыхъ условіяхъ безыскусственной жизни.

— Нашъ лучшій помощникъ — природа! Не люди, какіе-то богатыри былинные . . . — говорятъ врачи.

И не забываютъ сестеръ, а какъ-то не обращаютъ на нихъ вниманія. Такъ ихъ великій подвигъ сталъ обыденнымъ, неизбѣжнымъ! Скромный и простой подвигъ великихъ сердець!

Я не знаю ничего святѣе сестры милосердія. Я видѣлъ ихъ въ очагахъ гангрены, въ холерномъ аду, въ ужасѣ безнадежной проказы одинаково спокойныхъ, улыбающихся, бросающихъ кроткій свѣтъ на измученное лицо больного. О, эти мягкія ласковыя ладони, опускающіяся на горячечную голову, тихій и нѣжный голось, который невольно проникаетъ въ самое замкнутое сердце. На далекихъ поляхъ Манчжуріи, въ холодахъ декабрьской Шипки, въ японскомъ Кумамото и Когосимѣ, въ полодныхъ курныхъ избахъ обездоленной Россіи, — онѣ, на какомъ бы языкѣ ни говорили, какому бы Богу ни молились, однѣ и тѣ же . . . Въ безвѣстныя могилы улеглись на вѣчный отдыхъ тысячи такихъ «мірскихъ печальницъ», и имъ на смѣну отовсюду идутъ десятки тысячъ . . . Какъ добрый солдатъ на свой постъ, онѣ неизмѣнно возвращаются къ кровати больного. Выдержитъ тифъ и, блѣдная, исхудалая, безъ жалобъ и сожалѣній о молодой жизни, опять идетъ въ гнѣзда поджидающей ее заразы, на смерть

для себя, на короткое, обманчивое счастье недужному. Злобный геній войны! Его изображаютъ на черномъ конѣ, топчущемъ громадными копытами сраженныхъ бойцовъ. Забыли бросить подъ его желѣзныя подковы исхудалыхъ мученицъ, дѣлящихъ съ солдатомъ и его страшный жребій.

XLI.

Туманный день.

Ненавижу такіе. Пройдешь по улицѣ, и кажется, что отсырѣлъ насквозь. И все кругомъ за сѣрою завѣсой, безнадежно, тускло, неопредѣленно. Сейчасъ, когда я пишу это, стоитъ яркая солнечная погода. Настоящій югъ, но была цѣлая недѣля, когда даже привычные болгары запирались по домамъ. Воображаю, какъ въ это время было скверно на боевыхъ позиціяхъ!

Мы выѣхали за городъ.

Надъ нимъ — большое и красивое зданіе духовной семинаріи. Оно сейчасъ отведено подъ нашъ московскій этапный лазаретъ, гдѣ работаютъ докторъ Рознатовскій съ четырьмя врачами, десять сестеръ милосердія и десять санитаровъ. Я съ особеннымъ чувствомъ самоудовлетворенія вхожу въ наши русскія больницы здѣсь. Въ этомъ отношеніи мы далеко оставили позади такія же учрежденія, находящіяся въ рукахъ иностранцевъ. Наши оборудованы несравненно шире. Видно знаніе дѣла, сердечное отношеніе къ раненымъ, чутко понимающимъ это.

Госпиталь не стѣсненъ городскими улицами. Великолѣпный воздухъ, прекрасныя дали и величавая масса засыпаннаго снѣгомъ Витоша. Въ первое мое

посѣщеніе все это пряталось во мглу. У входа насъ встрѣтилъ картинный монахъ. Это — изъ профессоръ семинаріи, оставшійся здѣсь на службѣ недугу и несчастью. Онъ оказываетъ неоцѣненныя услуги нашимъ врачамъ какъ переводчикъ.

Сюда сразу начали поступать пациенты массаами. Съ боевыхъ позицій привозили тяжело раненыхъ, часто запущенныхъ до такой степени, что на первыхъ порахъ врачи сильно за нихъ опасались. Теперь они съ гордостью показываютъ такихъ, буквально вырванныхъ у почти уже казавшейся неизбежною смерти. Обратная сторона войны тутъ не такъ поражаетъ васъ, какъ на ужасныхъ дорогахъ отъ полей битвы, на которыхъ всѣ эти, теперь оправляющіеся, бились въ неописуемыхъ архаическихъ арбахъ, падая въ трясины, вскидываясь на булыжникахъ и болтаясь справа налѣво въ отвратительныхъ колеяхъ. Здѣсь эти уцѣлѣвшіе, спокойные, довольные, въ теплѣ и холѣ отошли уже отъ нечеловѣческихъ страданій. Я видѣлъ опять, то же что и въ госпиталѣ на Шипкинской улицѣ, какъ изъ глубокихъ потемнѣвшихъ впадинъ горячій, благодарный взглядъ неотступныхъ глазъ слѣдитъ за сестрами милосердія, съ какимъ довѣріемъ болгаринъ встрѣчаетъ нашего доктора.

— Ни разу не случилось, чтобы раненый отказался или испугался самой тяжелой операціи, разъ ее предлагаемъ мы.

И не только лежащіе здѣсь. Изъ Софіи почти всѣ нуждающіеся въ хирургической помощи обращаются къ русскому врачу. Между такими были товарищъ предсѣдателя народнаго собранія (парламента) Сгуровъ и знаменитый здѣшній писатель Вазовъ. Въ этомъ нѣтъ никому отказа. Принята даже

и лежить здѣсь женщина, которой вырѣзали ракъ. Раненыхъ не только пользуют, но, выпуская, снабжаютъ чистымъ бѣльемъ, теплыми вещами и одѣялами. Въ этомъ отношеніи Москва не поскупилась и прислала сюда столько, что, пожалуй, еще и останется. Госпиталь дѣлится всѣмъ, чѣмъ можетъ, съ другими, гдѣ есть настоящая нужда въ этомъ. Я видѣлъ здѣсь одну койку имени служащихъ у Мюра и Мерилиза и другую — Анны и Ивана Громовыхъ. На обѣихъ исключительно помѣщаются тяжело раненые. Тѣ, которыхъ я здѣсь засталъ, уже на пути къ выздоровленію.

XLII.

Позвольте рассказать одну изъ трогательнѣйшихъ былей этой жестокой войны. Мнѣ она особенно дорога какъ пробужденіе челоуѣка въ озвѣрѣломъ мстителѣ.

Случилось въ одномъ изъ далекихъ лазаретовъ.

Врачи были въ отчаяніи отъ этой громадной турецкой казармы, когда ее отвели подъ «Красный Крестъ», и когда они вошли сюда, — ихъ отшибло прочь, такой отвратительный смрадъ стоялъ подъ ея каменными сводами. Казалось, тысячи людей истлѣли здѣсь, оставивъ по себѣ черныя, жирныя пятна на стѣнахъ, груды слякоти на поляхъ, осадки безчисленныхъ, нечистыхъ и больныхъ дыханій на окнахъ. На тряскихъ нелѣпыхъ арбахъ каждый день подвозили раненыхъ. Въ топяхъ и омутахъ невозможной дороги, тяжко переваливаясь съ колеса на колесо, бухая въ провалы, опрокидываясь на раскосахъ, телѣги трещали, скрипѣли и охали, вскрикивали деревянными голосами, вязли въ колеяхъ.

НОВЫЕ
КЛАЗАРМЫ

Мучительно, точно выворачиваясь наизнанку, несчастныя лошади вытаскивали ихъ оттуда. Казалось, изъ глубины липкихъ болотинъ чьи-то черныя, злобныя руки хватаютъ ихъ за копыта, колеса за ободья и не пускаютъ дальше. Кони понуро останавливались, съ натугою втягивали исхудавшіе бока, сипло дышали и подъ новыми ударами озленнаго возчика безсильно валились, чтобы уже больше не подыматься. Палую лошадь отпрягали. Находили гдѣ-то буйволовъ, тѣ вытаскивали арбу въ сторону, проводя новую колею, и за ними другія арбы широкимъ кругомъ старались миновать проклятое мѣсто. Посреди его оставалась странная, залитая слякотью выпуклина съ откинутаю въ сторону головою, уткнувшеюся ноздрями въ ту же слякоть... Отходилъ обозъ, — Богъ вѣсть, изъ какихъ далей слетались сюда большія, грузныя, сытыя черныя птицы. Торжествующее карканье звонко разносилось въ холодномъ воздухѣ, точно тамъ, скликаая другія стаи, звенѣли тысячи мѣдныхъ рожковъ... Воронье медленно опускалось на выпуклину, цѣпко впивалось сильными когтями, расклевывало стальными клювами... Трусливо подбирались сюда голодные псы оставленныхъ турками деревень, а по ночамъ, когда черныя птицы низко-низко надъ землей отлетали къ приземистымъ ветламъ, сбѣгались сюда же и плакали чекалки...

XLIII.

Скрипѣли, жаловались, трещали телѣги, но сквозь ихъ деревянные голоса слышались другіе. И, ловя ихъ на ходу, здоровые, сильные, уходившіе на боевыя позиціи люди только хмурились и старались

подальше сдѣлать кругъ, обойти, не встрѣтить воспаленныхъ, впивавшихся въ нихъ изъ-подъ зашлепанныхъ грязью кошемъ больныхъ глазъ... Болгаринъ терпѣливъ, какъ буйволъ. Но тутъ былъ предѣлъ человѣческой волѣ. Отъ каждаго скачка, колыханья, оступи, вскидыванія такой телѣги расползались гипсовыя повязки, разбитыя кости вывертывались изъ лубковъ, рвали живое мясо, трещины раненыхъ череповъ расходились, изъ пробитыхъ насквозь грудей брызгала кровь, ослаблялись бинты, и дикій, нечеловѣческій вопль застывалъ въ воздухѣ. Раненые, какъ телята, колотились другъ о друга, увѣчились. Часто на остановкахъ подходили сюда равнодушные санитары или усталые врачи, наклонялись надъ остеклѣвшими глазами и неподвижными лицами, щупали заоченѣвшую въ послѣдней судорогѣ руку и коротко приказывали: «Опростать арбу!». Завернутое въ шинель и, какъ она, продырявленное тѣло, относили въ сторону, къ навѣсу безлюднаго кышта, къ безлистому платану, къ бѣлымъ стѣнамъ пронизанной гранатами, зіяющей, какъ оскаленная пасть, мечети или къ убогой церкви... Арбы уходили дальше. Стоны изъ нихъ все слышались тише и тише. Скоро онѣ пропадали въ сомкнувшихся мутною синью даляхъ, и «безмолвные свидѣтели» оставались одни, неотступно глядя застывшими открытыми глазами въ грязныя лохмы низко-низко ползавшихъ тучъ... Добрался, наконецъ, страшный обозъ до намѣченнаго госпиталя. Но казарму только что отвели. Нельзя было вносить раненыхъ въ гніющія ямы этихъ палатъ, и три дня несчастные лежали безъ соломы, распластавшись на сочившейся влагою землѣ, подъ вывшимъ надъ ними вѣтромъ и плакавшими тучами. Сестры

милосердія, поборовъ отвращеніе, чистили и мыли турецкія клоаки, собранные сюда рабочіе сотнями: ведеръ и корзинъ выволакивали ихъ Богъ вѣсть сколько времени копившуюся грязь, три дня были окна настежь, и когда, наконецъ, на свѣжія постели положили больныхъ, закрыли ихъ теплыми одѣялами, докрасна раскалили желѣзныя переносныя печи, напоили и накормили горячимъ, — нѣсколько сотъ человѣкъ, разнѣженныхъ тепломъ, сомкнули глаза.

Одинъ изъ десяти попалъ въ рай . . .

Девять остались по пути въ зловѣщемъ молчаніи опустѣвшихъ деревень или въ вязкихъ трясилахъ страшныхъ дорогъ. Спавшимъ снилось карканье зловѣщихъ черныхъ птицъ, рыданіе чекалокъ, вой голодныхъ псовъ. Просыпались на мгновеніе, оглядывались, встрѣчали тусклую лампу. Около чуть-чуть намѣчался силуэтъ заботливой сестры, и больной, счастливо улыбаясь, откидывался опять на подушку. Мозжило въ ранахъ, ныло въ изломанныхъ костяхъ, что-то хлюпало въ пробитыхъ грудяхъ, но усталъ и тепло пока были сильнѣе муки. Сонъ оказывался дѣйствительностью, а кошмаръ безконечной, въ цѣлыя недѣли ытягивавшейся дороги, голодной, мучительной, съ ея арбами и буйволами, — отходилъ далеко-далеко назадъ. Только вотъ зачѣмъ въ эту дѣйствительность разнѣживающаго сна врываются звонкое, какъ мѣдныя рожки, карканье сытыхъ, грузныхъ, низко-низко летящихъ черныхъ птицъ и отвратительный вой собакъ? . .

XLIV.

Двое рядомъ . . .

Лицами другъ къ другу.

Молчать: еще не погасла ненависть и мстительная злоба. Одинъ горбоносый, весь черный, какъ головня, выхваченная изъ пожарища. И глаза горятъ, какъ два огневыхъ пятна, на этой головнѣ. Другой — бѣлесый, горецъ изъ родопскихъ поднебесій. Смотритъ на турка и понять не можетъ: зачѣмъ его подняли и везли сюда? Стоило ли везиться? Вѣдь, такимъ, когда они съ крикомъ «теслимъ!» подымали руки, — онъ, сынъ замученнаго въ турецкой тюрьмѣ отца и зарѣзанной матери, не давалъ пощады. Разъ! Штыкомъ въ грудь, сильное движеніе рукъ назадъ, и освобожденный штыкъ въ другую грудь, подъ такъ же поднятыми руками! . . «Теслимъ»! . . А его мать, когда она бросилась на колѣни, не схватили такіе же, похожіе на головню люди, не волочили ее за волосы, не издѣвались надъ нею, прежде чѣмъ полоснуть ятаганомъ, какъ овцу! . . «Теслимъ»! Нѣтъ, хорошо русскимъ врачамъ ухаживать за горбоносимъ аскеромъ. Они не знаютъ, что это за народъ. И сестра тоже ласково гладитъ поганана по головѣ. Ночью подходитъ и поить чѣмъ-то. А попадись она ему въ руки, — что этотъ красноглазый продѣлалъ бы надъ нею? Не разъ ему, родопскому горцу, приходило въ голову сползти съ постели и придушить турка. Развѣ мѣсто ему здѣсь, рядомъ? . . Поди и въ Айвали, и въ Асбуа онъ, можетъ быть, продѣлывалъ такіе ужасы, о какихъ въ родопскихъ каменныхъ гнѣздахъ ему, еще ребенку, рассказывали пріютившіе его чужіе. Ишь, сестра кормитъ его рисомъ. Турокъ не можетъ, — руки перебиты. Такъ она сама. Ложку за ложкой. И чаемъ поить. Что-то даетъ ему сладкое. Рахатъ-лукумъ опротивѣлъ для болгарина послѣ этого. И когда она поднесла къ нему, онъ от-

вель ея руку. «Иди, отдай его турецкому волку. Я не хочу. Вамъ, русскимъ, все равно, что мы, что они». Сестра не понимаетъ. Широко открыла глаза и смотритъ. Раненый чиркаетъ себя рукой по горлу и показываетъ на сосѣда. Вотъ что надо съ нимъ сдѣлать, а не кормить, не ухаживать за нимъ. И докторъ тоже. Снялъ съ сосѣда перевязки, наложилъ новыя. Такъ бы, кажется, и сорвалъ ихъ. Пускай головня эта исходитъ кровью. Какъ-то разъ турокъ заговорилъ, — родопскій горецъ знаетъ его языкъ, но только плюнулъ и отвернулся. Съ тѣхъ поръ и сосѣдъ его замолчалъ. Только ежится и жмурится, когда болгаринъ на него смотритъ. Угадываетъ, какія мысли бродятъ у того въ головѣ! Ночью даже крикнулъ, когда христіанинъ поднялся. Испугался, должно быть.

Лампа свѣтила сюда.

Желтые бѣлки уставились на него.

Черные усы врозь — дрожать надъ блѣднымъ, безкровнымъ ртомъ.

— Мы оба несчастные, и надъ нами обоими одинъ Аллахъ.

Неужели это сказалъ турокъ?

— Обо мнѣ плачутъ мои дѣти. Вѣрно, у тебя никого нѣтъ, что ты такъ на меня смотришь? Тебѣ ничего. А если я умру? Птенцамъ разореннаго гнѣзда легче... Никто ихъ не накормитъ.

— Твои не думали объ этомъ, когда рѣзали мою мать.

— Вездѣ есть злые. Я дома пекъ хлѣбы. Этимъ кормился. Черствые отдавалъ тѣмъ, кто былъ голоденъ. Не спрашивалъ, куда онъ ходитъ, — въ мечеть или въ церковь.

• Что-то точно толкнуло въ сердце родопца.

Онъ легъ, отвернулся. Спиною къ турку. Вездѣ есть злые. Ну, а гдѣ же были добрые, когда такіе же, какъ и этотъ горбоносый, насилывали и рѣзали дѣвочекъ въ Айвали и Асбуа.

Утромъ стоналъ турокъ.

Докторъ подошелъ раньше къ родопцу.

— Ступай, сначала помоги турку. Ему больнѣе. Поганому!

Сестра принесла чаю.

— Напой перваго этого пса. Онъ всю ночь жаловался на жажду.

— Жалко, что меня не разбудили.

— Отчего жалко?

— Я бы напоила его.

— И безъ тебя сдѣлали это.

Родопцу было стыдно сознаться, что онъ вставалъ и подносилъ питье метавшемуся врагу.

XLV.

Не только стыдно сознаться, но разомъ проснулось въ душѣ все накопившееся за столько лѣтъ зло. Вспомнились мрачныя былины Родопскихъ горъ. Сколько разъ, сидя у дымнаго костра или убогаго очага, подъ вой вихря въ ущельѣ, онъ слушалъ ихъ. Развѣ не на его глазахъ подлые заптіи, эти ищейки варварской и беспощадной власти, вводили изъ орлиныхъ гнѣздъ то сѣдого священника, то молодого учителя, то такихъ же, какъ и онъ, селяковъ? Онъ видѣлъ, какъ они въ мягкихъ опанкахъ спускались по утесистымъ крутизнамъ, но ни разу ему не случалось встрѣчать ихъ опять въ холодныхъ поднебесьяхъ. Сгнивали ли они въ тюрьмѣ, или болтались въ висѣличныхъ петляхъ? Подъ пе-

чальную «гайду» пѣлись сказанія, какъ хорошо жилось когда-то вольному болгарину, пока не пришла азіатская орда. Были у него и сила, и слава. Конца-краю не видѣлось его землямъ внизу, на равнинѣ. Цвѣли тамъ у Марицы, Тунджи и Арды чудесные сады, точно невѣсты подъ вѣнцомъ, стояли зрѣющія нивы. Широконогіе черные буйволы паслись на заливныхъ лугахъ. А теперь? Все взялъ турокъ и погналъ славянина къ окоченѣвшимъ вершинамъ, гдѣ скупо родить земля, въ камнѣ не выроешь землянки и никакъ не отогрѣешься въ холодныхъ влажныхъ тучахъ. Вѣрно, и этотъ его сосѣдь тоже отнял кыштъ и садъ у такого же селяка. Раненый почувствовалъ, что вся кровь хлынула ему въ лицо. Круто обернулся и хрипло крикнулъ:

— Ты откуда самъ?

— Я... изъ Алеппо.

— Не слыхалъ о такомъ городѣ. Это далеко отъ Родопа?

— Какого Родопа?

— Нашихъ горъ.

— У насъ горъ нѣтъ. У насъ солнце жжетъ. Это далеко-далеко! Надо одно море проѣхать и другое. У насъ небо синее, а песокъ — какъ золото. Я около воды живу. У меня надъ кровлей три пальмы. На кровлѣ играють мои дѣти. Двое.

— Дѣвочки?

— Одна, другой — мальчикъ. Глупые! Ловятъ тѣнь отъ пальмъ на плоской кровлѣ и гоняются за зелеными красноглазыми ящерицами. Во дворикѣ у меня большая печь. Для хлѣба. А подъ кровлей, точно цвѣты, перецъ и мирхама развѣшаны. У меня и цвѣты бываютъ. Подъ окномъ растутъ лиліи.

Вечеромъ, точно дверь изъ рая распахнется, такъ хорошо пахнетъ. Бѣлыя большія лиліи. Ночью, когда луна, онѣ, блѣдныя, кажутся въ сумракѣ чьими-то дѣтскими лицами. Ахъ, хорошо у меня дома!

— У насъ было тоже хорошо. Но такіе же, какъ и ты, пришли и отняли все, чѣмъ жилъ болгарскій селякъ!

— Аллахъ разсудитъ ихъ. Нельзя у людей отнимать поля и сады.

— Пятъсотъ лѣтъ прошло, и только сейчасъ насталь часъ Божьяго суда.

— Наша жизнь здѣсь — тѣнь отъ облака... Мелькнула и ушла. Мой мальчикъ тоже тѣнь отъ пальмъ ловить.

Онъ крѣпко сжалъ вѣки, чтобы удержать слезу.

— А ты думаль ли о тѣхъ дѣтяхъ, которыхъ рѣзали твои братья?

— Мои братья такіе же работники, какъ и я. Ихъ самихъ грабили чорбаджи и кадіи. Мы живемъ, какъ трава подъ копытомъ вола. Прижмемся къ землѣ и стелемся. Авось, не совсѣмъ раздавить. Развѣ я хотѣлъ идти въ аскеры? Моя печь развалится безъ меня. Жена слабая, — ей не растопить ея. Двѣсти хлѣбовъ я вмазывалъ въ раскаленные стѣнки. Кто накормитъ моихъ дѣтей? У братьевъ свои семьи. Одинъ — больной, его слѣпая лошадь на току копытомъ въ грудь ударила. Другой — водоносомъ въ Алеппо. Много ли онъ заработаетъ! Вѣдь, осель больше двухъ козыхъ мѣховъ не подыметъ. Не очень-то на саманѣ (соломѣ) силъ нагуляетъ. Намъ, простымъ людямъ, легко сговориться. Кабы мы жизнь на землѣ строили, — никогда и никакой войны на ней бы не было! . .

XLVI.

Простымъ людямъ! Вѣдь, такіе же простые люди поднимались снизу въ Родопы и грабили горныя деревни. Лежить раненый болгаринъ, смотритъ на турка и думаетъ: «Всѣ они такіе. Говоритъ какъ будто хорошо. Понимаетъ райю. Одно и то же ярмо несетъ. А пойдетъ въ мечеть, послушаетъ стараго муллу или молодыхъ софтъ — и звѣрь-звѣремъ выходитъ оттуда».

Лежалъ-лежалъ, молчалъ. Старался не смотрѣть на сосѣда. Вѣдь, врагъ, врагъ вѣчный. И вдругъ засмѣялся! У того мальчикъ тѣнь отъ пальмы ловить на крышѣ. А у него Іонко тоже. Три года минуло. Лѣтомъ по дорогѣ, надъ которой старыя чинары стоятъ, за золотыми солнечными зайчиками охотится. Колышетъ вѣтеръ чинары, бѣгають золотые солнечныя зайчики по тропѣ, а онъ крохотной рученкой своей накрыть ихъ норовитъ; скользятъ они изъ-подъ нея, на ней вспыхиваютъ,—онъ, дурачокъ, плачетъ. Огоньки не даются!

— У меня тоже . . . дѣти есть.

— Ну?

По черной головешкѣ пробѣжала улыбка.

— Трое . . . Іонкѣ три года . . . Среднему. А старше и младше его дѣвочки. Хорошо, что у меня рана легкая . . . Скоро войнѣ конецъ . . . Увижу ихъ. Моя рана совсѣмъ пустякъ . . . Кость цѣла. У меня кость, какъ рога у буйвола, крѣпкая. Сказываютъ, намъ всѣмъ, войникамъ, какъ замиреніе будетъ, хорошей земли нарѣжутъ подъ Адрианополемъ. Мой Іонко не на камнѣ, какъ я, вырастетъ. Будетъ хорошій хлѣбъ ѣсть. Я первый годъ на ней табакъ посѣю, — продамъ, еще съ краю прику-

плю... По этой грязи насъ везли. Я все на нее смотрѣлъ. Сахаръ, а не грязь. Какое зерно въ нее ни брось, она тебѣ цѣлый чуваль¹ вернетъ. Здорово меня по ней било! Разъ арба опрокинулась, меня выкинуло, захватилъ я ее горстью, — вся между пальцами разлѣзлась. Какъ каймакъ! Цѣны ей, этой землѣ, нѣтъ. Мой Юнко — маленькій. Мы всѣ маленькіе. Только онъ крѣпкій будетъ. Какъ наши ослята. Отъ земли не видать, а они цѣлый домъ тащатъ...

XLVII.

Проходила ночью сестра по палатѣ. Всѣ спятъ, сотни дыханій слышны, кто-то стонетъ во снѣ. Бредитъ, жалуется на какую-то обиду. Раненые какъ дѣти. Иной самъ не знаетъ, на что, только смутно чувствуетъ неправду. Напоила однихъ, проснувшимся дала лѣкарства. Гладила мягкою ладонью горячія головы метавшихся, и тѣ успокаивались подъ неожиданной лаской. Въ углу что-то неладное. Надъ постелью раненаго турка стоитъ болгаринъ. Наклонился. Сестра испугалась. Знала, сколько на душѣ войникаросло злобы и ненависти. Господи! Что онъ тамъ дѣлаетъ съ плѣннымъ? Еще придумать, пожалуй! Самъ же говорилъ ей: лучше зарѣзать, чѣмъ возиться съ «поганымъ». И винить нельзя. Чего требовать отъ дѣтей замученныхъ отцовъ и убитыхъ матерей! Она быстро пошла туда и остановилась... Ни турокъ, ни болгаринъ ея не замѣтили. Турокъ плакалъ... Раненый войникъ, наклонясь къ нему, — она угадала слова по тону его голоса, — успокаивалъ бѣднягу... Да-

¹ Чуваль — мѣшокъ.

валъ ему пить, потомъ сѣлъ къ нему на постель, взялъ его голову и надъ самымъ ухомъ шепталъ ему что-то...

— Петко?

Болгаринъ обернулся.

— Что съ нимъ?

— Сонъ ему приснился, будто онъ умеръ...

А кадій у нихъ давно его три пальмы облюбовалъ... Тѣ самыя, за тѣнью которыхъ гоняется на крышѣ его мальчикъ... Ну, вотъ, будто кадій пришелъ съ заптіями и выгоняетъ изъ дому его жену и дѣтей... Жена упала у порога, схватила кадія за ноги и рыдаетъ: «Куда я съ ними дѣнусь?»... А у кадія бабуши мягкія, онъ ее толкаетъ ими въ лицо и говоритъ: «О сиротахъ долженъ Аллахъ заботиться. Это — его дѣло»...

Сѣла съ другой стороны сестра и слушаетъ... Сколько нѣжности нашель въ своемъ голосѣ болгаринъ... И какъ этой ласкѣ поддается тоскующая душа раненаго. Затихъ... Еще минута — улыбається... Вѣки надъ воспаленными глазами смыкаются. Дышитъ тихо, покойно. Положила на его горячій лобъ руку. Должно быть, температура подымается. Смѣрить бы, — да разбудишь.

— Иди спать, — проситъ ее болгаринъ. — Ты устала... Я до утра надъ нимъ просижу...

И потомъ, точно оправдываясь:

— Поганый онъ... Только и у него, какъ и у меня Юнко, — глупый ребенокъ растеть... Тѣнъ пальмы на крышѣ ловить. А мой золотыхъ зайчиковъ. Оба вырастутъ... Отцы дрались, — а у нихъ другая судьба будетъ. Каждый на своей землѣ сядетъ...

И засмѣялся.

— Чему ты?

— Да какже. Вдругъ такое время придетъ, когда турокъ съ болгаринномъ побратимами стануть... Добрыми сосѣдями рядомъ. Мы свое взяли, — они къ себѣ уйдуть... Ты знаешь, что онъ мнѣ сказалъ: «Мы оба несчастные, и надъ нами обоими Аллахъ!». И потомъ еще: «Намъ, простымъ, легко сговориться. Кабы мы жизнь на землѣ строили, — никогда и никакой войны на ней бы не было!».

XLVIII.

Жестокости на войнѣ! Сама война есть величайшая жестокость, и до сихъ поръ еще не было иной, какими бы благородными и святыми цѣлями она ни задавалась. И именно въ такія, народныя, всего жутче, тяжелѣ и ужаснѣе приходится мирному населенію. Оно въ отвѣтъ за все и про все. Отступающая армія вчерашнихъ палачей, мстительная и малодушная, срываетъ на немъ злобу; наступающая народная, беспощадная, реквизируетъ въ селахъ и деревняхъ все, что тамъ впопыхахъ оставили или не успѣли съѣсть, сжечь и унести побѣжденные. Были ли жестокости въ послѣднюю войну? Да, были. Неизбѣжныя и обычныя. Такія, безъ которыхъ не обходилась ни одна борьба культурныхъ націй. Я не скрывалъ ничего, — напротивъ. Если не успѣлъ рассказать многого, такъ, вѣдь, мои записки еще далеко не окончены. Я говорилъ о томъ, что совершали разбитыя турецкія арміи. До этихъ ужасовъ, какъ бы ни были озлоблены болгары, они и додуматься не могли. Память прошлыхъ страданій и униженій воспитывала въ

душахъ страстную злобу. Расовыя войны не знаютъ иныхъ законовъ: или гибни ты, или погибну я. Я упоминалъ, какъ македонцы прикалывали плѣнныхъ, разстрѣливали бросавшихъ оружіе и сдававшихся въ бою, какъ уничтожались села помаковъ, откуда засѣвшіе въ дома турецкіе солдаты открывали огонь по наступавшимъ отрядамъ. Я передавалъ, какъ мало турокъ доставлялось въ болгарскіе госпитали, хотя и изъ болгаръ въ нихъ попадали только солдаты съ легкими пораненіями. Это все — обычныя стороны войны, жестокой, отвратительной... Рядомъ съ мужествомъ, самоотверженіемъ, доблестью идутъ и подлое хищничество, и мстительное злодѣйство. Тутъ со всего снята узда, и человѣчество являетъ вовсю, не сдерживаясь, и свою доблесть, и свою звѣриную скверну, рядомъ, часто въ однихъ и тѣхъ же людяхъ. Но между турками и болгарами была и есть великая разница. Никогда и нигдѣ не случалось, чтобы болгары въ тѣхъ районахъ, гдѣ я былъ, насильовали и убивали женщинъ, рѣзали дѣтей, вѣшали стариковъ, жгли села, обижали мирныхъ сдавшихся турокъ. На боевыхъ позиціяхъ, если бы нѣчто подобное и было, могли это наблюдать только фонъ-Дрейеръ изъ «Новаго Времени», Мамонтовъ изъ «Утра Россіи», Топоровъ изъ «Рѣчи», Кузнецовъ изъ «Голоса Москвы» и я. Изъ иностранцевъ тамъ были: Людовикъ Нодо, Рене Пюо изъ «Temps», маркизь де-Сегонзакъ изъ «Echo de Paris» и Барцини изъ «Corriere della Sera». Злодѣянія болгарской арміи только мы могли бы видѣть и рассказать. Но именно у насъ вы не найдете ничего подобнаго. Приобрѣвшіе себѣ всесвѣтную славу правдивостью и вѣрностью наблюденій англи-

чане тоже не занесли ни одного подобнаго факта въ лѣтопись войны . . . Болгарскіе генералы, — народъ прямолинейный и въ шорахъ, — сдѣлали громадную ошибку, за которую страна ихъ долго еще будетъ отчитываться передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Они имѣли, что называется, *la bonne presse*, но ухитрились безъ всякой надобности раздражить массу корреспондентовъ. Они все время очень мягко стлали, но спать бѣднымъ бытописателямъ войны приходилось жестко. Давали никогда не исполнявшіяся обѣщанія. Снабжали ничего не значащими открытыми листами и повѣрившихъ имъ высылали изъ арміи. Безъ толку оскорбляли расположенныхъ къ нимъ людей и совершенно некстати вдругъ принимали суровыя, не заслуженныя пишущею братіей мѣры. Теперь все это откликнулось въ нѣмецкой печати, гдѣ я узнаю знакомыя лица и псевдонимы обиженныхъ людей. Не у многихъ хватить добросовѣстности не давать простора личному раздраженію, не мстить издали за оскорбительную несправедливость ложью и клеветой. Болгарскіе генералы могли бы играть въ открытую, и передъ доблестью ихъ армій преклонился бы міръ. Они выбрали мелочную придиричвость, варварское недовѣріе къ печатному слову и теперь пожинаютъ ими же посѣянную неправду. Разумѣется, я говорю не о такихъ боевыхъ герояхъ и талантахъ, какъ Радко Димитріевъ, Баяджіевъ, Керковъ. Полицейская придиричвость и подозрительность — удѣлъ тыла и штаба. Я могу говорить объ этомъ потому, что лично мнѣ жаловаться не на что. Во мнѣ не заподозрятъ ни раздраженнаго самолюбія, ни желанія отомстить за обиду.

XLIX.

Грязныя воды лжи, — въ нихъ захлебнуться можно. Когда я проѣзжалъ назадъ черезъ Вѣну, тамъ уже начиналась кампанія противъ балканскаго союза. Надо было въ общественномъ мнѣніи Европы уронить его во что бы то ни стало. Сейчасъ же нашлись готовые перья. Тѣ же корреспонденты, которые ничего не видѣли и не знали, но изъ Софіи и Мустафа-паши описывали небывалыя сраженія и сдавали въ свое время Константинополь болгарамъ и Софію туркамъ, явились свидѣтелями невѣроятныхъ жестокостей и злодѣяній, совершенныхъ будто бы освободительными народными арміями. Разумѣется, у каждаго изъ этихъ очевидцевъ было въ распоряженіи по нѣскольку газетъ и по дюжинѣ псевдонимовъ. Создавалось, такимъ образомъ, одновременно огульное обличеніе недавнихъ героевъ изъ разныхъ мѣстъ и разными лицами. По нѣмецкому камертону тамошняя печать завопила объ ужасахъ, содѣянныхъ современными гуннами надъ бѣдными, оклеветанными турецкими праведниками. Никто изъ дѣйствительно слѣдовавшихъ съ болгарскою арміею не писалъ ничего подобнаго. Но это все равно: поди тамъ провѣрай клеветы и скверные вымыслы. Ими уже засѣяно общественное мнѣніе. Они въ свое время дадутъ богатые ростки, и вмѣшательство вражьей силы въ дѣло свободы и независимости будетъ оправдано. Я не хочу изъ уваженія къ нимъ называть наши газеты, поддававшіяся на такія наживки. Газеты почтенныя, служащія прекраснымъ и высокимъ цѣлямъ. Онѣ и не виноваты. Не провѣришь за чертою писательской недо-

сягаемости, что тамъ творится въ дождяхъ и туманахъ, на сырыхъ понизьяхъ и вязкихъ скатахъ балканскаго Юга. «Отказанный корреспондентъ» мстиль по-своему, и мстиль зло, за то, что его (дѣйствительно глупо!) не пускали на боевыя позиціи, и онъ ничего не видѣлъ. Впрочемъ, нѣкоторыхъ это нисколько не стѣсняло. Развѣ мы въ октябрѣ не читали о ноябрьскихъ бояхъ подъ Чаталджею у этихъ бойкихъ малыхъ, угадывавшихъ, напримѣръ, небывалыя ссоры генераловъ Радко Димитріева и Кутинцева, описывавшихъ кавалерійскія атаки тамъ, гдѣ ни одного всадника не было, подымавшихъ голову въ небеса, чтобы разсмотрѣть озера, провалившіяся въ глубокія пади, перемѣшавшихъ на пространствѣ одного фельетона всю географію и исторію отъ Дуная до Эгейскаго моря, заставившихъ положить оружіе Назимъ-пашу подъ Чаталджей и сдавшихъ Адрианополь командующему дивизіей Вельчеву! Сейчасъ эти господа также лгутъ, громоздя «свидѣтельства съ мѣста» о злодѣйствахъ болгарской арміи. У меня было рассказано, что такое «варварства» всегда ужасной и безпощадной народной войны. Я говорилъ объ ихъ неизбѣжности тамъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ цѣлыя столѣтія наслаиваются мстительная ненависть и непримиримая злоба. Сообщалъ, при какихъ условіяхъ во всякой войнѣ, гдѣ бы она ни была, — на поляхъ Эльзаса и Лотарингіи, въ пустыняхъ Киренаики и Триполи, отъ Москвы до Березины, въ Китаѣ или въ Испаніи, — все равно, совершаются такія жестокости. Но, разумѣется, отъ нихъ до насилуванія дѣтей и поголовнаго истребленія женщинъ и стариковъ болгарами — цѣлая бездна. Напротивъ, посмотрите, какимъ широкимъ покровительствомъ

законовъ пользуются турки въ Болгаріи. Ихъ преданность режиму свободной страны — выше всякой похвалы. Именно не за страхъ, а за совесть. То, чѣмъ опозорили себя турки въ Европѣ, схваченное въ кодаки и засвидѣтельствованное иллюстрированными журналами цѣлаго міра, никогда не ляжетъ на героическую память балканскихъ армій. Я объдалъ какъ-то въ отелѣ «Бристоль», въ Вѣнѣ, уже на обратномъ пути сюда. Со мною были вернувшіеся въ Австрію мѣстные «добровольцы» изъ Турціи. Они попробовали въ злостныхъ клеветахъ сослаться на свои снимки. Я попросилъ ихъ показать, и увы! — на всѣхъ изображались... турки! Смущенные «свидѣтели» не нашли ничего лучшаго, какъ сказать:

— Болгары для этого переодѣвались турками!..

И сами оборвались. Слишкомъ уже такая посылка была глупа и наивна. Скажутъ: можно было не видѣть многого, но слышать объ этомъ. Увы! Во время войны не рекомендую подобнаго пріема. Для подобныхъ «добросовѣстныхъ показаній» по слухамъ не зачѣмъ даже выѣзжать на позиціи. Не выходя въ Софіи изъ любого кафе, можно было нанизать ихъ на десятки обвинительныхъ актовъ, по крайней мѣрѣ. Въ тылу арміи всегда сплетничаютъ, и сплетничаютъ злостно. Тамъ клеветы рождаются, какъ ядовитые грибы на нездоровой почвѣ. Я самъ попался на такихъ «очевидцевъ», которымъ нельзя было не вѣрить. Не только одни «отказанные корреспонденты», — ихъ свѣдѣніямъ цѣна — ломаный грошъ, — но, напримѣръ, депутаты народнаго собранія, почтенные мѣстные общественные дѣятели рассказывали мнѣ съ самыми поразительными подробностями трагическую быть

о двухстахъ башибузукахъ, которыхъ всѣхъ огульно въ одинъ день судили и повѣсили въ Мустафашѣ. Ну, какъ было не попасться? Я, впрочемъ, переспросилъ еще нѣсколькихъ мнѣ извѣстныхъ лицъ, и тѣ тоже подтвердили ужасный слухъ. Говоря о неизбѣжныхъ жестокостяхъ войны, я уже, какъ ничѣмъ не оправдываемое легальное злодѣйство, привелъ и повѣствованіе о двухстахъ висѣлицахъ. Его, впрочемъ, ранѣе меня сообщили и другіе. Вскорѣ я получилъ категорическія, безспорныя доказательства, что во всей болгарской арміи ничего подобнаго со дня объявленія войны не было. Въ Мустафа-пашѣ судили двухъ и повѣсили двухъ. Послѣ я уже не вѣрилъ софійскимъ добросовѣстнымъ лжесвидѣтелямъ, какое бы общественное положеніе они ни занимали. А слухи тамъ плодились съ истинно-чудесною быстротою. Сколько разъ падалъ Адрианополь, и на почтѣ подтверждали, что туда посланы семьдесятъ чиновниковъ и телеграфистовъ! Какъ часто царь Фердинандъ выѣзжалъ для новаго боя подъ Чаталджу, а на другой день я видѣлъ его флагъ спокойно развѣвающимся надъ дворцомъ. Вѣрилъ только тому, что самъ видѣлъ на боевыхъ позиціяхъ, а всякіе слухи отменялъ, какъ шелуху. Въ тылу такая шелуха носится вихрями и слѣпитъ и душитъ васъ. Правда только тамъ, гдѣ враги стоятъ лицомъ къ лицу, гдѣ борются умирающія на передовыхъ позиціяхъ арміи. Уже въ Петербургѣ я получилъ много писемъ, но не далъ имъ ни мѣста, ни вѣры. Они всѣ изъ Софіи. Господь съ ними! Съ меня довольно и двухсотъ повѣшенныхъ. И какіе бы «депутаты» ни подписывались подъ негодующими «свидѣтельствами правды», я ихъ листки складываю въ свой архивъ.

Покойтесь, милые друзья, до радостнаго утра. И я былъ правъ: въ эти дни явились массы противоположныхъ показаній, и сообщенныя мнѣ достовѣрныя свелись просто-напросто къ чьей-то недостойной и довольно-таки подленькой игрѣ.

Слуга покорный: я, во всякомъ случаѣ, на такую удочку не поддамся. Съ меня довольно.

L.

Во время лондонскихъ переговоровъ война казалась оконченной.

Мнѣ хотѣлось заглянуть за ея кулисы.

Я много писалъ о казовыхъ концахъ боевыхъ позицій, о великолѣпной народной арміи и ея подвигахъ. Еще ни разу не приходилось коснуться вопроса, во что эта эпопея балканскихъ доблестей обходится народу. Вѣдь, за Дунаемъ не неистощимыя же сокровищницы великихъ богатствъ, позволяющихъ молодымъ государствамъ вести разрушительныя войны, ничѣмъ не нарушая благосостоянія города и деревни. Я видѣлъ, что народъ на святое освободительное дѣло мобилизовалъ не только своихъ дѣтей, но и живую силу хозяйства — воловъ, лошадей, буйволовъ. Свободный и грамотный народъ, знавшій, куда и на что онъ идетъ. Никакими династическими интересами или проблематическими выгодами государственнаго эгоизма его бы не поднять на современный крестовый походъ. Особенно болгарина-селяка, котораго оторви отъ земли, — кровь брызнетъ. И чѣмъ дороже ему стоитъ такой великодушный порывъ, тѣмъ выше его заслуга. Немудрено швырнуть отъ избытка и отъ излишка, а вотъ отдать послѣднее,

поступиться хлѣбомъ насущнымъ — другое дѣло. Лубочные общественные дѣятели и трафаретные бытописатели, поставщики патріотическихъ хрестоматій увѣряли меня, что въ Болгаріи эта война не вызоветъ никакихъ потрясеній. Что-то не въ-рилось такой сказкѣ...

Въ боевое затишье я занялся провѣркою этой восторженной лжи.

Хотя небывалая по краткости двухмѣсячная побѣдоносная борьба двухъ міровъ и двухъ народовъ не такъ дорого должна была обойтись, какъ такія же, тянувшіяся больше года, но все-таки она выхватила много народныхъ сбереженій.

Почему-то принято думать, что здѣшній сельякъ богатъ, и крестовый походъ не пошатнулъ его благополучія. Сельякъ, дѣйствительно, богатъ. Вѣдь, какъ я уже говорилъ, вся тяжесть государственныхъ расходовъ лежитъ здѣсь на городѣ. Деревня не желаетъ ее знать. Но сейчасъ деревня отдала весь свой скоть. Всѣ ея буйволы, волы, ослы, лошади, стада мобилизованы и влачатъ по трясинамъ и топямъ Турціи безконечные обозы. Хорошая треть живой силы будетъ навсегда вычеркнута изъ хозяйственного инвентаря. Сколько буйволовъ и быковъ пало у боевыхъ позицій, загнано лошадей, изломано и брошено арбъ и повозокъ! Города, разумѣется, въ еще худшемъ положеніи. Особенно тѣ, откуда пошла болгарская свобода, — ея горные очаги, поднимавшіеся противъ турецкаго гнета, когда вся эта страна лежала еще распятая и забитая отъ Дуная до Эгейскаго моря. Вольныя гнѣзда недоступныхъ вершинъ! Въ нихъ теперь трудно и голодно живетъ семьямъ ушедшихъ на войну бойцовъ. Такъ трудно и го-

лодно, что кметы, являющіеся въ Софію ходатайствовать о пособіи, рыдаютъ, рассказывая въ министерствахъ, въ какомъ положеніи они оставили позади избравшихъ ихъ гражданъ! Тамъ нѣтъ полей съ египетскими урожаями. Тамъ запасы нѣсколькихъ лѣтъ не остаются нетронутыми. Хорошо богатымъ городамъ въ родѣ Варны, на примѣръ. Она заняла 250,000 левовъ, отпустила, сверхъ того, столько же изъ бывшихъ у нея средствъ и кормить обнищавшихъ и безработныхъ. А вотъ возьмите славный Панагюриште. Отсюда, именно, пошла болгарская свобода. Задолго до русско-турецкой войны городъ поднялся, разбросалъ по горамъ и селамъ войниковъ и гайдуковъ. До тѣхъ поръ онъ былъ богатъ, — турки угнали отсюда весь скотъ. Панагюриште потомъ существовалъ тѣмъ, что посылалъ молодежь служить во всѣ концы Болгаріи. Въ здѣшнихъ гостиницахъ, кофейняхъ, у состоятельныхъ семей вся прислуга была изъ Панагюриште. Нѣчто въ родѣ нашихъ ярославцевъ. Свое содержаніе они отправляли домой, гдѣ ихъ сестры, жены и матери ткали болгарскія сукна, матеріи на свои платья и ковры. Городъ не зналъ нищеты. Теперь, когда большая часть всѣхъ этихъ заведеній закрыта, а державшіе прислугу обходятся собственными силами, Панагюриште оказался въ отчаянномъ положеніи: восемьсотъ семей тамъ не знаютъ сегодня, что онѣ будутъ ѣсть завтра. Было у нихъ собрано 10,000 левовъ на училище. Общинный совѣтъ роздалъ ихъ голодающимъ, но этого не хватитъ и на нѣсколько дней, тѣмъ болѣе, что и остальные 2,200 семей тоже едва-едва перебиваются. Вѣдь, здѣсь въ этомъ отношеніи существуетъ что-то въ родѣ круговой

поруки. Сосѣдъ сосѣду помогаетъ, свои своимъ. Напримѣръ, у каждаго софійскаго купца есть родные въ провинціи въ такомъ же положеніи. Торговля остановилась, но у него остались кое-какія крохи, и онъ кормитъ ихъ. Тѣмъ пока держится Болгарія. Правительство все свое вниманіе обратило на войну. Ему не до голода и нужды. Оно почему-то вѣритъ, что народъ привыкъ голодать, и самъ справится съ своей нуждой, — и, дѣйствительно, справится, но чего это будетъ ему стоить?

Я останавливаюсь на Панагюриште потому, что это — типъ голодающихъ городовъ. То же самое въ Коприщицѣ, въ Царибродѣ, Сопотѣ и Калоферѣ. Въ большей или меньшей степени.

Плохо въ горныхъ высяхъ!

Тамъ земля — камень. Людей кормитъ отхожій промыселъ. «Побѣды и одолѣнія» положили отхожимъ промысламъ конецъ. У меня былъ кметъ изъ Панагюриште. «У насъ есть много семей, которыя по три дня не ѣдятъ. Я не могу вернуться. Что я имъ скажу? Вѣдь, онѣ ждутъ меня съ хлѣбомъ и помощью. Нашъ городъ больше всего принесъ жертвъ за свободу и, разумѣется, больше всѣхъ другихъ разорился. Въ 1877 году турки угнали отъ насъ въ Царьградъ 150,000 головъ скота. Съ тѣхъ поръ мы уже оправиться не могли. А сейчасъ — гибель. Вы знаете, что наши чиновники получаютъ только часть своего жалованья, — остальное отчислено на военныя надобности. И изъ этой части они ухитряются дѣлиться съ сосѣдями. Вся Болгарія занята «высшими дѣлами», какъ миѣ объяснили въ министерствѣ, — а у насъ хотятъ, прежде всего, ѣсть».

Недавно тамъ побывалъ нашъ москвичъ Челищевъ.

Онъ, кажется, уполномоченный «Краснаго Креста».

Отъ его разказовъ о Панагюриштѣ, Трнѣ, Карловѣ и Котелѣ вѣтъ холодомъ и безнадежностью. Населеніе не привыкло къ нищенству. И сейчасъ, съ перваго взгляда, вы ничего здѣсь не узнаете. Въ домахъ чисто, прибрано. Никто у васъ ничего не попросить. Но еще нѣсколько часовъ, — и вы сами видите, какой ужасъ вокругъ... Болгары безропотны. Дѣлу родины и свободы нужны такія жертвы, — и горожане молчатъ. Но придите утромъ къ крыльцу кмета, — и вы увидите тамъ около трехсотъ голодныхъ женщинъ съ дѣтьми на рукахъ. Умѣйте читать тоску и голодь въ ихъ помертвѣвшихъ лицахъ. Если случается работа, то на мѣстной фабрикѣ «персидскихъ ковровъ», гдѣ ткутъ ихъ дѣвушки. Здѣсь дѣло сокращено до окончанія войны наполовину, и заработная плата упала до пятнадцати копеекъ въ день. У кого были сбереженія, — а такія до перехода болгарскихъ войскъ черезъ границу оказывались почти у всѣхъ: народъ здѣсь тратитъ меньше, чѣмъ получаетъ, — всѣ проѣли ихъ или роздали сосѣдямъ, у которыхъ ничего не осталось. Когда даютъ непросѣянную муку, матери, чтобы ея было больше, не очищаютъ ея и, мѣшая съ картофелемъ, пекутъ изъ этого лепешки. У дѣтей отъ этого дизентерія. Мрутъ... Вотъ, на примѣръ, еще недавно хорошо жившій плотникъ. Теперь, со дня объявленія войны по сегодня, онъ заработалъ... два лева! А у него семья на рукахъ. Остановилось все. Въ Котелѣ, на улицахъ, женщины плачутъ, умираютъ отъ голода...

Проѣзжая мимо синихъ вершинъ, утонувшихъ

въ блѣдной лазури зимняго неба, видя проходящихъ по дорогамъ бодрыхъ и смѣлыхъ солдатъ болгарской арміи, слушая рассказы о легендарныхъ боевыхъ встрѣчахъ, трудно даже себѣ и представить, что дѣлается въ этихъ горныхъ гнѣздахъ! Вѣдь, въ грохотѣ орудій, въ восторженныхъ крикахъ атаки, въ трескѣ ружейнаго огня, какъ слабое подъ небесною грозю всхлипываніе ручья въ оврагѣ, теряется тихая жалоба голодныхъ женъ, матерей и сестеръ... До нихъ ли лавровѣнчанному побѣдителю? На сценѣ — герои и подвиги; кому придетъ въ голову заглянуть за кулисы, узнать, что дѣлается тамъ у этихъ гастролеровъ. Да и гастролеры не вѣдаютъ, что съ ихъ близкими и родными. Вѣдь, письма не доходятъ. Правда, это въ военныхъ цѣляхъ хорошо. У солдата не опускаются руки, но... какъ переживетъ онъ, вернувшись, ожидающее его горе? Что стоятъ его семьѣ голодные дни, холодныя ночи? Да и вернется ли онъ? Можетъ быть, мечтающія о немъ жена и мать никогда не встрѣтятъ героя, пробитое тѣло котораго давно уже брошено въ братскую могилу...

Скверно за кулисами войны.

Блескъ и мишура, музыка, и «Громъ побѣды, раздавайся» на сценѣ. Позади — рыданія и жалобы...

Нѣтъ, войну надо наблюдать не только въ Лозенградѣ, Люле-Бургасѣ и Бунаръ-Гиссарѣ, а, думаю, еще поучительнѣе ея зрѣлище въ Панагюриштѣ, Котелѣ и Коприщицѣ...

А другіе города? Кметовъ ихъ я видѣлъ послѣ того, какъ оставилъ боевыя позиціи, и они единогласно свидѣтельствуютъ: «Въ горахъ мы мремъ

отъ голоду. Молча, безропотно, но мремь. Знаемъ, что надо довершить святое дѣло, но во что оно намъ обойдется? Есть, разумѣется, богатые города, и такихъ много, но на нашихъ вершинахъ мы уже узнали настоящій голодъ. Люди ходятъ какъ блѣдныя тѣни. Женщины — трости, вѣтромъ колеблемыя. Безъ словъ протягиваютъ вамъ дѣтей. На кладбищахъ населеніе растеть, въ жилыхъ домахъ убываетъ. Никто не говоритъ противъ войны, но молчаливая готовность умереть еще глубже трогаетъ сердце. Въ Софіи этого не хотятъ знать: сейчасъ все для войны, все для побѣды. Въ селахъ лучше. Тамъ запасы хлѣба. У насъ село богаче города. Но такіе очаги свободы, какъ Панагюриште, вымираютъ, и для нихъ нѣтъ спасенія. Болгарія за свое будущее тяжело платится лучшими людьми, — дѣтьми великихъ мучениковъ свободы».

II.

Въ эту войну поневолѣ чуть не на каждомъ шагу вспоминалось кажущееся теперь такимъ далекимъ прошлое. Тридцать пять лѣтъ назадъ наша армія шла тѣми же мѣстами, гдѣ и сейчасъ разыгрывается великій поединокъ балканскаго союза съ его вчерашнимъ палачомъ — Турціей. Читая, что происходитъ подъ Адрианополемъ, оглядываешься назадъ и видишь въ туманныхъ даляхъ наши полки вокругъ оттоманской Москвы. Вѣдь, 19 февраля, когда былъ заключенъ миръ въ Санъ-Стефано, не за горами, а въ Казанлыкѣ и Адрианополѣ гораздо ранѣе велись переговоры съ побѣжденною Портою. Болгары только заканчиваютъ начатое нами, и побѣды дунайскихъ наро-

довъ, освобожденныхъ Россіей, — наши побѣды. Чудесная армія вся, какъ и эта страна, создана нами. Слѣдуя за ея славнымъ походомъ къ завѣтнымъ рубежамъ, мы радовались ему, какъ оправданію свѣтлой памяти безотвѣтныхъ героевъ, которые отъ Сисова и Никополя до Адрианополя легли залогомъ будущаго въ безчисленныя братскія могилы. Отъ нихъ теперь ни слѣда, но онъ весь въ блестящихъ дѣлахъ боевого сегодня. Наблюдая торжествующую армію, видишь въ ея характерныхъ чертахъ отраженіе давно знакомаго далекаго. Вѣдь, это — наши лучшіе скобелевскіе полки, желѣзная бригада, шипкинскіе герои Радецаго. Ихъ кровь, ихъ доблесть и сила напоили задунайскія нивы и вырастили на нихъ удивительныхъ солдатъ балканскаго союза...

Сейчасъ подъ Адрианополемъ сплошной артиллерійскій бой, съ отступленіями отъ программы въ видѣ вылазокъ изъ осажденнаго города и встрѣчъ подвигающихся къ нему траншейными работами славянъ съ передовыми дозорами турокъ. Здѣсь у нихъ, наконецъ, нашелся стойкій и способный генераль. Онъ вмѣстѣ съ Яверъ-пашой — едва ли не единственные герои воспитанной германскими офицерами арміи во всю ея позорную, бездарную и малодушную войну. Да, учителя мало хорошаго дали опекаемому ими народу, до нихъ варварскому, жестокому, но мужественному, смѣлому и самоотверженному. Шукри-паша — старотурокъ, беспощадный, но, во всякомъ случаѣ, сильный характеръ, неутомимая, ни въ какихъ условіяхъ не колеблющаяся воля. Это не турокъ послѣднихъ лѣтъ. Въ немъ, какъ и въ Гази-Османѣ, нашемъ

плевненскомъ противникѣ, — отраженіе славныхъ и мрачныхъ временъ Оттоманской Порты султановъ Мурада, Махмуда и Селима. Шукри, какъ и Османъ, — тоже великолѣпный инженеръ. Всѣ за послѣдніе мѣсяцы вновь сооружаемыя подѣ Адрианополемъ укрѣпленія, дополнившія прежнія, сплошная паутина траншей, которыми старые редуты подали одинъ другому мощныя руки, — намѣчены имъ и выведены изъ того, что у него нашлось подѣ руками. Величайшая заслуга генераловъ балканскаго союза въ томъ, что они не поддались героической самонадѣянности опьяняющаго успѣха и не бросились на эти переплеты лобъ въ лобъ. О нихъ разбилась бы стремительная лавина народныхъ армій. Они подождутъ до тѣхъ поръ, пока штурмъ утомленнаго Адрианополя не обойдется имъ дороже 10,000—11,000 жизней. Вѣдь, портъ-артурскіе были гораздо хуже, а японцы потеряли подѣ ними, какъ теперь оказывается, сто восемьдесятъ тысячъ лучшихъ солдатъ. Австрія рано показала карты, и, разумѣется, послѣ войны, чтобы избѣжать новой и еще болѣе ужасной, балканскому союзу понадобятся его боевыя арміи. Никогда еще не казались такъ близки страшные кошмары расовыхъ поединковъ. Разореніе культурныхъ народовъ дошло до предѣла, за которымъ самая кровавая бойня менѣе убыточна, чѣмъ затяжное убійственное безуміе вооруженнаго мира. Вѣдь, во всей Европѣ сейчасъ нѣтъ мощнаго генія, который бы сумѣлъ призвать ее къ любовному расчету. Особенно въ послѣдніе дни, когда въ воинственномъ азартѣ политическихъ бандитовъ держитъ дирижерскую палочку слабая, но наглая, вся распухшая на дрожжахъ захвата,

завтрашня Турція — Австрія. Ея спасеніе — въ общей войнѣ и вселенскомъ горѣ. Въ ней самой подняли голову чехи, хорваты, старо-сербы. Одна на одинъ она поэтому безсильна даже и съ балканскимъ союзомъ, который, какъ-никакъ, а съ вновь присоединенными къ нему областями дастъ миллионъ шестьсотъ тысячъ штыковъ. Вѣдь, за Дунаемъ молодые народы не склонны малодушничать. Будьте сильны, смѣлы, вѣрьте въ себя, и вы увидите, какъ крикливые Фальстафы быстро вернутся на старыя позиціи зализывать финансовыя раны неудавшейся авантюры. И крикливый шовинизмъ Франца-Фердинанда, бряцаніе театральными мечами въ музейные щиты его «черныхъ рыцарей» смѣнятся нѣжными вѣнскими вальсами. Вѣдь, у тамошнихъ лидертафелей въ распоряженіи разнообразный репертуаръ.

II.

Воображаю эту злополучную турецкую Моску.

Мнѣ здѣсь случалось бывать, и не разъ. Но сейчасъ, понятно, она ничего общаго не имѣетъ съ люднымъ и шумнымъ Эдирне, какимъ онъ зарисовался въ моей памяти.

Освѣтительныхъ матеріаловъ нѣтъ. Съ шести пополудни — мутныя сумерки, скоро смѣняющіяся слѣпою зловѣщей ночью. Въ высотѣ тускло мигаютъ лампы съ минаретовъ царственной мечети султана Селима, которую, точно великолѣпную каменную скрижаль, подъ самое небо подняли каменныя руки Эль-Богары и Эйюба. Блѣдные, измученные люди не знаютъ, куда имъ уйти отъ пламенныхъ бичей гранатъ, опоясывающихъ высоты

надъ ними и падающихъ въ деревянные старые, перепутавшіеся кварталы. Часто ихъ дома выступаютъ, черные, зловѣщіе, полуразрушенные на громадномъ багровомъ пожарищѣ. Туда упали артиллерійскіе снаряды, и оттуда съ рыданіями и воплями бѣгутъ, изъ мрака въ мракъ, голодныя женщины и растерянные дѣти. Еще до утра они смятенными волнами переливаются изъ однѣхъ улицъ въ другія, потому что и тамъ вспыхиваютъ кровавымъ заревомъ подоженные жилья. Въ огнѣ рушатся балконы, столбы, огненные языки лижутъ мушарабіи, крадутся подь кровли и, пронизавъ ихъ, желтыми разливами стелются по высохшимъ доскамъ. Медленно и мрачно движутся патрули. Едва отыскиваютъ дорогу ординарцы и вѣстовые съ боевыхъ позицій. Сегодня газеты пишутъ, что христіане *«ночуютъ въ мечетяхъ, а мусульмане въ церквахъ»*. Это неправда. Церквей въ Адрианополѣ мало, и онѣ всѣ обращены въ больницы для раненыхъ и интендантскіе склады. Адскія, страшныя ночи! Но нѣтъ радости и въ скупомъ разсвѣтѣ тусклыхъ зимнихъ дней. Съ семи часовъ дежурныя части низама идутъ къ булочнымъ и складамъ хлѣба. Населеніе гуськомъ выстраивается передъ ними. Мертвое молчаніе въ изголодавшейся толпѣ. Нельзя нарушить порядокъ. Сейчасъ же опояшетъ тебя курбашъ или швырнетъ лицомъ въ грязь ударъ въ спину прикладомъ. Стой и жди, когда по билету тебѣ выдадутъ *на семью* въ три чело-вѣка 600 граммовъ хлѣба, часто мукою, смѣшанной съ отрубями. Цѣлые дни безъ передышки въ высотѣ свистятъ и стонутъ артиллерійскіе снаряды, съ оглушительнымъ визгомъ на площадяхъ рвутся гранаты. Глупые осколки врываються въ узкія ули-

цы, точно гоняясь за блѣдными тѣнями жителей, прижимающихся къ стѣнамъ. Всѣ въ желѣзномъ кольцѣ холодной безнадежности. Трупы съ разорванными животами и вывалившимися внутренностями, съ расколовшимися черепами и дымящимся мозгомъ, чьей-то безжалостной рукой сбитыми и снесенными прочь лицами. И вдали медленно подступающіе съ носилками отряды могильщиковъ по наряду. Пустыя лавки настезь, — продавать нечего. Громадный крытый базаръ, — слава Адрианополя, гдѣ были собраны всѣ характерныя сокровища пестраго и оригинальнаго Востока, — сейчасъ безлюденъ и мраченъ. Оттуда снесено въ подвалы все. Покупать некому, и только свѣтъ, прорываясь сквозь отверстія въ навѣсахъ, покрывающихъ проходы, блѣдный и скучный, скользитъ по зіяющимъ впадинамъ и нишамъ этого когда-то живописнаго уголка. Люди, какъ волки, слѣдятъ другъ за другомъ, — не скрылъ ли кто куска, который можно съѣсть, свѣчи, чтобы зажечь ее ночью, наглухо заперевъ ставни и отгородившись отъ всего. Не покажется ли дымокъ, — тамъ, значитъ, развели огонь и что-то варятъ или жарятъ въ каменной печуркѣ. По Асханъ Салесси однѣ за другими похороны. Бѣгомъ несутъ завернутыхъ въ кошмы мертвецовъ. И въ высотѣ и днемъ и ночью одинаковое гудѣніе смертоносныхъ снарядовъ, трескъ разрывовъ въ сторонѣ, и издали вѣчный, непрекращающійся гулъ орудійныхъ ударовъ. Вдали носятся безпокойныя, неутомимыя тучи крикливаго воронья, точно кто-то во всѣ стороны размахиваль черными полотнищами. Выбѣжалъ бы за городъ, но тамъ царство обороняющихся гарнизонъ. Тамъ смерть еще неизбѣжнѣе и безпо-

щаднѣ. Изъ Адрианополя ушелъ сынъ болгарина, бывшаго начальника султанскихъ музыкантовъ, и турчанки. Это только что выпущенный изъ военнаго константинопольскаго училища офицеръ. Онъ по отцу носитъ титулъ бея. Юноша пожелалъ опять приобщиться къ народу своего отца и принялъ христіанство въ Софіи. Онъ съ трепетомъ передавалъ: «На редутахъ, подъ огнемъ, — ничего, въ вылазкахъ видишь опасность. Но въ безмолвномъ, проклятомъ, обреченномъ городѣ — ужасно. Смерть легче».

ЛІІІ.

Я уже писалъ вамъ о жизни въ Софіи.

Теперь уже начался прилетъ зимнихъ ласточекъ.

Возвращаются русскіе добровольцы изъ Сербіи. Не понадобились одни, выгнали другихъ. Въ сербскихъ шапочкахъ, въ сербскихъ военныхъ тужуркахъ. Почему-то нѣкоторые, рекомендовавшіеся великими героями, не остались въ сербской арміи и явились сюда, въ болгарскую. Ей они тоже не нужны. Болгары брали до сихъ поръ такихъ, чтобы утвердить связь съ Россіей. Было пріятно имѣть въ рядахъ представителей роднаго сѣвернаго народа. И надо отдать справедливость. Наѣзжали сюда наши лучшія силы. Мы нашими «добровольцами» въ Болгаріи можемъ гордиться. Все это были люди, одушевленные святою цѣлью освободительной войны.

Особенно много безпомощныхъ и пьяныхъ людей послала въ Сербію Москва. Они напоминаютъ 1876 годъ. То же попрошайничество по магазинамъ, министерствамъ, тѣ же кутежи въ дешевыхъ кабакахъ и тѣ же пья-

ные разгромы. Попавшіе въ армію держать себя достойно, но, вѣдь, такихъ не видно, а хулиганы и горланы тычутся вамъ въ глаза на каждомъ шагу. И каждый изъ нихъ на шумитъ и наскандалитъ за нѣсколько человѣкъ, по крайней мѣрѣ. И это, напримѣръ, въ такомъ доблестномъ войскѣ, какъ нынѣшнее сербское, гдѣ никто не хвалится подвигами, потому что оно все — сплошной подвигъ. Вспомните его Куманово, — ну, куда нужны были тамъ завсегдатаи Хитрова рынка! Я въ Бѣлградѣ не слышалъ жалобъ на нашихъ добровольцевъ отъ сербовъ. Они, помня, что такое для нихъ Россія, щадили насъ, забывали всю накипь, которую выбросила сюда и именно Москва. Богъ ей прости! Были великолѣпные воины грузины, нѣсколько скромныхъ и храбрыхъ русскихъ, но остальное! Теперь еще не время говорить объ этомъ подробно, но когда война кончится, выплыветъ на поверхность не мало разказовъ, которые взволнуютъ нашу совѣсть. Нѣтъ, старые щедринскіе типы у насъ еще не вымерли. Такъ они гдѣ-то прячутся, а вотъ разразится катаклизмъ, и вмѣстѣ съ великодушными, отважными идеалистами на боевые поля изо всѣхъ щелей поползутъ и эти. До боевыхъ полей, разумѣется, не доберутся, а до кабаковъ — непременно. Застрянутъ тамъ, и сейчасъ же: «Мы за васъ кровь проливаемъ» и въ «морду!». Разумѣется, если бы мѣстная власть не стѣснялась, — другое дѣло. Но бояться въ лицѣ такого обидѣтъ Россію и русскихъ. До чего противно было наблюдать здѣсь отечественные наши фрукты! Вообразили себя гдѣ-нибудь въ Царевкокшайскомъ уѣздѣ, и ну тыкать кулаками во всѣ стороны. Отвратительная ругань висѣла въ воз-

духъ. Сдержанные и скромные болгары только хватались за шапки. Приютить такого порядочная семья, — онъ подзываетъ къ себѣ почтеннаго папашу и, лежа грязными сапогами на шолковомъ одѣялѣ, заказываетъ:

— Приведи-ка ты мнѣ... понимаешь... Да получше.

Тотъ ушамъ своимъ не вѣритъ, — вотъ такъ освободитель!

А освободитель думаетъ, что его не поняли.

— Я, вѣдь, не даромъ... Ну, тамъ пять или десять левовъ.

Тотъ пятится въ ужасъ. Болгарія — страна нравовъ строгихъ.

— Чего ты боишься? Я тебѣ «гулямый бакшишь за момку дамъ».

Что творилось въ Сербіи! Туда строители изъ Москвы отправляли людей, во-первыхъ, съ бору и съ сосенки, увѣряя, что они все найдутъ въ Бѣлградѣ. Тамъ-де для нихъ готовы и деньги, и лошади, и ружья. Сербы, дѣйствительно, отвели русскимъ офицерамъ цѣлый отель и другой — солдатамъ. Но ихъ правительство вовсе не предвидѣло, что оно должно тратиться на эту, никому здѣсь не нужную компанію. Сразу явились крупныя недоразумѣнія. Добровольцамъ давали по 60 рублей на дорогу или считали имъ такую въ этой суммѣ. Отправляли ихъ въ третьемъ классѣ въ Бѣлградъ. Кавказскіе дружинники, смѣлые, боевые, пріѣхали поздно. Вообще, послѣ войны, когда по командѣ: «Стройся къ расчету!» начнется перемываніе грязнаго бѣлья, намъ придется помириться съ довольно-таки печальною истиной: за тридцать пять лѣтъ

наши нравы нисколько не измѣнились, и мы по-прежнему на всякое святое и великое дѣло вмѣстѣ съ достойными его бойцами посылаемъ такую нечехь, что лучше бы ей не пакостить русскаго имени, а оставаться дома. Когда я дописывалъ это, ко мнѣ зашелъ нашъ офицеръ, служившій въ Сербіи и раненый въ Битоли, а наканунѣ были москвичистуденты, дравшіеся тамъ какъ простые солдаты. Они подтвердили мнѣ всѣ эти прискорбные слухи. Москвичъ-офицеръ, лежавшій въ салоницкомъ госпиталѣ, рассказываетъ, какъ наши «якобы казаки» обивали пороги у тамошнихъ гражданъ, не давая покоя имъ своимъ попрошайничествомъ. Какъ это не поймутъ разъ навсегда, что нуженъ извѣстный нравственный цензъ на право драться за свободу. Ну, въ 1876 году, — тогда сербовъ было мало, и всякая рука была у нихъ на счету, а теперь, слава Тебѣ, Господи, Сербія выставила въ поле армію на 50,000 человѣкъ большую, чѣмъ она была обязана по союзному договору съ Болгаріей. Она принимала добровольцевъ изъ благодарныхъ воспоминаній о Россіи. Мы и послали ей конфетку! Долго будутъ ее помнить.

Въ Болгаріи, какъ я уже говорилъ, было не такъ.

Сюда попадали лучшіе люди. Вѣдь, всѣ ѣхали черезъ Сербію, и осадокъ оставался въ Бѣлградѣ. О многихъ я вамъ писалъ. Въ общемъ, повторяю, наши здѣсь не ударили лицомъ въ грязь и нашего имени не посрамили.

Есть тутъ графъ Камаровскій, котораго тянетъ всюду, гдѣ трещать ружья, грохаютъ пушки. Онъ началъ съ Трансваала и съ тѣхъ поръ ни одной войны пропустить не можетъ. Онъ и тутъ на боевыхъ позиціяхъ дѣлаетъ свое дѣло. И ря-

домъ прекрасные, скромные офицеры, показавшіе себя въ настоящемъ бою, такъ что невольно задаешься вопросомъ: да неужели это дѣти одного и того же народа, общественнаго строя, школы? Вотъ, напримѣръ, Римскій-Корсаковъ, — онъ дрался на юго-востокѣ, въ кирджалійскомъ отрядѣ, и такъ, что о немъ и Батюшковъ до сихъ поръ передаютъ здѣсь рассказы, которые, будь здѣсь мѣсто, я привелъ бы полностью. Храбрый, скромный, исполнительный Воеводскій — у насъ бы онъ давно былъ георгіевскимъ кавалеромъ. О немъ и пишутъ и рассказываютъ много. А то — уже мой знакомый по Италиі. Пѣлъ тамъ на сценѣ, писалъ въ газетахъ и, какъ артиллеристъ, хотя и морской, явился къ Радко Димитріеву. Провелъ все время на батарее, ни разу не оставивъ ее для отдыха. Работалъ, какъ дай Богъ и хорошему болгарину. А это великая честь и похвала! Это — Ленинъ (Ильинъ). Съ удовольствіемъ включаю его въ свой синодикъ. Если бы далекая Россія посылала только такихъ!..

Только что съ южныхъ позицій, чуть ли не у самага начала Дарданеллъ, вернулся славный боевой офицеръ Кабачіевъ. Онъ раненъ. Мы о немъ много писали въ свое время. Это тотъ самый, который съ кавалерійскимъ разѣздомъ ухитрился отнять у турокъ нѣсколько орудій и отогнать значительное пѣхотное прикрытіе. Онъ свидѣтельствуемъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ кавалерійскомъ отрядѣ было болѣе двадцати нашихъ добровольцевъ, — и офицеровъ, и простыхъ солдатъ, — и всѣ они, какъ на подборъ, оказались отважными въ бояхъ, скромными на бивакѣ, желательными товарищами лучшихъ болгарскихъ «войниковъ».

Прекрасный офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Полковниковъ. Онъ все время вмѣстѣ съ фонъ-Брантомъ, Ленинымъ, Аносовымъ былъ на болгарскихъ восточныхъ позиціяхъ. Съ ними ѣхалъ сюда изъ-подъ Адрианополя артиллеристъ поручикъ Дронъ. Скромны, храбры, наблюдательны, не бѣгаютъ ни отъ опасности, ни отъ тяжкаго труда. Это — настоящіе люди, которые нашли бы мѣсто въ любой арміи и были бы тамъ ея лучшими силами. Аносовъ — какъ солдатъ, остальные — какъ офицеры. Бѣдной Сербіи выпала иная участь. Она, какъ и въ 1876 году, получила изъ Россіи довольно-таки скверный осадокъ. Не везетъ въ этомъ отношеніи Бѣлграду. И, я думаю, преданность сербовъ къ намъ можно учесть не изъ заявленія ея государственныхъ людей и льстивыхъ статей руссофильской печати, а именно изъ ея терпимости къ такимъ гусямъ. Ужъ если этихъ выдержали, — ну, значить, любятъ!

Разумѣется, есть и трогательно-комическіе типы. Вотъ, на примѣръ, хотя бы бѣжавшіе изъ Кіева гимназисты. Ахъ, сколько здѣсь было такихъ! Старшему пятнадцать лѣтъ. Онъ ухитрился пробраться черезъ всѣ границы, попасть въ кавалерійскій отрядъ, кажется, подъ Дедеагачемъ, участвовать въ нѣсколькихъ дѣлахъ. У болгаръ трогательно уваженіе къ храбрости даже въ полуробенкѣ. Они и такихъ принимали, любуясь ими! Вѣдь, у нихъ собственныя дѣти таковы! Я его засталъ въ Демотикѣ. Большой, съ подозрительнымъ румянцемъ на щекахъ, кашляющій, голодный, облеченный въ турецкую фуфайку и защитнаго цвѣта феску низама и больше ничего. Въ «каміонѣ» его довели до Семенли, пѣшкомъ онъ добрелъ, весь въ

жару, до Кадыкіоя, оттуда въ холодномъ вагонѣ попалъ, наконецъ, въ Софію. Тутъ отогрѣлся и едва ли не въ первый разъ наѣлся, какъ слѣдуетъ, въ нашемъ госпиталѣ, на улицѣ Шипки. Мальчика я нашель уже порозовѣвшаго и окрѣпшаго. Но поэзія приключеній окончилась, начиналась зловѣщая проза — возврата на родину и, главное, въ . . . гимназію. Бѣдняга не боялся турокъ нисколько, пѣшкомъ обламывалъ ночные походы, спалъ подъ огнемъ, голодалъ по недѣлямъ, ходилъ въ бой какъ на праздникъ, — а тутъ чуть въ петлю не полѣзь изъ страха: какъ онъ предстанеть предъ грозныя очи . . . директора! Оказывается турецкія пули куда лучше. Даже хлебнулъ опіума, да врачи устроили ему столь грандіозное промываніе желудка, что едва ли онъ еще разъ прибѣгнетъ къ этому способу отвода гимназическихъ громовъ . . . Теперь за нимъ слѣдятъ въ оба, но я боюсь, какъ бы онъ еще разъ не обманулъ бдительности ужъ больничнаго начальства и сослѣпу, боясь директора, не удралъ, ну, поднимать, что ли, обиженныхъ арабовъ противъ итальянскихъ завоевателей или помогать итальянцамъ отнять у арабовъ еще не отвоеванные оазисы . . . И жалко мнѣ его, когда вспоминаю милые дѣтскіе, широко открытые глаза, и смѣшно . . . Настоящій русскій фруктъ. На пушку лѣзетъ, а передъ околочнымъ трепещетъ. Пишу это въ надеждѣ, авось, мои строки попадутся грозному директору, и онъ, встрѣтивъ львенка, уже обернувшагося зайцемъ, спрячетъ на время сокрушительныя перуны. Въ общемъ упадкѣ у насъ предпримчивости, характера, любви къ неизвѣстному и необычайному, въ сѣрой сплоши будничной дѣйствительности, та-

кой «старшій возрастъ» достоинъ даже нѣкоторой культивировки, какъ рѣдкое растеніе. Вѣдь, изъ подобныхъ бѣглецовъ могутъ вырасти будущіе герои. Они смѣютъ въ то время, какъ другіе мечтаютъ о смѣлости. Они не боятся выйти изъ окружающей ихъ плѣсени и хоть при одной мысли о встрѣчѣ съ директоромъ и глотаютъ опиумъ, но это дань еще не вывѣтрившемуся изъ ихъ душъ «младшему возрасту».

Изъ этого госпиталя бѣжалъ на позиціи другой юноша, санитаръ, и тоже «на войну». А вотъ, примѣръ, наши кадеты. Сыновья болгаръ, воспитывавшіеся въ русскихъ корпусахъ. Они здѣсь поступили въ ополченія, въ кавалерійскіе отряды и дрались съ палачами ихъ братьевъ. Дѣти въ побѣдный вѣнокъ взрослыхъ вплели и свои молоденькіе, только что пробившіеся и еще не развернувшіеся лавровые листочки. Я радуюсь этому. Бодрость, смѣлость и сила. Онѣ должны животноными ключами бить въ молодыхъ сердцахъ. Отъ мечты къ дѣйствительности вовсе не такъ далеко. Иногда достаточно шага. Боязливыя души остаются въ царствѣ грезъ, будущіе ратники великой борьбы съ злою старью дѣлаютъ этотъ шагъ... Маленькія ноги иногда болятъ отъ этого, — ну, да ничего, «до свадьбы заживетъ»! Разумѣется, отцамъ — тревога, матерямъ — мука. Но ужъ это такія должности. Я не забуду, какъ волновался даже болгарскій Скобелевъ, Радко Димитріевъ, узнавъ, что его сынъ, пятнадцатилѣтній кадетъ, тоже удралъ на войну, да подалше отъ ея восточнаго фронта, гдѣ его доблестный отецъ. Оттуда вернули бы юнаго воина, и онъ ударился куда-то въ западные кавалерійскіе отряды. Изъ него, разумѣ-

ется, выйдетъ человекъ, который гордо будетъ носить славное имя и не уронить его!..

LIV.

(Тридцать пять лѣтъ назадъ.)

Маленькій идиллическій уголокъ, у самаго порога Константинополя... Оставишь за собою мысь, отдѣляющій Санъ-Стефано отъ Макрикюя, и на сѣверо-востокъ весь горизонтъ передъ тобой заслоненъ царственною панорамой Византіи. Надъ холмомъ сотни величавыхъ бѣлыхъ минаретовъ и куполовъ Стамбула, придавившихъ къ землѣ мутное марево турецкой столицы. Какъ громадныя зажженныя свѣчи, эти минареты, тонкіе, стройные, поднятые въ высоту каменными руками своихъ мечетей, сверкаютъ подъ солнцемъ огнистыми полумѣсяцами. Ближе сюда безмолвныя и страшныя въ легендарномъ ужасѣ кровавыхъ воспоминаній, затянувшіяся мхомъ сѣбря башни Семибашеннаго замка. За Стамбуломъ едва мерещится твердыня Галаты и вся эта злополучная, но прекрасная, въ руинахъ и мраморахъ, поэма божественнаго Босфора... Тихія, синія воды подъ безоблачною лазурью, и между ними вѣчная фата-моргана замученнаго варварствомъ августѣйшаго города, вѣнца великаго европейскаго Востока. Онъ, точно въ зеркало, смотрится въ Мраморное море, и когда ночь окутаетъ все своимъ сизымъ мракомъ, два многоочитыхъ змѣя раскидываются передъ вами: одинъ — надъ недвижными водами, другой — въ нихъ... Тысячами огненныхъ глазъ сторожитъ онъ подступы къ нему, и такіе же пламенные взгляды кидаетъ на

него изъ-подъ своихъ кипарисовъ и платановъ такой близкій и словно притаившійся подъ рокоть неисчислимыхъ фонтановъ азіатскій берегъ... Тридцать пять лѣтъ назадъ въ маленькомъ жалкомъ домикѣ Санъ-Стефано побѣдоносная Россія подписала 19 февраля мирный договоръ съ Турціей, не осмѣливаясь переступить порога Константинополя. Открытый, незащищенный, онъ лежалъ передъ нею. Султанъ приказалъ тамъ очистить казармы для нашихъ войскъ, но герои сдѣлали свое дѣло, и мѣсто ихъ заступила малодушная дипломатія. Она послала триумфаторовъ на берлинскую скамью подсудимыхъ и сорвала съ нихъ обрызганные кровью лавры. У балканскихъ народовъ отняла половину мученической вѣковыми страданіями возвращенной земли, уже праздновавшей свѣтлый день освобожденія, а для будущаго сохранила, какъ реликвію, поводы къ новымъ страшнымъ, жестокимъ, безпощаднымъ войнамъ. Съялась ненависть между народами, и черезъ тридцать пять лѣтъ имъ опять пришлось начинать освободительную войну, заканчивать не довершенное нами, посылать на смерть новыя самоотверженныя арміи, и, разумѣется, герой и воинъ еще разъ окажутся въ липкихъ рукахъ старой, безпощадной, на этотъ разъ вѣнской бабы-яги...

LV.

Ровно за мѣсяць передъ тѣмъ, 19 января, въ Казанлыкъ прибыли турецкіе послы Серверъ и Намыкъ-паши заключать перемиріе съ нами. По пути, подъ Адрианополемъ, они узнали о шейновскомъ боѣ и сдачѣ доблестной арміи Вейсиль-паши генералу Скобелеву. На глазахъ у Намыка и Сер-

вера, этихъ двухъ голубей съ масличной вѣткою въ клювъ, Эйюбъ истреблялъ окрестныя села и гналъ мирныхъ жителей къ Константинополю. Серверъ и Намыкъ видѣли, какъ губернаторъ оттоманской Москвы ежедневно приказывалъ вѣшать тамъ по тридцати и сорока болгаръ. Синодикъ съ ихъ именами приведенъ въ моемъ «Годѣ войны». Между Эдирне и Старой Загорой паши едва пробирались въ сплошномъ движеніи магометанъ, бѣжавшихъ отъ стремительнаго похода Гурко, гнаваго передъ собой сулеймановскіе таборы. А подъ Германлы турецкіе уполномоченные уже наткнулись на скобелевскіе аванпосты.

— Вы — великодушные враги, — говорилъ онъ русскимъ. — Вы чтите несчастье.

И потомъ старый Намыкъ:

— Голова идетъ кругомъ. Земля колеблется подъ ногами. Не понимаю, гдѣ я, и что со мною. Зачѣмъ Аллахъ продлилъ мою жизнь? Къ чему она, когда отечество мое гибнетъ? Насъ обманули и Англія, и Австрія.

Какъ видите, и тогда уже Австрія, заполучившая, для водворенія въ нихъ порядка, Боснію и Герцеговину, все-таки играла на два фронта, подстрекая Турцію на безнадежное уже сопротивленіе.

— Мы побѣждены. У насъ ни средствъ, ни силъ для борьбы! — сказалъ Намыкъ-паша великому князю главнокомандующему.

— Мы явились просить милосердія, пощады и великодушія у Государя Императора, — продолжалъ Серверъ.

Николай Николаевичъ вынулъ изъ стола при- сланный наканунѣ съ фельдъегеремъ проектъ усло-

вій изъ Петербурга. Блѣдный и дрожащій, Намыкъ, не глядя въ роковой листъ, опустилъ съ нимъ руку и спросилъ:

— Ваше высочество! Что здѣсь? Смерть или только униженіе Турціи?

Но, по мѣрѣ чтенія документа, лица у пословъ прояснились. Точно они возвращались къ жизни. Въ числѣ условій была сдача Адрианополя, но этого не понадобилось. Еще не успѣли Намыкъ и Серверъ уйти къ себѣ, какъ скобелевскій ординарецъ, весь въ пыли и грязи, вошелъ къ великому князю.

— Сегодня, утромъ, Адрианополь занятъ.

Намыкъ заплакалъ: Эдирне — мусульманская Москва. Сдача ея — ударъ по всему Востоку. Пашѣ уже грезился убитый Абдуль-Гамидъ, рѣзня въ Константинополѣ.

— Теперь некому будетъ заключить миръ! — воскликнулъ онъ.

— Этого не можетъ быть! — возразилъ Серверъ. — Въ Адрианополѣ сейчасъ, вѣрно, Сулейманъ.

— Сулейманъ разбитъ и бѣжалъ во Фракіійскія горы съ двадцатью таборами, бросившими оружіе.

— Аллахъ предаетъ Турцію!

Главная квартира рѣшила перебраться въ Адрианополь. Послы въѣхали сюда на другой день послѣ главнокомандующаго. Они еще болѣе опустили головы, видя ликующее населеніе. Особенно ихъ поразили греки. «А мы еще хотѣли отдать имъ болгаръ!» Они пошли въ величавую мечеть султана Селима, которая, какъ царственный вѣнецъ, съ четырьмя минаретами и величавымъ ку-

поломъ вѣнчаетъ Адрианополь. Тамъ стояла благоговѣйная тишина. Развернутые кораны лежали на аналояхъ. Лампады горѣли сотнями огней. У михраба торжественно и печально звучала молитва главнаго улема. Подъ защитой джамій у плачущихъ фонтановъ спасались турецкія семьи, и русскій солдатъ дѣлился съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба. Ночью прискакалъ генераль-адъютантъ султана. Серверъ и Намыкъ тотчасъ же попросили аудіенціи у главнокомандующаго. Три часа они провели въ конакѣ у его высочества, умоляя смягчить и безъ того умѣренныя требованія побѣдителей. Надо сказать правду, и мы нуждались въ мирѣ. Гвардія, сдѣлавшая изумительный походъ изъ-подъ Софіи, по пятидесяти верстѣ въ день, въ родѣ нынѣшнихъ аннибаловскихъ походовъ болгаръ, пришла безъ сапогъ и рубахъ, въ оборванныхъ шинеляхъ, голодная и утомленная. Армія была гораздо свѣжѣе. Скобелевцы и желѣзная бригада выстраивались, какъ на парадѣ. Полки на Шипкѣ у Радецакаго были также оборваны, но не утомлены.

— Миръ или война?

— Перемиріе на условіяхъ мира. Завтра опредѣлится все. Скобелевъ уже въ Чаталджѣ. Его полки, въ случаѣ несогласія уполномоченныхъ, двинутся на Константинополь.

Паши возвращались убитые.

Наступило 19 января... Конакъ молчалъ. Въ скупомъ и мутномъ свѣтѣ зимняго дня толпы солдатъ и народа стояли подъ балконами. На лицахъ у болгаръ было смертельное безпокойство. Я думалъ, что и сегодня ничего не будетъ, какъ вдругъ меня отыскалъ вѣстовой.

— Пожалуйте на молебствіе . . .

— А что такое?

— Зовутъ всѣхъ въ комнаты великаго князя.

Перемиріе было подписано!

— Ваши войска побѣдоносны. Народное чувство русскихъ удовлетворено. Вамъ радость и торжество, а мы . . . Я долженъ подписать разрушеніе и смерть Турціи, — рыдалъ Намыкъ, принимая отъ Нелидова перо.

«Миръ, миръ!» — слышалось на улицахъ. Точно волна, поднялся народъ. «Ура» громами катилось отъ джаміи Селима до мечети Мурада, замирая у развалинъ стараго серая, взорваннаго турками . . . Ярko освѣщены залы конака. По окончаніи молебна, точно по уговору, всѣ начали христоваться.

— Христось воскресе!

— Поздравляю. . . Отъ имени Россіи благодарю васъ! Вы честно поработали, герои и товарищи! — крикнулъ главнокомандующій солдатамъ.

Я думалъ, что стѣны конака рухнутъ отъ отвѣтной бури. Къ потолку летѣли шапки. Оркестръ утонулъ въ ревѣ торжествующей стихіи.

Я вышелъ на балконъ.

Всюду бѣжали женщины съ дѣтьми на рукахъ, — вдовы убитыхъ въ Старой Загорѣ и Казанлыкѣ болгаръ.

— Да живетъ наша Руссія! Да живетъ царь Александръ! . . .

На джаміи Селима надъ городомъ тоже горѣли огни, точно и мусульманская святыня радовалась торжеству свободы.

LVI.

Но, увы! — скоро дѣйствительность показала, что нельзя вѣрить даже и плачущимъ туркамъ. Наши дипломаты добродушно слушали любезности Савфеть-паши, Игнатъевъ сіялъ, великій князь ходилъ радостный, мы всѣ съ часу на часъ ожидали конца войны... Намыкъ и Серверъ стушевались. Савфеть своими улыбками, лестью, униженіями, восторгами передъ русской доблестью протянулъ дѣло насколько возможно, а потомъ неожиданно:

— Я не признаю своей подписи... Не понималъ, что дѣлалъ... Утомленіе помѣшало мнѣ вникнуть... Турція не согласна на уступки въ пользу Сербіи и Черногоріи.

Совершенно картина сегодняшней яви въ Болгаріи и Лондонѣ.

Игнатъевъ прибѣжалъ въ конакъ мрачный, расгербанный. Главнокомандующій вышелъ гроза-грозой.

— Послать за Савфетомъ.

Ритуальная улыбка турецкаго паши, ласковое лицо и выраженіе безпредѣльной преданности въ суженныхъ, заплывшихъ глазахъ.

— Вы пріѣхали торговаться съ нами?

— Я, ваше высочество, уполномоченъ былъ прежнимъ министромъ. Сейчасъ въ Стамбулѣ новый... для него уступки стараго необязательны.

— Идите вонъ и помните: если я черезъ двадцать четыре часа не получу отвѣта, достойнаго побѣдоносной Россіи, я на штыкахъ императорской арміи внесу свои условія въ Стамбуль... Константинополь будетъ взятъ съ боя!

Савфетъ вышелъ растерянный, и не успѣлъ онъ исчезнуть въ дверяхъ, какъ показался Николай Николаевичъ.

— Начальникъ моего конвоя!

— Здѣсь.

— Къ тремъ часамъ пополудни мы выступаемъ впередъ по пути къ Константинополю. Возьми и лейбъ-казаковъ. Попросите сюда Гурко и Нагловскаго.

На военномъ совѣтѣ рѣшено поручить командование войсками первому. Посадить стрѣлковыя бригады на казачьихъ лошадяхъ, занять первые форты между демаркаціонными линиями русской и турецкой. Четвертой стрѣлковой бригадѣ быстро захватить ключъ чаталджинской позиціи, восхищавшій еще Мольтке, когда онъ путешествовалъ по Турціи простымъ офицеромъ. Это соотвѣтствуетъ, кажется, нынѣшнему Караколь-Нокта. Шувалову съ гвардіей двинуться прямо на Бююкь-Чекмедже, тоже памятный по нынѣшней войнѣ. Генералу Струкову сдѣлать рейдъ къ Константинополю . . .

LVII.

Въ розовомъ заревѣ утренняго разсвѣта многоминаретный, весь въ куполахъ, профиль Адрианополя. Направо четырехугольная башня и развалины римской крѣпости. Еще минута, — и все это точно сонъ позади. Блекляя, пустынные окрестности. У Кулели-Бургаса мы миновали два моста черезъ Марицу. На другой день, въ полдень, я былъ съ казаками конвоя.

— Приказано ѣхать впередъ.

— Куда?

— Неизвѣстно. Тамъ будетъ видно.

— Значить, мы первыми за черту демаркаціонной линіи?

— Да. Поѣздъ готовъ. Садитесь.

Въ вагонѣ заняли мѣста командиръ конвойнаго эскадрона флигель-адъютантъ Жуковъ, его офицеръ, переводчикъ Барановскій и я. Двѣсти казаковъ въ поѣздѣ. Еще минута, — демаркаціонная линія позади. На пять верствъ ни одной живой души. Вотъ линія грозныхъ фортовъ¹, за ними Наташкой. Отъ редута къ редуту ложементы, грозно съ холмовъ смотрятъ мѣдныя дула орудій. Что за разнообразіе фортификаціи! Есть укрѣпленія трехъярусныя, башенныя, откуда зѣвы пушекъ далеко высматриваютъ свою добычу. Вдали масса людей. Это Хадемкой. Здѣсь кончается демаркаціонная линія. Низамъ и артиллеристы сплошь вдоль полотна желѣзной дороги. У станціи группа офицеровъ и паша. Поѣздъ останавливается.

— Провѣрьте боевую готовность! — приказываетъ Жуковъ.

Казакъ осматриваютъ ружья и шашки. Паша рекомендуется Жукову.

— Куда вы?

— Впередъ.

— Мы не получили никакихъ распоряженій.

— Попробуйте оказать сопротивленіе.

Паша недоумѣло пожимаетъ плечами. Вмѣшивается толстый, благополучный бимъ-баши.

— Вы теперь и до Мекки могли бы пойти безъ выстрѣла.

Паша опомнился: «Я запрошу телеграммой Ре-

¹ Нынѣшніе Чаталджинскіе.

уфъ-пашу». Сейчасъ же получился отвѣтъ: «Laissez partir à Kutchuk-Chekmedji».

Поѣздъ опять въ пустынь. Отрядъ черкесъ скачетъ мимо. Остановились, хватаются за ружья, — мы уже далеко впереди. Вотъ невысокія горы. Многочисленные лагеря на нихъ. На дороге выбѣгаютъ солдаты съ ружьями. Вонъ отрядъ взялъ на-руку и ждетъ. Нашъ поѣздъ врѣзывается въ ихъ гущу. Наконецъ, сдѣлавъ еще поворотъ, встрѣчаемъ... нашихъ преображенцевъ! Шува-ловъ прибылъ одновременно. Онъ самъ уже въ Санъ-Стефано...

Въ лунномъ свѣтѣ совсѣмъ бѣлая дорога къ серебряному мареву домовъ Санъ-Стефано. Видно Мраморное море. Вдали черные силуэты судовъ. Откуда-то тихая печальная пѣсня.

LVIII.

Савфеть-паша послѣ нашего движенія отъ Адрианополя къ Санъ-Стефано сталъ было мягокъ, какъ воскъ, но тутъ вдругъ заартачился. Англійскіе совѣты, какъ и австрійскіе теперь, дѣйствовали. Онъ соглашался на все для Болгаріи, но не хотѣлъ и слышать о Сербіи и Черногоріи. Старался поссорить Игнатьева съ ихъ уполномоченными Катарджи и Лѣшанинымъ. Рассказывалъ, какъ Ристичъ и Христичъ поносили Россію. Возбѣшенный Ристичъ потребовалъ очной ставки съ нимъ.

— Это подлая ложь!

— Я не считаю достойнымъ объясняться съ вассалами моего государя.

Извивался какъ налимъ. Кидался во всѣ стороны.

Мы выстроили тридцать тысячъ войскъ передъ Константинополемъ. Сдѣлали примѣрный маневръ на Стамбуль. Подѣйствовало. Паника и голодъ подняли мирныхъ жителей. «Дѣлайте, что хотите, только пусть хлѣбъ подешевѣетъ!»

Рѣшительнымъ часомъ былъ второй пополудни 19 февраля.

Громадная равнина Ай-Майноса. На востокѣ синія волны Мраморнаго моря, а за ними въ лазури Принцезы острова, — причудливые, волшебные, точно выхваченные изъ сказки. На сѣверѣ — несравненный миражъ Константинополя. Низко-низко бѣгутъ гонимыя южнымъ вѣтромъ тучи. Чудный край точно поблѣднѣлъ въ сѣрой дымкѣ. Въ трехъ боевыхъ линіяхъ герои двѣнадцати побѣдъ и безпримѣрныхъ походовъ. Правый флангъ ихъ упирается въ берегъ, лѣвый — въ желѣзнодорожное полотно. Впереди походный алтарь. Недвижны знамена, окуренные еще пороховымъ дымомъ двѣнадцатаго года. Молчаніе въ стройныхъ рядахъ. Вонъ англійскій броненосецъ медленно идетъ мимо. На палубѣ красные мундиры. Стояли мы, стояли, — и вдругъ команда: «Со-ставь!». Ружья въ козлы. Боевыя линіи сломались. Солдаты всколыхнулись. Не отложили ли переговоровъ? Не отказался ли Савфетъ опять? Чего добраго. Если такъ, мы сейчасъ двинемся къ Константинополю. Ружья у всѣхъ заряжены. Съ каждымъ солдатомъ около ста патроновъ. Зарядные ящики позади. Вонъ у самага края Стамбула Мухтаръ-паша со своимъ отрядомъ. Не выдвинули ли его защищать столицу Абдуль-Гамида?

Прошелъ часъ.

Томятся всѣ. Нервничаютъ самые терпѣливые.

— Въ ружье!

Опять вытянулись желѣзные ряды. Смолкли побѣдные легіоны. Четверть часа ожиданія, — и вновь:

— Со-ставь!..

А вѣтеръ хоть и съ юга, но все холоднѣе и холоднѣе. Брызнуло дождемъ. Солнце золотыми лучами на минуту разорвало тучи и загорѣлось на бѣломъ призракъ Сулейманіе. Вотъ изъ Константинополя бѣжитъ поѣздъ съ однимъ вагономъ. Тамъ личный адъютантъ султана. Конецъ войны или начало новой?

Въ половинѣ пятаго «въ ружье!», въ пять «со-ставь!», и такъ нѣсколько разъ до семи. Темнѣеть. Точно кто-то густыми синими завѣсами затягиваетъ горы азіатскаго берега и странные профили Принцевыхъ острововъ. Шумнѣе бьется море. Бѣлая пѣна вскидывается далеко на берегъ. Пароходы изъ Золотого Рога увозятъ массы константинопольцевъ обратно. Вѣрно, не сегодня... Всѣ окоченѣли. Сумерки набросили оттѣнокъ мрачности на солдатскія лица. Длинный строй теряется уже въ медленно подступающей ночи.

Кто-то скачетъ изъ Санъ-Стефано. Мы различаемъ адъютанта великаго князя — Муханова.

— Миръ или война?

— Миръ, миръ! Его высочество сейчасъ будетъ здѣсь.

Радостный гулъ. Солдаты подтягиваются, и не успѣло еще опять раздаться «въ ружье!», какъ боевыя линіи замерли. Боже мой, откуда столько набралось генераловъ? Ъдутъ и ѣдутъ. Точно кто сыплеть ихъ изъ чудовищной горсти. За всю войну ихъ не было видно, будто изъ земли къ этому

дню выросли. Вонъ Игнатъевъ. Радостный, возбужденный. Его обступили.

— Миръ, господа, миръ. Тридцать пять тысячъ квадратныхъ верстъ у турокъ отняли. Сейчасъ только подписано...

Задыхается...

— А условія?

— Блестящія, блестящія. Не стыдно намъ вернуться. Черногорія въ четыре раза увеличена. Сербіи — територіальное вознагражденіе. Устья Дуная намъ, но Государь не желаетъ отнимать ихъ у Румыніи. Граница Болгаріи у Люле-Бургаса, Адрианополь остается турецкимъ, но онъ вкрапленъ въ болгарскія владѣнія. Мы получаемъ Карсъ, Батумъ, часть Арменіи.

Издали, сначала смутное, «ура!» и военная музыка. Растутъ и растутъ. Все сливается въ одномъ радостномъ крикѣ. Въ немъ, точно въ вихрѣ, несетя сюда главнокомандующій, въ свитѣ котораго мы различаемъ турецкихъ пашей. Адъютантъ султана уже давно здѣсь. Торжествующій гулъ боевыхъ привѣтствій уносится къ флангамъ неподвижной арміи вслѣдъ за Николаемъ Николаевичемъ, наконецъ, онъ медленно возвращается къ алтарю.

— Господа, раздвиньтесь.

— Что же мои уланы?.. Гдѣ уланы?

Подскакали и они, какъ два крыла, раскинулись по сторонамъ. Главнокомандующій снимаетъ фуражку.

— Богъ даровалъ намъ послѣ столькихъ усилій (голосъ его дрогнулъ) славный миръ. Ура!

Кругомъ точно все затрепетало отъ внезапно сорвавшихся громовъ. Первый разъ торжествую-

щій, побѣдный крикъ носился у Босфора. Что-то странное послышалось за мною. Оглядываюсь. Старый болгарскій воевода, стоя на колѣняхъ, рыдаетъ, протягивая, безсильныя теперь, руки къ солдатамъ, завоевавшимъ свободу его многострадальной родинѣ.

— Я вамъ этимъ обязанъ, — громко, волнуясь, кидаль Николай Николаевичъ въ тройную боевую линію войскъ. — Я радъ за гвардію, благодарю гвардію, которою столько лѣтъ командоваль. Она оправдала мои ожиданія.

Объ арміи — ни слова. Она осталась позади. Верстахъ въ семи отсюда! Ее не благодарилъ никто. Героевъ Зеленыхъ горъ, Шипки, Шейново, Ловчи не вспомнили на праздникъ великихъ побѣдъ. Ея генералы не были призваны сюда, офицеры даже не знали, что совершается на поляхъ Ай-Майноса.

LIX.

Нѣсколько лѣтъ спустя я посѣтилъ Санъ-Стефано.

Забытый греческій городъ спалъ у лазурныхъ водъ Мраморнаго моря. На братскомъ кладбищѣ паслись коровы. Сюда отовсюду свозили соръ и отбросы. Раскрытыя и оскверненныя русскія могилы зіяли, настезь открывая заброшенность и запустѣніе. Я вспомнилъ еще не отзвучавшіе въ моихъ быляхъ крики торжества, весь этотъ свѣтлый праздникъ свободы и независимости. Слова Н. П. Игнатьева точно въявь прозвучали опять, и невольная печаль охватывала душу. Герои и мученики сдѣлали свое дѣло, но вмѣсто побѣдныхъ лавровъ ихъ позвали судиться во враждебный, рев-

нивый къ чужой славѣ Берлинъ. Дипломатическія ножницы обстригли великолѣпныя лавры триумфаторовъ. Посрамленные и оскорбленные былинныя богатыри вернулись съ горькимъ сознаниемъ дорого стоившихъ и неоконченныхъ задачъ. Залитыя кровью поля остались за Турціей и въ зловѣщее будущее брошены съ столь позорящаго насъ конгресса сѣмена великихъ бѣдствій, кровавыхъ боенъ и новыхъ разочарований. Забалканскіе народы и тогда уже могли бы прочно стать въ своихъ предѣлахъ. Нѣтъ, нужны были опять мучительныя судороги разорительныхъ войнъ...

И сейчасъ опять вѣнская баба-яга грозитъ торжествующимъ богатырямъ.

Она сумѣетъ ободрать побѣдныя знамена, растоптать боевыя вѣнки и свести на-нѣтъ все, что искуплено морями народной крови и вѣчною мукою челоуѣчества, стремящагося къ великимъ благамъ свободы, счастья и независимости.

LX.

Духъ болгарской арміи, талантливость и беззавѣтная служба свободному народу ея вождей, мудрая предусмотрительность, рѣшительность и быстрота удара во-время, выжиданіе, когда это надо, генеральнаго штаба, дали бы побѣды, но далеко не такія яркія, стремительныя, неодолимыя. Громаднымъ плюсомъ къ высокимъ боевымъ качествамъ приобщилаь изумительная выносливость селяка-солдата. Подобною не могутъ похвалиться лучшія войска старой Европы, развѣденныя сифилисомъ, развращенныя и ослабленныя алкоголиз-

момъ, выброшенные на поля битвъ дымными удушливыми фабриками, воспитавшія въ себѣ ненависть къ своимъ верхамъ и недоувѣріе къ сосѣду. Европейскій солдатъ, хилый, узкогрудый, капризный въ ѣдѣ и питьѣ, зябкій и слишкомъ привязанный къ жизни, чтобы равнодушно встрѣчать смерть, не можетъ стать локоть къ локтю съ болгарскимъ. Сейчасъ предо мною недавнею явью уходятъ памятные ржавыя, голыя поля въ осенніе и зимніе туманы беззащитной и безлѣсной туречины. Черными зигзагами по мокрымъ косогорамъ едва намѣчиваются передовые ложементы. Холодные дожди залили ихъ насквозь пронизывающей жижей, и въ этой жижѣ цѣлыми днями и ночами сидятъ и лежатъ солдаты. Подъ пронзительнымъ, знобящимъ дыханіемъ черноморской боры высматриваютъ врага, за сторожевыми позиціями, не зная смѣны, коченѣютъ густые резервы. Сколько напоследокъ мнѣ ни случалось посѣщать ихъ, жить съ ними днемъ, прислушиваться къ зловѣщей тишинѣ безглазой ночью, — все равно. Въ моихъ впечатлѣніяхъ не намѣтилось ни малодушной жалобы, ни болѣзненного стона, ни безсильнаго, вырваннаго страданіемъ рѣпота на судьбу. Армія въ этихъ страшныхъ условіяхъ оставалась такою же бодрой, сильной и смѣлой. Окончилась холера, вырвавшая изъ желѣзныхъ стойкихъ рядовъ три тысячи жертвъ; болгарскіе ополченія, полки и дружины, впитавъ въ свои ряды два новыхъ набора, оказались такими же здоровыми, какъ и въ началѣ войны. Подъ жесткою буйволовою кожей — стальные мускулы, свитые изъ проволоки нервы. Такихъ людей легко вести къ побѣдѣ. Генералу не зачѣмъ оглядываться — отсталыхъ нѣтъ, боль-

ныхъ мало, да и больные не киснутъ, не нуждаются въ отдыхѣ, не маячатъ мѣсяцами по госпиталямъ, а подлѣжившись возвращаются въ свои части. Свободные люди сами вотировали эту войну и знаютъ, что побѣда даромъ не дается. Не приходится вызывать охотника. Въ минуту опасности, — на роковой, неизбежный подвигъ посылаютъ очередную роту, батальонъ, полкъ, и они, какъ подъ Адрианополемъ, Лозенградомъ, Бунаръ-Гиссаромъ, потеряютъ половину, двѣ трети своихъ, но, сомкнувъ стойкіе ряды, не дрогнуть, не отступить, а окончатъ сознательную задачу. Настоящіе богатыри понимаютъ на что и за что идутъ. Не нуждаются въ показѣ и приказѣ. Если и грѣшатъ, то только безуміемъ смѣлыхъ. Не могутъ выжидать врага на себя, не любятъ обходить его, таится въ западнѣ. Одурающею кипенью подымается въ душѣ ненависть освобожденнаго гражданина къ вчерашнему палачу, и «войники», увидѣвъ его, идутъ въ лобъ, наперерѣзъ, навстрѣчу, на ножъ. Японцевъ надо было подбодрять, подкалывать съ тыла штыками, разстрѣливать отставшихъ. Здѣсь ничего подобнаго. Великая народная война, и когда слонявые фарисеи вѣнской печати сѣяли по всему свѣту ложь на болгарскую армію, мнѣ дѣлалось стыдно за этихъ наемныхъ клеветниковъ и плакальщицъ варварской Турціи. Когда же и гдѣ завоеванія свободы давались даромъ народамъ, сбравшимся у великихъ знаменъ? Борьба титановъ мрака съ витязями свѣта, здороваго, сильного, просвѣщеннаго и самоуправляющагося «завтра» съ злостью сегодняшней старью? Попробуйте быть слабыми, мягкотѣлыми, слезливыми, какъ засидѣвшіяся гнилозубыя, отекишія невѣсты съ флюсами. По

нравоучительнымъ розовымъ книжкамъ для младшаго возраста Это, можетъ быть, и хорошо, но кому? Разумѣется не рыцарю настоящей красоты, правды и любви, не ожидающимъ его меча и считающимся въ застѣнкахъ племенамъ. Я понимаю въ этомъ отношеніи Австрію. Вѣдь она сама та же Турція слѣдующей очереди. Но чего ради мы обѣжимъ за ея подоломъ? Боязнь войны? Да вѣдь если бы мы съ самаго начала не торопились навстрѣчу Вѣнѣ съ собачьей угодливостью, никакой такой не было бы. Сила всегда рѣшительна. Она знаетъ, чего хочетъ, и твердо ставитъ свои программы. Ничего такого, что сейчасъ съ роковою неизбѣжностью ведетъ къ міровому поединку народы и расы,—не было бы, если бы слѣпая, хвастливая и малодушная въ одно и то же время дипломатія не сыграла бы здѣсь такой глупой, трусливой и злополучной роли. Если бы биржевая игра на повышеніе не убивала духа и не слѣпила глазъ государственнымъ рулевымъ. Вотъ ужъ именно: время великое, а люди малые. По плечамъ первому Петры Великіе, Оливеры Кромвели, Цезари — а на дѣйствительной службѣ у него оказываются какія-то гнѣзда тонконогихъ опенокъ, мухоморовъ и тусклѣйшая плеяда многоплодныхъ и всепроникающихъ Гирсовъ... И время великое и народы великіе, а ихъ повѣренными на вселенскомъ судѣ выступаютъ аккуратные, но близорукіе часовые мастера или чиновники жеманфишисты. Залѣпять гумозой живую рану и воображаютъ, что ея нѣтъ, а она внутри къ самому сердцу пробивается гангренозными корнями; оттянуть на завтра ту операцію, какую надо сдѣлать сейчасъ, работая на бюро похоронныхъ процессій. Кстати, знаете

ли — послѣднее отъ одного изъ такихъ гумозныхъ фабрикантовъ. Его спрашиваютъ: какое на васъ впечатлѣніе произвели воскресныя манифестаціи въ Петербургѣ?

— Манифестаціи, гдѣ?.. (Монокль въ глазъ и кривая брезгливая гримаса на безкровныя сухія губы.)

— На улицахъ.

— На улицахъ? О, я улицы не вижу. У меня хорошій закрытый автомобиль. А дома спущены гардины.

Величіе сына, не знающаго свѣта.

LXI.

Я говорилъ о выносливости болгарскаго солдата.

Въ русскихъ общинахъ «Краснаго Креста» (исполнять ему! Онъ въ это безвремяе сослужилъ великую службу Россіи за Балканами!) мнѣ и въ Лозенградѣ и въ Софійи много рассказывали наши врачи о томъ, что можетъ безъ стона и жалобы выносить тамошній «войникъ». Всякій другой возмущился бы, грозилъ, жаловался и проклиналъ. Этотъ молчитъ и только на вопросъ, какъ онъ вынесъ все, сумрачно роняетъ: «Такъ надо, войны мы всё хотѣли. Тамъ, гдѣ есть побѣды, неизбежны и жертвы!»

Въ какомъ видѣ этихъ мучениковъ побѣдъ доставляли въ наши походные госпитали? Придумать этого нельзя — воображеніе безсильно создать такія картины человѣческой муки. Очень часто больныхъ и раненыхъ богатырей привозили въ Лозенградъ умиравшими отъ голода. Замѣьте, въ Лозенградѣ, большой городъ, съ богатыми окрест-

ностями, гдѣ всего довольно. Отсюда на весь эвакуационный путь можно было выслать походныя кухни, если бы о такихъ озаботились, и припасы изъ хорошо снабженныхъ лавокъ, охотно принимавшихъ реквизиціонныя расписки.

А въ Лозенградѣ сидѣлъ на медицинскомъ воеводствѣ знаменитый врачъ, бывшій, какъ говорятъ, до войны великолѣпнымъ окулистомъ или «поушнымъ болѣзнямъ», докторъ Кирановъ.

Запомните это имя.

Когда окончится война, г. Киранову придется держать великій отвѣтъ на страшномъ судѣ народнаго собранія. Вотъ человекъ, которому никто не позавидуетъ.

Занявъ отвѣтственный постъ — онъ не пошевелилъ пальцемъ, чтобы выполнить мало-мальски сносно свои святыя обязанности. Какой-то выродокъ въ этомъ самоотверженномъ, воодушевленномъ народѣ.

Съ нимъ связываютъ многіе ужасы, творившіеся здѣсь.

Я его видѣлъ просиживающимъ часами въ офицерскомъ собраніи Лозенграда за завтраками, обѣдами, чаями, краснолицаго, вялаго, беззаботнаго, иногда растеряннаго, когда на него набрасывался заботливый и дѣятельный губернаторъ, генералъ Вазовъ, всегда лѣниваго и соннаго. Онъ на окрики, упреки и жалобы только моргалъ глазами. Надо отдать справедливость его гастрономическому мужеству. Все это не лишало его аппетита и сна. Имъ бы, какъ паціентомъ, гордился любой санаторій!

Зато на работѣ я его не встрѣчалъ никогда.

То, что я передалъ здѣсь, провѣрено мною.

Мало того, что онъ самъ былъ неспособенъ къ напряженному, не знающему отдыха, самоотверженному, часто неблагодарному труду военного времени, онъ ненавидѣлъ того, у кого эти качества оказывались налицо... Это былъ, такъ сказать, генераль-инспекторъ боевой медицины. Можете себѣ представить, какъ на дѣлѣ показали себя его подчиненные!

Тухлая и пухлая немочь, зятая въ военные мундиры.

И это — опять повторяю — въ доблестной болгарской арміи. Въ лучшей изъ армій.

LXII.

Въ какомъ видѣ являлись мученики побѣдъ въ походные лазареты?

Страшно писать объ этомъ. Но и на боевыхъ позиціяхъ, и въ Лозенградѣ, и въ Софіи сами болгары просили меня:

— Не дайте забыть этого.

Въ яркомъ блескѣ великихъ побѣдъ исчезаютъ темныя пятна. Въ торжествующемъ ревѣ мѣдныхъ трубъ — не различить тихой жалобы. А между тѣмъ, когда окончится война, надо, чтобы народъ зналъ не только своихъ витязей, но и воровъ. Неизвѣстно еще, что ему нужнѣе: славить первыхъ или казнить вторыхъ. Вѣдь и то и другое оздоравливаетъ современность и раздвигаетъ горизонты будущаго.

Въ лазареты Лозенграда доставлялись съ далекихъ позицій и изъ ближайшихъ къ боевымъ полямъ госпиталей раненые и больные такими, что

наши «сестры» рыдали, принимая ихъ. Это были не люди, а шевелившіяся кучи насѣкомыхъ. Изъѣденные, въ струпьяхъ, въ грязи неопикуемой. Бѣлье на нихъ оказывалось все въ запекшейся крови, гниющее или сгнившее. Такъ ихъ принимали съ перевязочныхъ пунктовъ въ эвакуаціонные. Тутъ вновь надѣвали на несчастныхъ «мучениковъ побѣдъ» ту же мерзость. Даже въ самомъ Лозенградѣ изъ мѣстныхъ болгарскихъ госпиталей нашъ «Красный Крестъ» получалъ ихъ въ смрадномъ заскорузломъ, запекшемся бѣльѣ.

— Отчего вы не переодѣли ихъ? Вѣдь эта зараза касается открытыхъ ранъ...

— Негдѣ достать холста! — отвѣчали Кирановъ и его присные.

И это было ложью. Сплошною ложью. Наши Кауфмановская и Георгіевская общины въ лавкахъ Лозенграда нашли громадныя запасы его. Собрали болгарскихъ дѣвушекъ и сейчасъ же, не теряя ни дня, ни часу, открыли мастерскія, откуда всѣ наши Зольницы были снабжены прекрасными рубахами. И не только наши, но русскій «Красный Крестъ» и болгарскія учрежденія этого рода снабдилъ всѣмъ, въ чемъ они нуждались. По всей справедливости долженъ повторить здѣсь: трудно описать все, что для этихъ «мучениковъ побѣдъ» сдѣлано «Краснымъ Крестомъ». Я видѣлъ здѣсь на работѣ А. И. Гучкова, П. Н. Тыртова, десятки врачей и сестеръ и скажу одно: если наша дипломатія, какъ всегда, оставитъ за Балканами ненависть и разочарованіе— русскіе врачъ и сестра своими великодушными подвигами, да, именно подвигами, сотрутъ ихъ изъ благодарной памяти народа.

Кожа изъ крови и гноя вмѣсто бѣлья — еще

вступленіе къ настоящему аду, который мнѣ приходится описывать. Вѣдь я говорю не о боевыхъ позиціяхъ. Тамъ и у старыхъ армій не рѣдки такіе же недочеты. Подъ гранатами и пулями — люди обходятся тѣмъ, что подъ руками. Сейчасъ — описываю центральныя врачебныя учрежденія.

LXIII.

Не знаю даже, какъ рассказать это? Ну, представьте себѣ людей въ собственныхъ футлярахъ. Изъ отбросовъ и выдѣлений образовалась кора, присохшая къ раненому. По всему пути на эвакуаціонныхъ пунктахъ его даже не догадались вымыть, снять съ него форму и въ такомъ видѣ доставили въ нашъ лазаретъ «Краснаго Креста». Недаромъ «сестры» плакали, видя это уничтоженіе «рыцаря побѣды». Отвратительная гніющая масса была гробомъ, въ который заключалось больное, страдающее тѣло. И вѣдь — таково здоровье этого удивительнаго народа, что все это «мученики» не только безропотно вынесли, но и одолѣли, кора не заразила открытыхъ ранъ. Смертность была почти нулевая! Мнѣ потомъ ихъ показывали врачи. Выздоровливающіе имѣли цвѣтушій видъ, точно они и не прошли черезъ весь этотъ ужасъ. Я рассказываю о неряшливости и беззаботности достойныхъ подчиненныхъ г. Киранова, но вотъ вамъ фактъ, рисующій даже преступную небрежность его врачей.

Допускаете ли вы возможность, чтобы повязки и перевязки накладывались не прямо на рану.

Надо имѣть глаза и только.

Очевидно здѣсь это дѣлалось сослѣпу.

Нижнее бѣлье и штаны присохли къ пораженному мѣсту. Ихъ не отмочили, не сняли, рану не обеззаразили. Нѣтъ. Какъ доставили съ поля сраженія раненаго, такъ ему и положили перевязку, иногда лубки... Поверхъ сукна и бѣлья, поверхность этой зараженной, гніющей, кишасцей тысячами насѣкомыхъ коры... Не снявъ этого бѣлья, не вымывъ, не обеззаразивъ его — облекали опять въ такіе запекшіеся футляры отправляемыхъ дальше.

Чего же смотрѣли на эвакуаціонныхъ пунктахъ хотя бы въ томъ же Лозенградѣ? Вѣдь раненый оставался на нихъ нѣсколько дней, пока его прислали въ госпиталь «Краснаго Креста».

Что этотъ удивительный, жизнеспособный, сильный народъ можетъ вынести!

LXIV.

Чего требовать отъ эвакуаціонныхъ пунктовъ — вдали отъ главнаго надзора!

Полюбуйтесь, чѣмъ такой былъ въ большомъ городѣ Лозенградѣ, этой полной чашѣ, съ массой просторныхъ домовъ на глазахъ у г. Киранова.

Слякоть, холодъ, безпомощность.

Въ грязи, на голой землѣ, ничѣмъ не прикрытые четыре тысячи «мучениковъ побѣдъ». И каждый въ такомъ видѣ, въ какомъ я ихъ нарисовалъ только что. Вонь, засохшія въ крови рубахи, насѣкомыя. На всю эту прокаженную яму *одинъ* врачъ дѣлаетъ въ день чуть не по триста перевязокъ. На человѣка не похожъ. Весь въ смертной усталости, истомѣ, въ растерянности, чуть не до потери сознанія. Вотъ-вотъ рухнетъ самъ.

Говорятъ Киранову:

— У меня нѣтъ свободныхъ докторовъ.

И въ то же время къ нему каждый день являются десятки русскихъ врачей добровольцевъ, хирурговъ, знакомыхъ съ боевою обстановкою по манчжурской войнѣ. Онъ ихъ кормить цѣлыя недѣли: «Приходите завтра», и ни одного не посылаетъ въ этотъ адъ заразы и муки! Такъ они кажутся и уѣхали, не имѣя возможности сойти въ купель Силоамскую.

Мало этого.

На улицѣ встрѣчаю четырехъ знакомыхъ русскихъ докторовъ. Специалистовъ по борьбѣ съ холерой. Они явились сюда по вызову болгарскаго правительства. Это было какъ разъ въ разгаръ холернаго сезона подъ Чаталджею.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Видите, болтаемся по улицамъ безъ толку.

— Да вѣдь въ третьей арміи холера. Вы тамъ нужны.

— Не можемъ отъ доктора Киранова добиться разрѣшенія ѣхать туда.

Перевязочный пунктъ переполненъ. Некуда дѣвать привезенныхъ въ Лозенградъ раненыхъ. Они тутъ въ холодѣ, въ голодѣ, въ безпомощности. Брошены въ слякоть и забыты! Русскіе госпитали «Краснаго Креста» даютъ знать тому же Киранову: у насъ столько-то (сто, двѣсти) свободныхъ кроватей.

Проходятъ дни...

Раненыхъ не доставляютъ.

Самые лучшіе болгарскіе лазареты нуждаются во всемъ. Съ А. И. Гучковымъ я ѣхалъ какъ-то въ Кауфмановскую и Георгіевскую общины «Краснаго Креста» въ Лозенградъ. Встрѣчаемъ по пути

г-жу Даневу, жену президента Народнаго Собранія. Она работаетъ не покладая рукъ въ своей больницѣ. Великодушная, неугомимая женщина — вся отдающаяся святому дѣлу. Хотимъ посѣтить ея больныхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Прошу васъ не дѣлать этого.

— Почему?

— Наше положеніе ужасно. Мы бьемся все время и почти ничего не сдѣлали!

Г-жа Каравелова въ Софіи въ больницѣ, устроенной въ прекрасномъ помѣщеніи военнаго училища, горько жалуется на недостатокъ средствъ. Жалуются Киранову — полное равнодушіе. Военному министру Никифорову — тоже. Онъ не отпускаетъ денегъ и за три года, когда вся страна готовилась къ войнѣ, не сдѣлалъ ничего. Нѣтъ медикаментовъ. О резиновыхъ кругахъ не слышали. Термометровъ для измѣренія температуры тѣла не завели. Мыла въ наличности не оказывается. Жены мужей, ушедшихъ на войну, поступили въ сидѣлки и сестры милосердія. Имъ надо кормить дѣтей. Имъ не выдаютъ жалованья. Онѣ бастуютъ!!! Министръ Никифоровъ на всѣ ихъ жалобы — молчитъ. Ему не до того! Милліонный кредитъ, ассигнованный на медицинскую часть, — не использовали по небрежности, забывчивости, непредусмотрительности! Во время самой войны совѣтъ министровъ всѣ требованія на это — урывалъ.

«Мученики войны» выбыли изъ строя — о нихъ нечего заботиться.

Они для завтрашняго боя не годятся — могутъ умирать.

И болѣли молча, покорно, безропотно! Если

не умирали въ больницахъ, такъ только потому, что эти люди сбиты изъ чугуна и перевиты сталью. Правда, сотнями и тысячами гибли по страшнымъ дорогамъ.

Болгарія сейчасъ имѣетъ не только своихъ героевъ, но и своихъ святыхъ!

LXV.

Холерное гнѣздо.

На 2000 больныхъ шесть подкладочныхъ суденъ. Съ ними приходится бѣгать изъ одного этажа въ другой. На полу наслано чуть-чуть соломы, и та въ крови. На соломѣ больные. У врачей нѣтъ бисмута, нѣтъ опиума. Въ складѣ не оказывается теплой одежды. Горячей пищи взять неоткуда. Не въ чемъ вскипятить воды...

Еще хуже въ палаткахъ.

Продуваетъ насквозь. Грязь сочится отовсюду. Больные дрожать. Нѣтъ одѣяль, чтобы закрыться. Подостлать нечего. Санитары — простые мужики. Съ нихъ и требовать нечего. Ни къ какому уходу за солдатами не обучены... Есть между такими и совсѣмъ дрянной народъ. Лучшіе вѣдь ушли въ армію.

Подходитъ такой къ раненому.

— Деньги есть?

— Нѣтъ.

— Ну и лежи!

Около русскіе госпитали. Болгарь — никого не посылаютъ туда. Самолюбіе у врачей: мы-де и сами справимся. Едва-едва залучили Савова и Фитчева посѣтить наши общины. А посѣтили и изумились. Вотъ бы и у себя завести такія. Изумились

и сейчасъ же забыли: не о томъ теперь думать — боевое дѣло не ждать...

Есть случаи ужъ и совсѣмъ скверные...

Былъ врачъ, у котораго на рукахъ оказывался хорошій складъ.

Понадобились медицинскія средства, сунулись туда — пусто.

— Куда дѣвалось?

Не мыши же съѣли. Мыши лѣкарствъ не ѣдятъ. И выступила наружу страшная правда. Въ то время, когда болгарская армія умирала и дралась, этотъ господинъ распродалъ все, что ему было поручено. Врачебное начальство въ Софіи не скрывало сначала своего нерасположенія къ пріѣхавшимъ медикамъ-добровольцамъ. Даже подъ госпитали отводило загрязненные и запущенные дома. Иная конюшня лучше. Наши врачи сами должны были приводить ихъ въ болѣе или менѣе сносный видъ. Рѣдко-рѣдко они встрѣчали ласку и радушіе у своихъ болгарскихъ товарищей. Даже выписываемыхъ выпускали изъ болгарскихъ лазаретовъ голодными. По пути въ Демотижу мы встрѣтили англійскаго доктора изъ Индіи. Онъ заболѣлъ самъ здѣсь и попалъ въ мѣстный лазаретъ. Немного поправился — его отпустили безъ куска хлѣба. А. И. Гучковъ встрѣтилъ его на перронѣ умирающимъ отъ голода.

— Ради Бога, нѣтъ ли у васъ куска хлѣба!

Когда его накормили — онъ даже изумился. Такъ это было необычно...

Наши общины дѣйствовали иначе. «Красный Крестъ» нашъ снабжалъ выздоравливающаго чистымъ бѣльемъ и платьемъ, хорошими сапогами и непременно запасами — на случай, если онъ не

скоро попадетъ на питательный пунктъ. Въ этомъ отношеніи помощь оказывалась широко, и не только своимъ пациентамъ, но случалось русскому «Красному Кресту» изъ своихъ складовъ пополнять такіе же австрійскихъ, англійскихъ и французскихъ госпиталей здѣсь. Въ Любимцѣ скопилось много раненыхъ. Русскій врачъ телеграфируетъ Киранову: «Могу свой пятидесяти-кроватьный госпиталь развернуть на сто двадцать пять пациентовъ. У меня для этого все есть. Отведите только подходящее строеніе». Ждали, ждали — отвѣта дано не было. А дома пустовали, и громадная станція стояла ни къ чему.

Безсердечіе изумительное.

Одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ артистовъ надѣлъ солдатскую шинель и пошелъ въ бой. Дрался отважно, переходы, какъ и всякій «войникъ», совершала аннибаловскіе. На одномъ изъ такихъ простудился. Подумали, что холера, — вынесли изъ палатки и бросили въ морозную ночь въ полѣ... Утромъ нашли его замерзшимъ.

Московскій купческаго общества санитарный отрядъ съ пятью врачами, десятью сестрами и съ столькими же санитарями около одиннадцати дней потерялъ въ самую горячую пору въ Бухарестѣ. Изъ Болгаріи не дѣлали никакихъ распоряженій, куда его направить далѣе!

LXVI.

Военные дѣлаютъ все для недужныхъ, медики — почти ничего. Идетъ подвижной госпиталь. Навстрѣчу лавина больныхъ и раненыхъ. Подвижной госпиталь — пусть. По простому человѣческому

смыслу ему слѣдуетъ подобрать ихъ. Не тутъ-то было. Кирановъ запретилъ останавливаться и поднимать «мучениковъ побѣдъ». Надо было вмѣшательство самого Савова, чтобы этотъ глупый приказъ былъ отмѣненъ, и раненые спасены. Перевязочные пункты и передовые госпитали оказались слишкомъ далеко отъ боевыхъ позицій. Когда я уѣхалъ изъ Болгаріи, г. Кирановъ еще и не подумалъ придвинуть ихъ къ полямъ великихъ боищъ.

Я помню, какъ работали наши сестры.

А на примѣръ баронесса Иксуль. Вѣдь она и сейчасъ тамъ: бодрая, дѣятельная, самоотверженная, не знающая ни усталы, ни разочарованій. Изъ ея воспоминаній, когда она вернется, мы навѣрное узнаемъ много прекраснаго, удивительнаго о болгарскомъ солдатѣ и народѣ...

Поѣздъ плѣнныхъ.

Разбили Явера-пашу. Онъ сдался. Нагрузили вагоны его солдатами и отправили ихъ на сѣверъ. Въ Пловдивѣ оказалось среди нихъ пять труповъ... холерныхъ!.. Врачей съ поѣздомъ послано не было. Плѣнныхъ бросили на произволь судьбы, а мертвыхъ выгрузили на перронъ, и тамъ они оставались долго, заражая воздухъ кругомъ и пугая проѣзжихъ. Впослѣдствіи узнали, что эти больные умерли черезъ двадцать четыре часа послѣ шестидневнаго карантина. По всему пути, даже въ такихъ желѣзнодорожныхъ узлахъ, какъ Мустафа-Паша, — кипяченой воды не было. Пили сырую.

Были и у болгаръ прекрасные врачи — но наперечетъ. Я встрѣчалъ такихъ, которыми всякая армія могла бы гордиться. Вотъ, на примѣръ, Кара Михайловъ, Бойчевъ, Стефанъ Сарафовъ, санитаръ

майоръ Райчо и мн. др. Эти великолѣпно работали и отношеніемъ къ больнымъ напоминали русскихъ.

Кончится война — начнется расправа съ виновниками всѣхъ этихъ недочетовъ болгарской арміи. Она сама вернется домой въ ореолѣ неожиданныхъ побѣдъ, въ обаяніи героизма и оправдавшей самыя фантастическія надежды свободнаго, грамотнаго, суроваго, но великодушнаго народа. Ея мученики будутъ болѣе счастливыми поколѣніями подняты на невиданную высоту вѣчной памяти, но Болгарія не край молчанія и забвенія. Уже теперь въ обвинительные акты лидеровъ ея партій вносятся имена преступныхъ, бездарныхъ, самонадѣянныхъ людей, бросившихъ на свѣтлую память народной войны густую тѣнь своихъ воронихъ крыль. Съ ними сведутся безпощадные счеты. Страшенъ общественный судъ, потому что такихъ вороговъ онъ покрываетъ несмыаемымъ позоромъ... Близокъ день, когда мученики побѣдъ будутъ отомщены! И въ этотъ день свободные граждане этой удивительной страны еще дальше подвинутся впередъ къ счастью, свѣту и порядку.

LXVII.

Здѣсь кстати нѣсколько воспоминаній объ Албаніи...

Въ серебряномъ вѣнцѣ причудливыхъ вершинъ, повитыхъ туманами, прозрачное зеркало полноводнаго Скадра. Когда я въ первый разъ увидѣлъ его съ грозныхъ утесовъ Цетинье, вся эта воздушная даль мнѣ показалась волшебною сказкой. Такъ царственно величава была арена творящихся тамъ сейчасъ міровыхъ событій. Область недо-

ступныхъ орлиныхъ гнѣздъ, свободолюбивыя поднебесья, являющіяся кладбищами громадныхъ армій! Вѣдь во всей Албаніи и сейчасъ не насчитаешь столько людей, сколько турецкихъ солдатъ легло на подступахъ къ ея утесамъ и въ тѣснинахъ ея утонувшихъ въ лазури долинъ. Недаромъ албанцы говорятъ: «Наши отчины были бы голымъ камнемъ, если бы истлѣвшіе враги не покрыли ихъ своимъ прахомъ». Или: «Хлѣбъ у насъ растетъ изъ крови утнетателей». Когда вокругъ ауловъ, повисшихъ надъ безднами, воетъ и бѣсится вьюга, женщины слышатъ въ ея вихрѣ стоны и вопли непогребеннаго непріятели. «Турокъ ищетъ земли», — шепчуть онѣ. И, дѣйствительно, въ заолустьяхъ этого удивительнаго края и сейчасъ еще путешественникъ встрѣчаетъ омытые дождями костяки и черепа. Какъ слѣдъ каравановъ въ Сахарѣ, такъ и они здѣсь знаменуютъ пути отступленій огромныхъ полчищъ султановъ, стремившихся захватить эти каменные твердыни. Вѣдь одинъ Магометъ II похоронилъ здѣсь 150,000 солдатъ! Объ Албаніи даетъ понятіе, пожалуй, нашъ Дагестанъ или гордыя приволья Сванетіи. Только у насъ нѣтъ такихъ озеръ, какъ, на примѣръ, Скадрское. Съ раемъ заласканной солнцемъ Адриатики, у прелестнаго, въ старыхъ венеціанскихъ стѣнахъ, Дульчино, соединяетъ его судоходная Бояна. Съ сѣвера питаютъ эту «чашу чистой студеной воды» большая Морачъ съ своими притоками и маленькая Борачъ, плывущая сюда стремительно и шумно изъ таинственныхъ поднебесій. Съ суровыхъ утесовъ свободаго Цетинье, этой изумительной легенды вѣчной и неудержимой отваги, можно часа въ полтора сбѣжать къ зеленымъ глубокой Ріэки, по ко-

торой на Плавницу и Вирпазаръ, — прибрежные черноморскіе городки, — ползаютъ мелкіе итальянскіе пароходы. Съ узкоколейной дорогой на Антивари эти пароходы принадлежатъ итальянской компани, получившей въ свою эксплуатацію чудный край на шестьдесятъ лѣтъ. Вся жизнь сбилась здѣсь къ славянскимъ берегамъ. На албанскихъ, подъ защитой утесовъ и кручъ, у самаго источника Бояны, раскинулся большой по-здѣшнему городъ Скутари — и только.

LXVIII.

Вирпазаръ, какъ и многія черноморскія гнѣзда, похожъ на временный, наскоро построенный бивакъ. Нѣсколько каменныхъ домовъ припали къ крохотной пристани. Къ одному прилѣпилась галлерейка съ цѣпкою зеленью. Къ другому, какъ улитка, присосался навѣсъ изъ дикаго винограда. Подъ нимъ столы съ мѣстнымъ виномъ. За столами — до зубовъ вооруженные черноморцы. Каждый — ходячій музей историческихъ пистолей, шашекъ, ружей. Даже странно узнать въ этихъ воинахъ — скромнаго купца изъ Даниловграда, хозяина крохотнаго отельчика изъ Плавницы и банкира изъ Цетинье. Прямо оперные герои, съ тѣмъ различіемъ, что нашимъ тенорамъ и баритонамъ никогда не научиться ихъ картиннымъ позамъ и рыцарскимъ пріемамъ. Насъ ожидалъ маленькій пароходишко «Даница». На палубѣ — точно этнографическая выставка. Сверкающія серебромъ и золотомъ широкорукавныхъ кафтановъ богатыя албанки, мелкорослые подгоричане, красныя пятна цетинскихъ богатырей и сѣдобородые въ зеленыхъ

чалмахъ и накидкахъ муллы. Алыя фески турокъ, бараньи шапки горцевъ изъ Таблиша. Итальянская команда сплетается съ сербскою руганью, и тутъ же о невозможномъ счастьеѣ плачущая греческая пѣсня. Когда мы отвалили, и Вирпазарь съежился въ маленькое бѣлое пятно, налѣво показалась толстая и неуклюжая, точно придавившая мысль, башня. Она охраняла когда-то доступъ сюда. Поставили ее славяне, а потомъ турки устроили изъ этого каменнаго застѣнка сторожевую постъ.

Зыбкій просторъ, тишина и свѣжесть.

Озеро горитъ и блещетъ подь солнцемъ. Древнее Labeatis, какъ оно красиво въ чудесной рамкѣ своихъ береговъ! Отсюда скоро они сливаются съ этими водами. Мы въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и только черезъ часть передъ нами едва намѣтился въ лазури командующій всѣмъ Скутари, какъ будто на одно мгновеніе припавшій къ своей скалистой вершинѣ замокъ Розафа. Дунетъ вѣтромъ, — и онъ, какъ воздушный корабль, поплыветъ въ неоглядныя дали. Тутъ все уже полно воспоминаній о славянской старинѣ. Эти стѣны и башни выстроены еще Стефаномъ Душаномъ. Сербскій царь, оглядывая высоты отсюда и любясь озеромъ, спросилъ у солдата рядомъ: «Есть ли сила, которая можетъ выгнать насъ отсюда?» Тотъ отвѣтилъ: «Да, есть. Эта сила — рознь, когда сербъ возстанетъ на серба. Пока мы вмѣстѣ, желѣзные зубы обломаются о насъ. Ну, а поодинокѣ всякая нечисть одолѣетъ».

Царство легендъ.

Замокъ скутарійскій не сразу удалось воздвигнуть. Поручено это было нѣкому Розѣ, и все, что онъ ни сооружалъ днемъ, падало ночью. Камни

разваливались. Скала колебалась и расщеливалась. Утромъ, приходя на работы, македонцы (они и тогда были по преимуществу каменщики и строители) съ отчаяніемъ видѣли кучи щебня. Роза нашла въ Скадрѣ «вѣщуна».

— Чортовъ утесъ проситъ христіанской крови... И кровь эту должна пролить близкая тебѣ женщина.

Такихъ у Розы были двѣ. Сестра и любовница. Последнюю онъ слишкомъ любилъ.

— Фа [такъ звали сестру], ты не хочешь ли прогуляться?

— Куда?

— Я иду на постройки.

Сестра пошла съ нимъ.

— Вернемся! — предложила она ему на половинѣ пути.

— Почему? Вечеръ теплый. Туманъ съ озера не подымается. Видно будетъ далеко.

— Не знаю... У меня сердце болитъ, точно что-то чуетъ недоброе.

— Глулости!

Они взошли на вершину. Стѣны еще стояли. Не пробилъ часъ, когда онѣ обыкновенно падали.

— Сестра! Я забылъ молитву Господню. Прочти ее.

Она сложила руки, стала на колѣни, и при последнемъ словѣ «аминь» голова ея покатила на камни.

Чортовъ утесъ напился христіанской крови.

Утромъ рабочіе нашли свою постройку цѣлой.

Замокъ назвали Розафа, соединивъ имя строителя съ такимъ же его жертвы.

LXIX.

«Даница» не могла дойти до берега.

Надо было пересѣсть на «лонтра» — неуклюжую лодку безъ скамей — и на ней болтаться до отмели. Именно болтаться. Албанцы скверно гребутъ и опрокидываются при первой возможности. Вдали отступилъ отъ воды безпорядочно разбросанный грязный городъ съ бѣлыми свѣчами тонкихъ минаретовъ и куполами, грубыми и темными, надъ низенькими приземистыми мечетями. Казалось, что эти мечети не могутъ выдержать тяжести куполовъ и врастаютъ подъ ними въ камень. Коегдѣ изъ-за точно заплатанныхъ черепичныхъ кровель рвались въ высоту черные кипарисы, и въ устьяхъ улицъ толпились молчаливые лохмотники. Какъ и въ Черногоріи, здѣсь почти не встрѣчалось невооруженныхъ людей. Къ обычнымъ пистолетамъ и шашкамъ у албанцевъ присоединялись лихо заброшенные за плечи ружья. Не успѣлъ я еще прыгнуть на отмель, какъ наткнулся на горбоносаго черномазаго полицейскаго.

— Тескере!

Ахъ, чортъ возьми! Меня въ Антивари увѣрили, что для Скадра никакого паспорта не надо.

— Идите впередъ и не слушайте!

Я было попробовалъ, но куда ни совался, всюду вырастала передо мною эта головешка, съ пылающими, близко-близко сошедшимися у носа глазами.

— Тескере!

Я сунулъ ему подъ носъ мой заграничный паспортъ, но тамъ турецкой визы не было.

Полицейскій дернулъ головой снизу вверхъ, — «не годится-де», — и опять свое «тескере».

— Дайте ему меджидіе и пусть убирается къ чорту! — научилъ меня какой-то черный скюртукъ въ фескѣ.

Серебряная монета произвела истинное чудо.

Чаушъ самъ схватилъ мой мѣшокъ и побѣжалъ съ нимъ впередъ, въ таможду.

Жандармъ обратился въ простого носильщика.

Боже, что это за набережная, какія улицы! Кучи булыжниковъ, брошенныхъ безпорядочно въ грязь. Площади, ямы съ такою же грязью. Вонь, нищета, жалкіе домишки. Страшно смотрѣть на эту помойную яму, которая по своему положенію въ вершинѣ Скадрскаго озера и вблизи Адриатики въ иныхъ рукахъ могла бы быть цвѣтущимъ уголкомъ, хотя бы въ родѣ Подгорицы. Вѣдь маленькая Черногорія сумѣла изъ доставшихся ей турецкихъ гнѣздъ создать чистенькіе и сравнительно благоустроенные города. Но Скутари въ этомъ отношеніи — символъ всей Оттоманской Порты, которая за послѣднія тридцать пять лѣтъ настолько же пошла назадъ, насколько молодая славянскія государства двинулись впередъ...

У меня были письма къ скутарійскимъ нотаблямъ.

Двухъ-трехъ изъ нихъ ранѣе я встрѣчалъ въ Бари. И то же, что я слышалъ въ этомъ ближайшемъ къ Албаніи итальянскомъ городѣ, повторялось и теперь. Уже и тогда никто изъ скутарійцевъ не скрывалъ, что единственно возможная будущность для этого уголка — слияніе его съ Черногоріей. При такихъ условіяхъ рѣкою Бояной

онъ получить естественный выходъ въ Дульчино, или озеромъ и желѣзной дорогой въ Антивари. Еще до тѣхъ поръ, когда король Николай широко открылъ двери своего горнаго клана бѣженцамъ изъ Албаніи, кормилъ ихъ, спасая отъ варварскаго правежа Турціи, въ этой части вольнолюбивой страны онъ пользовался широкою и завидною славою. И къ его народу албанцы, даже и враждебные, относились съ величайшимъ уваженіемъ. «Мы знаемъ, они сами голодны и бѣдны, но въ тяжелыя минуты испытаній дѣлились съ нами послѣднимъ. Подъ Подгорицей отдавали намъ все, что у нихъ было». Потомъ въ карательныя турецкія экспедиціи уже зародилась и глубокіе корни пустила мысль о сляніи съ Черной Горою. «Мы отлично уживемся съ нею. Тѣмъ болѣе, что мы хорошо помнимъ по разсказамъ нашихъ дѣдовъ тѣ времена, когда здѣсь вокругъ Скадра мы составляли съ нею одно цѣлое. Мы потурчилились, какъ помаки въ Сербіи, но въ нашихъ пѣсняхъ старая Слава стучится въ наши сердца». Въ это же время по всей европейской печати, со словъ австрійскихъ клеветниковъ, разнеслись вѣсти о черногорскихъ эмиссарахъ, работавшихъ здѣсь въ пользу тогда еще князя Николая. Какая это скверная клевета! Албанія, дѣйствительно, была полна австрійскими и итальянскими шпіонами и агентами. Но Черногорія слишкомъ бѣдна, чтобы оплачивать ихъ, а ея населеніе столь малочисленно, что изъ него нельзя выдѣлать тысячи-другой такихъ соглядатаевъ незамѣтно для швабскихъ консуловъ и турецкихъ властей. Это, вѣдь, то же, что и легенда о русскомъ всемогущемъ карбованцѣ, путешествующемъ, будто бы, по Галичинѣ и Чехіи. Во-

ровская манера кричать «лови» и «держи», когда поличное у самого за пазухой.

Да, дѣйствительно, у Черногоріи здѣсь есть могущественные союзники. Это — память великаго прошлаго, общаго для Скадра и горныхъ утесовъ короля Николая. Вѣдь здѣсь нѣтъ семьи, были которой не переплетались бы съ минувшимъ сосѣдняго воинственнаго народца. То же, что въ народномъ фольклорѣ разсказывается о змѣяхъ. Разорви такую, — и обѣ половинки, извиваясь и исходя кровью, ползуть одна къ другой, чтобы опять срастись въ одно цѣлое. Когда нашъ скутарійскій консуль истинно славянскій геръ фонъ Миллеръ повѣдалъ на весь свѣтъ о разноплеменности Скадра и Черной Горы, я себѣ представилъ, какой смѣхъ вызвало бы его «открытіе Америки» на мѣстѣ даже у хорошо оплаченныхъ швабскихъ шпіоновъ.

Везетъ Австріи!

LXX.

Настоящій Скутари отошелъ отъ озера версты на три. Если бы видѣли экипажи, стоящіе здѣсь на берегу, чтобы везти случайнаго путника въ этотъ отнынѣ на весь міръ прославившійся городъ! Я этакой рвани не встрѣчалъ даже въ нашихъ захолустьяхъ. Ихъ очень немного, и когда, отдѣлавшись отъ таможни (празный, зѣвающій подмышками сюртукъ, просторныя бабуши и феска на отлетѣ, руки, созданныя самою природою для неизбѣжнаго на Востокѣ бакшиша), я сѣлъ на ободранную и заплатанную кожу, ко мнѣ, не спрашиваясь, навалилось еще нѣсколько пассажировъ. Пара Россинантовъ долго пыталась сдвинуть насъ съ мѣста. Мнѣ казалось, они скорѣе лягутъ

выходятъ на дворъ съ десятками ословъ и коней, съ задравшими оглобли экипажами, шумною, смрадною челядью внутреннихъ каравановъ, съ кучами навоза и бѣгущими изъ-подъ него между камней ручьями вонючей грязи. Но я зналъ, что ночевать мнѣ здѣсь не придется. Надо было только отыскать пріятеля по Бари. Я кое-какъ переодѣлся и вышелъ. Какая красота въ окрестностяхъ этого города! Горы тонуть въ чистой сегодня лазури. Тихая и широкая Бояна безшумно плыветъ на юго-западъ, журча только у свай прекраснаго моста, связавшаго оба ея берега. Закутанная мусульманки едва пробираются вдоль стѣнъ, опираясь въ нихъ ладонями. Есть хорошіе двухъ- и трехъэтажные дома. Настежь открыты окна — первый признакъ христіанскихъ кварталовъ. Мусульманскіе, точно на утомленные глаза, опускаютъ зеленяя вѣки своихъ мушарабій и рѣшотокъ или заслоняются отъ улицы каменными слѣпыми заборами. Кое-гдѣ треплется несчастное дерево... Изъ полумрака школь слышны хоровые отвѣты на вопросы учителя-муллы. Зато казавшіяся издали съ берега такими приземистыми, вдругъ вырастаютъ великолѣпныя мечети. Ихъ много, и величавые куполы джамій давятъ этотъ большой и шумный городъ. Есть такія, которыя подняли подъ самое небо по нѣскольку куполовъ. Одна съ шестью, и минаретъ надъ нею золотымъ полумѣсяцемъ, кажется, разрѣзаетъ небо. Богатые михрабы внутри. Смирнскіе ковры на полу. Пестрая вязь изреченій изъ алькорана на стѣнахъ, и великолѣпныя столампадные люстры, считающія по нѣскольку вѣковъ каждая. Сумракъ. По коврамъ движенія ступней въ чулкахъ не слышно.

какъ въ Цетинье, такъ и въ Скутари люди бьются въ сплошной паутинѣ швабскаго кредита. Купцы легко получаютъ въ долгъ товаръ, частнымъ людямъ, имѣющимъ хоть какое-нибудь значеніе, широко открыты двери австрійскихъ банковъ. Льготы самыя широкія для тѣхъ, кто подчиняется швабскому вліянію и содѣйствуетъ ему. Австрія завоевываетъ не войсками, а мощной. Дать просторъ своему агенту и раздавить должника-патріота, — вотъ нехитрая программа ея. И она одинакова какъ для Черной Горы, такъ и для Скутарійской области. Отъ солдата отобьешься, — отъ гроссбуха и векселя никуда не уйдешь. Особенно, когда товаръ нуженъ въ лавку и въ складъ и завтра, и послѣзавтра. Заложены магазины, дома, земли. Молчи и не пикни. Расторговывайся и служи лендеръ-банку или вѣнскому оптовику. А пикнуль, — тутъ тебѣ и капуть.

Такъ захватываетъ новыя области Австрія...

LXXI.

Нужно видѣть Скутари, посѣтить его озеро, черезъ Плавницу проѣхать на Подгорицу, чтобы понять, какое значеніе этотъ уголокъ имѣетъ для Черногоріи. Тотъ, кто владѣетъ Скутари, является господиномъ трехъ четвертей маленькаго королевства Николая Нѣгоша. Отсюда не надо даже прорываться на единственную плодоносную область славянской страны. Случись тутъ австрійскіе гарнизоны, ихъ походъ вплоть до самой Ріэки, — счастливая военная прогулка. Первое сопротивление они могутъ встрѣтить въ подъемахъ къ Цетинье. Оставьте Скутари за Албаніей — и вы отдадите

въ синякахъ отъ такихъ добрососѣдскихъ отношеній, выгодныхъ (это было нѣсколько лѣтъ назадъ) одной Турціи, и только Турціи». Не забывайте, что Подгорица для Скутари всегда служила убѣжищемъ. Всѣ, преслѣдуемые оттоманскими властями, находили въ ней пріютъ и надежную защиту. Николай, случалось, ставилъ на карту свою судьбу, оказывая покровительство бѣглецамъ изъ Скутари, и потому я совершенно вѣрю мѣстному нотаблѣ Младонацу, который, получая деньги и товаръ изъ Австріи, все-таки говорилъ мнѣ: «Не дай Богъ, чтобы сюда пришли швабы. Жить мы можемъ только съ Черною Горой. Мы прежде всего балканцы, а изъ-за Дуная на насъ ползутъ однѣ грозовыя тучи. Не смѣшивайте албанцевъ съ арнаутами. Арнауты — враги славянъ, а мы... Вѣдь если насъ разобрать, такъ не знаешь, гдѣ въ нашей ткани нитка славянская и гдѣ — албанская».

Тогда только что начали говорить о балканскомъ союзѣ.

Но какъ о счастливой утопії.

О немъ мечтали, какъ мечтаютъ о молочныхъ рѣкахъ и медвяныхъ берегахъ.

Союзъ казался какимъ-то Эльдorado. Затерялся гдѣ-то въ далекомъ-далекомъ прошломъ, и найдутъ его Богъ вѣсть когда.

— Даже и не при нашихъ дѣтяхъ. А это было бы для насъ самой лучшей политической комбинаціей. Тогда бы намъ никто и ничто страшень не былъ!

Во дворикѣ скутарійскаго дома стояли лазурныя сумерки. Сильно пахло желтыми мимозами. Первыя звѣзды точно опахалами заслонялись широкими листьями какого-то дерева, колеблемаго вѣ-

лезгины. Канлы — кровавая мечь — въ ходу. Нѣ-скольکو лѣтъ назадъ любимый ученикъ здѣшняго католическаго архіепископа, отпраздновавъ свое совершеннолѣтіе, на другой же день прирѣзаль всю семью съ женщинами и дѣтьми, одинъ изъ старшихъ членовъ которой пятнадцать лѣтъ назадъ убилъ его отца. Вендетта такого рода уже давно забыта сосѣдними славянами, но албанецъ остается вѣрнымъ старымъ завѣтамъ. Сбить эту страну въ одно цѣлое невозможно. Вотъ что мнѣ говорилъ одинъ изъ моихъ пріятелей въ Скутари:

— Здѣшній албанецъ и такой же съ береговъ Охриды вовсе не считаютъ себя принадлежащими къ одному и тому же народу. Каждое горное гнѣздо у насъ часто объявляетъ войну сосѣднему. Они даже говорятъ: «Мы разнаго корня и племени».

Прочтите книгу объ Албаніи австрійскаго чиновника Лаго. Онъ не предполагаль, что впоследствии швабское правительство пожелаетъ втереть очки цѣлому міру, возводя населеніе свободолюбивой Албаніи въ одинъ народъ. И Лаго, и Дюмонъ, и всѣ, долго жившіе здѣсь, говорятъ, что это — конгломерация независимыхъ горныхъ клановъ, которыхъ соединило въ одинъ кулакъ вторженіе турокъ. Горные кланы — очаги свободы, но какой страшной, облитой кровью, ничего не прощающей. Еще недавно про одного изъ вождей малиссоровъ здѣсь говорили:

— Онъ исключительно счастливый человекъ.

— ?

— Помилуйте, умеръ шестидесяти лѣтъ и на своей постели.

А не угодно ли побывать на такой, на примѣръ, месѣ.

какъ даже духовенство изъ албанцевъ, случалось, прибѣгало къ кровавой мести.

LXXIII.

Чѣмъ албанцы стоятъ гораздо выше своихъ недавнихъ повелителей-турокъ, это — сравнительною свободой женщины.

Съ конца въ конецъ албанка можетъ отъ Скадра до Янины проѣхать всю эту горную страну, изъ клана въ кланъ, изъ одного очага независимости въ другой, не боясь, чтобы кто-нибудь осмѣлился ее остановить, обидѣть. Напротивъ, каждый албанецъ, по первому ея требованію или просьбѣ, окажетъ ей всякую помощь, проведетъ ее по опаснымъ или незнакомымъ мѣстамъ, накормитъ и напоитъ странницу. На улицахъ Скутари я встрѣчалъ закутанныхъ женщинъ. Точно мѣшки, съ прорѣзами для глазъ, ходили по улицѣ. Это были турчанки. Албанка, независимо отъ того, какую она вѣру исповѣдуетъ, не всегда прячетъ лицо. Она наследуетъ послѣ отца и матери имущество наравнѣ съ братьями. Выходитъ замужъ сама, можетъ распоряжаться, какъ хочетъ, своимъ добромъ, и воля ея «господина» ей не указъ. По отношенію къ женщинѣ сербы королевства стоятъ гораздо ниже албанцевъ. Сербы со своими женами часто грубы. Разумѣется, не въ такой степени, какъ извѣстные общественные слои у насъ. Албанецъ никогда не подыметъ руки на жену, дочь или сестру. Здѣсь, въ горныхъ захолустьяхъ, сохранился еще культъ древнихъ жрицъ, вѣдуній, когда мужа и братья воевали и работали, а жены и сестры удовлетворяли всѣмъ ихъ духовнымъ потреб-

до сихъ поръ съ гордостью носить на себѣ слѣды ятагановъ. Въ ея маленькомъ домикѣ, на стѣнахъ, виситъ оружіе, отбитое ею въ горныхъ стычкахъ съ притѣснителями.

— Вы съ нею не шутите! — говорилъ мнѣ Мирко Таличъ. — Она немало порубила турецкихъ главъ. А въ послѣднемъ возстаніи албанцевъ сама взяла трехъ турокъ въ плѣнъ и, какъ барановъ, погнала ихъ въ горную деревню.

— Много такихъ, какъ она, въ Албаніи?

— То же, что и у насъ, въ Черной Горѣ. Всѣ молодыя поднимаются со своими, разумѣется, не у Скадра. Здѣсь Марія, пожалуй, одна, а въ горныхъ пнѣздахъ и въ ущельяхъ рѣдкая албанка не умѣетъ владѣть ружьемъ или шашкой.

Немало подобныхъ разсказовъ мнѣ привелось слышать по Скадру.

Кругомъ въ горныя дебри и захолустья раскидывалась странная полудикая, полурыцарская жизнь. Такъ все это было непохоже на то, къ чему мы привыкли въ Европѣ. Съ Албаніей много будетъ возни Австріи, и, по образному выраженію моего скутарійскаго пріятели, она надѣнетъ себѣ здѣсь мельничныя жерновъ на шею.

Съ сизаго простора Скадра по вечерамъ долетали сюда вольныя пѣсни.

Точно сильныя и бодрія птицы онѣ уносились въ неоглядную даль... Иной разъ казалось, что недосыгаемая выси шлютъ кличъ притаившейся землѣ... Горные орлы, вѣчные странники поднебесій, покорной и терпѣливой юдоли. Здѣсь сказка, впрочемъ, такъ перевилась съ явью, что не знаешь, гдѣ кончается замученная юдоль и начинается вольнолюбивое нагорье.

убилъ гостя и сестру. Въ это время возвращается мужъ, находитъ все случившееся правильнымъ и вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ хоронитъ обоихъ. Никому и въ голову не пришло подымать объ этомъ вопросъ. На улицахъ Скутари, когда я былъ тамъ, толпа погналась за грекомъ изъ Янины, оскорбившимъ женщину, настигла его въ тупикѣ между мечетью и домикомъ муллы и зарѣзала. Ни жандармская инспекція, ни каймакамъ даже и не шевельнулись. У «свинцовой джаміи» нашли заколотого еврея, консулъ попробовалъ было вмѣшаться, но это ни къ чему не повело. Изъ Вѣны ему приказали сидѣть смирно и не ворошиться. Около Мирдитцы два села пошли войной одно на другое. Въ самой Мирдитцѣ стоялъ турецкій батальонъ. Ему даже и не вздумалось помѣшать этому, а когда губернаторъ Скадрскаго санджака въ 1905 году хотѣлъ было усмирить какое-то волненіе въ горахъ, то ему самому дали по шапкѣ, и уже изъ Константинополя, смилловавшись, отправили его въ одинъ изъ дальнихъ сирійскихъ городовъ. Никакихъ метрикъ здѣсь неизвѣстно. Никто не ведетъ счета рождающимся и умирающимъ, — такъ что и на бумагѣ убійства не зарегистрированы, неизвѣстны. Свобода страны нарушалась, и нарушалась варварски, турками только тогда, когда Албанія подымалась противъ нихъ. Тутъ все было хорошо. Опасныхъ людей пристукивали и прирѣзывали, менѣе популярныхъ сажали въ тюрьмы. Многіе албанцы, учившіеся въ Италіи и Австріи, требовали школь. Имъ обѣщали, но и конституціонная Турція строила такія только для показа, въ видныхъ мѣстахъ. Албанскія же захолюстья

у нихъ есть министръ юстиціи, но онъ не умѣетъ ни читать, ни писать. А у него *было* двое судей, которые повздорили и прирѣзали другъ друга. Они тоже оказывались безграмотными.

LXXV.

Дороги...

Такихъ, въ настоящемъ значеніи, въ Албаніи нѣтъ.

Даже изъ самаго многочисленнаго и богатаго города Скутари, чтобы попасть внутрь страны, надо Бояной добраться къ морю, оттуда на пароходикъ итальянской компаніи «Puglia» пройти на Дураццо, Медуа или Валлону, — что ближе, — и уже изъ этихъ мѣстъ на ура отважиться верхомъ чуть ли не по козымъ тропинкамъ въ горные кланы.

Было раннее утро.

Мы выѣхали изъ Валлоны въ горы.

Хотѣлось добраться до Аргирокастро. У меня въ распоряженіи сказывалась недѣля туда и недѣля назадъ. Сообразивъ разстояніе по картѣ, я былъ убѣжденъ, что этого вполне довольно. Но карта — картой, а дѣйствительность — дѣйствительностью. Въ золотисто-розовомъ свѣтѣ еще не отгорѣли позади бѣлые минареты города, и огнистая дымка не поблѣднѣла надъ его садами, какъ передъ нами поднялись первыя кручи албанскихъ горъ. У самой Валлоны еще было легко. Тутъ много «православныхъ», и къ русскому путешественнику не отнеслись бы слишкомъ сурово, но на другой день уже мы погрузились въ сплошное море албанцевъ-мусульманъ, наиболѣе фанатиче-

Громадныя цапли проносились надъ нами. Горныя орлы изъ недосыгаемыхъ высотъ высматривали добычу.

Какія ущелья, какія тѣснины!

Несравненная декорація разбойничьихъ легендъ.

Надъ ихъ черными щелями руины старыхъ замковъ. Мы поднялись въ одинъ такой, оттуда съ промкимъ зловѣщимъ карканьемъ взорвалась туча воронья. Рѣчушки, — а ихъ тутъ видимо-невидимо, — надо было переходить въ бродъ. Иной разъ, рискуя сломать ноги коню, потому что спускаться случалось по кремнистому отвѣсу. Свѣтлая, какъ хрусталь, воды бѣжали по черному шиферному дну.

На третій день мы уперлись въ стѣну.

Горный кряжъ сталъ на пути, точно говоря намъ: ни шагу дальше!

Не стоило вѣрять ни картамъ, ни лжесвидѣтельству валлонцевъ.

Тропинки прекращались здѣсь у стараго албанскаго урочища со смѣшаннымъ населеніемъ.

— Мы и сами за эти горы не ѣздимъ.

— Чтобы попасть въ Аргирокастро, возвращайтесь къ морю, къ устью Сузицы, и оттуда черезъ Гардини есть дорога для верховыхъ.

LXXVI.

Я такого моря не помню!

Кажется приглядѣлся къ Адриатикѣ. Искрестилъ ее вдоль и поперекъ, но никогда еще не была ея лазурная сказка удивительнѣе и прелестнѣе. Мы шли изъ Бари на Антивари и отсюда на Валлону.

лыхъ минаретовъ сверкають своими полумѣсяцами. Сонные албанцы лежатъ въ тѣни, гдѣ она есть, и только у говорливыхъ фонтановъ, куда сходятся дѣвушки съ кувшинами, слышится громкій смѣхъ. Тоскующій напѣвъ муэдзина будить порою этотъ восточный уголокъ, и тогда изъ смежившихъ вѣки домовъ показываются и медленно идутъ къ мечетямъ безмолвные, важные мусульмане. Сѣрою тѣнью у бѣлыхъ стѣнъ скользятъ закутанныя турчанки. И опять все тихо, безлюдно, мертво!

LXXVII.

А, между тѣмъ, едва ли на Балканскомъ полуостровѣ есть другое мѣсто, за которое скоро, очень скоро прольются рѣки крови. Заливъ Валлоны, охваченный длиннымъ мысомъ Лингветта съ небольшою горой Вассиліо и выступомъ Грука, если здѣсь выбросить въ море нѣсколько небольшихъ моловъ, очень будетъ удобенъ для стоянки коммерческихъ судовъ. Углубить его нетрудно, и тогда въ немъ найдутъ убѣжище и большія военныя стальныя чудовища. Но это еще бы не могло вызвать неизбѣжную борьбу расъ. Здѣсь сталкиваются самые жизненные интересы Италіи и Австріи. Италія намѣтила Валлону давно. Она послала сюда своихъ купцовъ, устроила нѣсколько школъ. Бережливая въ другихъ отношеніяхъ, она не скупилась на Валлону.

И это понятно.

Господиномъ Адриатики будетъ тотъ, кто съ одной стороны владѣетъ Отранто и Бриндизи, а съ другой — Валлоной. Это — двери, которыя съ хорошимъ флотомъ затворить очень легко, и тогда

Католическіе школы и монастыри, прелаты и священники, купцы и шпионы, — все служило ей въ Албаніи. Приобрѣтеніе этой новой области она рассчитала на много лѣтъ впередъ и терпѣливо раскидывала здѣсь свою паутину. Даже Черногорія, и та попалась въ ея экономическія сѣти. Но случилось нѣчто непредвидѣнное ею: балканскій союзъ и славянская война. Вначалѣ она, какъ и Германія, ошиблась въ расцѣнкѣ силъ Болгаріи и Сербіи, съ одной, и Турціи — съ другой стороны. Для Австріи побѣда Оттоманской Порты была внѣ всякихъ сомнѣній. Но когда въ какіе-нибудь три мѣсяца этотъ Голиаѳъ былъ уничтоженъ, несмотря на нѣмецкую военную школу и германскихъ офицеровъ, съ фонъ-деръ-Гольцъ-пашою во главѣ, Вѣна потеряла голову. Добыча ей показалась уходящею изъ рукъ. Разгорѣлась жадность схватить ее въ черные когти габсбургскаго орла сейчасъ, сію минуту. Швабамъ въ это время показалось, что плести кружево торговаго захвата и политической интриги уже нѣтъ времени, а одни, имѣя противъ себя Италію, они были безсильны. Пришлось поневолѣ подѣлить такъ называемыя сферы вліянія, — удобный дипломатическій терминъ, обозначающій простое воровство. Въ оторопи, въ делиріумѣ разыгравшихся аппетитовъ она согласилась пустить Италію въ южную Албанію. Еще вчера Адриатику Австрія считала своимъ моремъ, а сегодня ключи къ этому «своему морю» оказались въ чужихъ и завтра, несомнѣнно, враждебныхъ рукахъ. Эта ошибка для Австріи является роковою. За обладаніе этими ключами ее ожидаетъ борьба не съ одною Италіей, но и со всѣмъ славянскимъ союзомъ, который, дастъ Богъ, переживетъ начинаю-

Италія хотя бы временно откажется отъ своихъ видовъ на славянскій Триестъ, то за нее будутъ и прилегающее къ ея Тиролю хорватское населеніе, и далматинское побережье, еще помнящее счастливыя времена Венеціанской республики. У Италіи уже есть боевой опытъ въ Ливіи. Флотъ ея показалъ себя великолѣпно въ послѣднюю войну, и сейчасъ королевство мало-по-малу свыкается съ неизбежностью помѣряться съ старымъ своимъ палачомъ и тюремщикомъ. Вѣдь, всѣ узлы тройственного союза здѣсь не въ Вѣнѣ, а въ Берлинѣ. Вѣну терпятъ и съ нею идутъ объ-руку ради Берлина — и только. Недаромъ же такіе сторонники тройственного союза, какъ покойный Криспи, открыто говорили, что «Лисса — вѣчная открытая рана на итальянской памяти; заживить ее можетъ только побѣда на Адриатикѣ», а Валлона — отличное для этого мѣсто, тѣмъ болѣе, что окрестныя горы даютъ ей всѣ онееры для этого. Сейчасъ Италія уже прочно стоитъ въ Антивари, а слѣдовательно, и въ идилическомъ Дульчиньо. Она получила ихъ въ эксплуатацію на восемьдесятъ лѣтъ, и это не правительственное, а народное предпріятіе. Вѣдь, въ немъ участвуютъ банки *Commerciale italiana*, туринскій *Marsaglia*, ливорнскій *Orlando*, кредитныя учрежденія и торговые дома Турина, Ливорно, Рима, Генуи, Милана, Брешии, Венеціи, Падуи, Флоренціи и Неаполя. Но Антивари весь открытъ огню съ высотъ австрійской великолѣпно укрѣпленной Спиццы, которую король Николай черногорскій называетъ бѣльмомъ на своемъ глазу. Валлона — другое дѣло. Она сама можетъ наносить удары, но не терпѣтъ ихъ отъ другихъ...

LXXXI.

Какъ всегда, старый мулла Гассанъ проснулся рано.

Свѣтъ едва брезжилъ на востокѣ. Вокругъ великолѣпной мечети Селима въ утренней мглѣ чуть проступалъ городъ. Муэдзинъ, будившій вѣрныхъ на зарѣ громкою молитвой, на которую отзывались всѣ сорокъ минаретовъ Эдирне, нѣсколько дней назадъ убить осколкомъ болгарскаго снаряда у святыхъ стѣнъ своей царственной джаміи. Старый мулла самъ подымался за него подъ золоченый полумѣсяцъ на балконъ, висѣвшій надъ бездной. Слабо и печально послѣднею жалобой умирающей птицы носился его прерывающійся голосъ надъ куполами и кровлями, надъ безлюдными улицами и руинами разбитыхъ домовъ. Лѣстница вверхъ вилась точно въ колодецѣ. Больныя ноги едва одолѣвали ея скользкія ступени. Ныли колѣна. Жаловалось ревматическое тѣло. Ладонь упиралась въ кирпичную кладку, сквозь которую древній минаретъ точилъ свой недужный потъ. Время отъ времени въ его сумракъ смотрѣло въ узкія, будто ножомъ прорѣзанныя, бойницы блѣдное небо. Когда мулла подходилъ къ нимъ, съ нихъ срывались сизые голуби. Въ одну изъ бойницъ на востокъ едва струилось розовое сіяніе. Солнце было уже недалеко. Еще немного, и сѣрая, грузная туча подернется его огнистымъ привѣтомъ... Мулла то и дѣло останавливался. Въ ржавыхъ легкихъ скрипѣло. Сердце, усталое и дряхлое, казалось, вотъ-вотъ замретъ, и муллу съ этихъ ступеней придутъ снять, какъ убитую цаплю съ дерева.

ценнымъ напѣвамъ. Наблюдалъ, какъ старый будунъ держитъ трубою сомкнутыя у рта ладони, чтобы его пронзительный голосъ раздавался громче и дальше, какъ въ паузахъ истово и важно гладитъ себѣ бороду, закрывъ глаза и уходя въ созерцаніе страшнаго, таинственнаго, что видно не земному оку, а вострепнувшейся душѣ.

Годы шли за годами.

Въ хоровую молитву бѣлыхъ минаретовъ не осмѣливались вмѣшиваться бронзовые языки христіанскихъ колоколовъ. Аллахъ и пророкъ его одни царили въ высотѣ, и райя трусливо кралась вдоль стѣнъ, стараясь какъ можно меньше попадаться на пути торжествующему исламу. Только разъ, тридцать шесть лѣтъ назадъ, ворвались сюда русскіе, но они не тронули здѣсь ничего и скоро ушли. Свѣтильникъ вѣры еще ярче разгорѣлся послѣ нихъ. На окраинахъ поднялись купола новыхъ мечетей. Приземистыя кровли церквей точно ниже припали къ юдоли, стремились враспи въ нее, спрятать свое нечестіе отъ пламеннаго взора хозяина и господина — турка. Да, вѣрнымъ Аллахъ вернулъ славные дни. Войска султана разбили и истребили грековъ на Югѣ, снесли съ лица долины и съ отвѣсовъ Родопскихъ горъ болгарскія села. Македонская кровь поила жаждавшія поля. Надъ царственными развалинами древнихъ городовъ подымался грозный исламъ, какъ эта мечеть Селима вѣнчаетъ припавшій къ ея ногамъ Адрианополь.

Мулла Гассанъ вѣрилъ: не будетъ конца и предѣла мощи и власти пророка.

Прейдутъ времена и народы, а съ этихъ минаретовъ такъ же будетъ носиться надъ покорнымъ міромъ призывъ муэдзина придти и поклониться

Эдирне — святыня правовѣрныхъ. Въ немъ довольно воиновъ. Они ждуть великой минуты торжества, и не мстительной и трусливой райѣ ворваться въ эти стѣны. И всѣ эти дни старый Гасанъ ждалъ и радовался.

Ждалъ и радовался.

Люди голодали, — не все ли равно? Великія побѣды не даются даромъ. Аллаху нужны жертвы искупленія. Грѣхи его народа утаромъ поднялись съ преступной земли и дымнымъ облакомъ окутали тронъ Единаго. Муки и испытанія благодатнымъ вихремъ разсѣютъ это облако, и взору Аллаха опять откроется вѣрная ему юдоль. Онъ пошлетъ своихъ ангеловъ. Огненными мечами они разгонятъ черныя полчища невѣрныхъ. Арда, Марица и Тунджа покраснѣютъ отъ ихъ крови, и въ бездны ада она низринется багровыми водопадами...

Да, нѣтъ силы, которая отдала бы въ руки невѣрныхъ и Эдирне, и Стамбуль...

И опять еще вчера, утромъ, онъ повторялъ: народы и царства прейдутъ, а эти двѣ жемчужины ислама засіяютъ еще ярче на чалмѣ Аллаха...

LXXXIV.

Теперь предразсвѣтный туманъ совсѣмъ припалъ къ землѣ.

Бѣлыя свѣчи минаретовъ порозовѣли, темныя тяжелые купола еще выпуклѣе поднялись въ огнистый свѣтъ... Безобразныя руины и пожарища. Въ нихъ черными призраками торчатъ обгорѣлыя стѣны... Вонъ на Эминъ-Калеси движется что-то длинное, точно змѣя ползетъ по влажнымъ камнямъ. Лучшіе таборы низама ведетъ плѣнными

лись нѣдра Великаго Гнѣва, и не ринулись на врага пепелящія молніи?

LXXXV.

Все гибнетъ кругомъ.

Скоро въ мраморныхъ дворцахъ Босфора со-
вѣютъ себѣ гнѣзда невѣрные. Въ цвѣтущія долины
Анатолиі, гдѣ мусульмане въ райскихъ садахъ ды-
шали блаженнымъ ароматомъ весны, придуть
назореи, поставятъ фабрики и чистыя небеса
ислама закопятъ дымами безчисленныхъ, безоб-
разныхъ трубъ. Дивные острова Эгейскаго моря, —
эти овѣянные нѣжною прохладой и заласканные
солнцемъ эдемы, — попадутъ въ руки грековъ,
тѣхъ самыхъ грековъ, которые еще недавно, какъ
трусливые шакалы, бѣжали отъ одного оклика му-
сульманскихъ ратей. Тонкія пальмы Сиріи и Да-
маска съ ихъ божественными опахалами благосло-
вятъ трепетною тѣнью желѣзныя кровли христіан-
скихъ купцовъ, и по всему этому царству пророка
отъ Родопскихъ горъ до аравійскихъ пустынь, —
говоръ ненавистныхъ колоколовъ заглушитъ пѣніе
муэдзиновъ, воплотившее въ свои печальные звуки
вѣчную мечту мусульманскаго міра объ Единомъ...
Уже и сейчасъ пустуютъ страшные казематы Семи-
башеннаго замка, гдѣ томились когда-то вожди не-
чистыхъ. На площади сераскеріата давно не ли-
лась ихъ кровь, и по улицамъ священнаго Стамбула
хозяевами и повелителями ходятъ жадные на до-
бычу франки. Къ несказаннымъ тайнамъ Мекки и
Медины, которыя самъ Аллахъ заключилъ въ
кольцо жгучихъ песковъ, чтобы путь сюда былъ
подвигомъ и искупленіемъ, нѣмецъ ведетъ желѣз-
ныя дороги. Неужели близокъ тотъ часъ, когда на

LXXXVI.

Мулла Гассанъ наклонился еще ниже. А колокола все громче и громче. Ихъ бронзовые языки точно бьютъ ему въ голову. Носятся вокругъ... Стучатся ему въ грудь, глушатъ его, и кажется, что разверзлись мѣдныя адовы пасти и злобно орутъ ему прямо въ лицо. Священная игла минарета вздрагиваетъ и колеблется. Самыя тучи рвутся отъ ужаса и бѣгутъ, бѣгутъ...

Съ ближайшаго минарета будунъ тревожно смотритъ сюда.

Что это дѣлается со старикомъ? Почему молчить онъ?.. И вдругъ... Нѣтъ, это обманъ!.. Не можетъ случиться подобное.

Мулла Гассанъ простеръ руки вверхъ...

Шепчетъ. Разумѣется, ни съ какого минарета не слышать его словъ:

— Прости, о, Единый... Ты забылъ Свой народъ... Ты отвратилъ отъ него Свой ликъ... Осудилъ его смерти... Семьдесятъ лѣтъ я служилъ Тебѣ въ чистотѣ помысла и упоеніи надежды... Прости, о, Единый!

Будунъ съ минарета крикнулъ...

Что-то зеленое, какъ комокъ, перекинулось съ вышки Селима, мелькнуло, размахнувъ полами, какъ крыльями, и ударило въ черный куполь священнѣйшей изъ джаміи Турціи...

И въ этотъ день муэдзины Адрианополя не дождались желаннаго призыва съ Селимовой мечети...

изъ забытыхъ могилъ вдругъ встали тѣни предковъ, тѣхъ бойцовъ за волю, о которыхъ поетъ былины вашъ сильный, упорный, доблестный народъ. Я видѣлъ, какъ отцы и дѣды сегодняшнихъ богатырей умирали подъ самарскимъ знаменемъ у Старой Загоры; какъ они отбивали бѣшеня атаки сулеймановскихъ таборовъ на вершинахъ Шипки; какъ стройно и побѣдоносно со Скобелевымъ брали шейновскіе редуты Вейсиль-паши. Ихъ дѣти и внуки — героя Мараша, Лозенграда и Бунаръ-Гиссара. Я былъ свидѣтелемъ, какъ ваша несравненная армія, народная, однословная, грамотная, дѣлала, часто голодная и холодная, сорокаверстные переходы и, не отдыхая, била грозныхъ еще вчера палачей. Объ этомъ знаетъ весь свѣтъ, симпатіи котораго завоеваны вашею духовною и нравственною силою. Симпатіи народовъ, но не правительствъ. Вѣдь не является ли исторія послѣдняго времени заговоромъ правительствъ противъ народовъ? Не одну боевую мощь показала Болгарія. Ея исторія послѣднихъ тридцати пяти лѣтъ — рядъ прекрасныхъ и свѣтлыхъ побѣдъ человеческого духа. На моей памяти ваши дѣды, — мой незабвенный другъ Петко Славейковъ, Любень Каравеловъ, Ботевъ, — создавали литературный языкъ, пробуждали народность и сознаніе глубокихъ массъ; вмѣстѣ съ политическою независимостью завоевывали и независимость болгарскому уму, языку и сердцу. Когда я пріѣхалъ сюда потомъ и не засталъ великихъ стариковъ, на расчищенной ими нивѣ я поклонился пѣвцу освободительной эпохи, говорившему изъ-за Дуная цѣлому міру. Въ авторѣ «Подъ игомъ», «Эпопеи забытыхъ», Иванѣ Вазовѣ, въ его мощномъ та-

ждая семья въ частности жертвовали всѣмъ, чтобы поднять своихъ ученыхъ, профессоровъ, учителей, артистовъ. Это были пионеры ума и образованія, и сейчасъ народъ оплакиваетъ утраты лучшихъ изъ нихъ, положившихъ душу на кровавыхъ поляхъ битвъ за други своя. Война ужасна. Общіе идеалы отходятъ въ сторону отъ ея суровыхъ и беспощадныхъ требованій. Я не шовинистъ! Я сочувствую не завоеваніямъ силы, а побѣдамъ духа на крестномъ пути къ свободѣ и правдѣ. Я вижу, что и сейчасъ болгарскій Давидъ, уничтожившій турецкаго Голіаѳа, швырнулъ въ него не камнемъ, а книгою. Не Крезо торжествуетъ надъ Круппомъ, не Манлихеръ надъ Маузеромъ (Маузеръ, вѣдь, лучше Манлихера). Побѣждаетъ грамотный, сознательный, болгарскій гражданинъ-солдатъ варвара, насильника, невѣжду. Свобода — тиранію, независимое слово — темничное безмолвіе, вышедшая изъ оковъ общественная жизнь — деспотизмъ изуверовъ, палачей, готовыхъ забить въ колодки все, безъ чего человѣчество не можетъ жить, работать, идти впередъ къ счастью и политической мощи. Сейчасъ проигрываютъ войны рабы и молчаливники. Солдаты великой французской революціи, бывшіе старыя арміи реакціонной Европы, несли въ своихъ ранцахъ «Contrat social». Ваша народная армія несетъ независимость замученнымъ, освобожденіе рабамъ, знаніе насильно запертымъ въ острожный мракъ... И потому, оплакивая вмѣстѣ съ вами великія духовныя утраты Болгаріи на боевыхъ поляхъ, я съ свѣтлою надеждою гляжу на будущее. Не можетъ только въ битвахъ сказываться мощь народа. Побѣждающій сегодня оружіемъ, онъ завтра подыметъ новые легіоны рыца-

солдатамъ мужество продолжать борьбу съ еще большею энергіею. Памятуя это великое дѣло русскаго народа, мы, когда рѣшили вынести на своихъ плечахъ до конца дѣло освобожденія балканскихъ христіанъ — нашихъ братьевъ, — мы всѣ, отъ перваго гражданина до послѣдняго селяка, были глубоко убѣждены, что съ нами всегда великій стопятидесяти-милліонный русскій народъ, и что этотъ народъ, когда намъ будетъ грозить великая опасность, протянетъ намъ свою мощную десницу. Вы были нашими негласными союзниками.

«Передъ тѣмъ, какъ мы начали войну, дипломатія говорила объ отжившихъ въ свое время формулахъ, — о status quo, объ интегритетѣ и тому подобное. Это, однако, не помѣшало намъ добиться торжества нашего праваго дѣла. Но и этому причиною было болѣе всего русское общественное мнѣніе, руководимое публицистами. Послѣдніе своимъ мощнымъ голосомъ заставили вслушаться въ него русскую дипломатію. И, вопреки мертвымъ формуламъ, стопятидесяти-милліонный русскій народъ заставилъ восторжествовать правду, правоту нашего дѣла. И, такимъ образомъ, еще разъ русская публицистика подкрѣпила наше національное дѣло. За всѣ эти неоцѣнимыя заслуги русской публицистики, русскаго народа, поднимемъ чашу» . . .

Опускаю личное обращеніе ко мнѣ.

Послѣдовали другіе рѣчи и тосты, всѣ проникнутые тою же глубокою признательностью къ русскому народу, тѣмъ же восторженнымъ преклоненіемъ передъ освободительнымъ подвигомъ болгарской арміи и болгарскаго народа.

Это были послѣднія впечатлѣнія мои въ свободномъ краю побѣдоносной демократіи.